

Стивен Кинг

Долгая прогулка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТАРТ

“Вселенная для меня лишена и жизни, и воли, и целесообразности — это всего лишь громадная, мертвая, неизмеримая паровая машина, раздавливающая меня сустав за суставом. О гигантская мрачная Голгофа, Мельница Смерти! Почему смертный обречен идти туда один, без спутников? Почему, если не по воле Дьявола — или Дьявол является Богом?”

Томас Карлейль

«Я призываю всех американцев как можно больше ходить пешком. Это не только полезно для здоровья; это весело».

Джон Ф.Кеннеди

«Насос не работает — вандалы оторвали рукоятку».

Боб Дилан

Глава 1

“Отгадай слова, и выиграешь тысячу долларов! Джордж, так кто же наши первые участники? Джордж?.. Джордж, ты где?..”

Гручо Маркес

Старый голубой «форд», заехавший тем утром на охраняемую автостоянку, был похож на запыхавшуюся от быстрого бега собачонку. Один из охранников, молодой солдат с безучастным выражением лица, попросил показать удостоверение, и парень на заднем сиденье протянул синюю пластиковую карточку матери. Та передала ее охраннику, который сунул карточку в компьютер, выглядевший довольно странно в этом захолустье. Компьютер заглотил карточку, и на его экране высветилось:

ГЭРРЕТИ РЭЙМОНД ДЭВИС

РД 1 ПАУНЭЛ МЭН

ГРАФСТВО АНДРОСКОГГИН

НОМЕР УДОСТОВЕРЕНИЯ 49-801-89

ВЕРНО ВЕРНО ВЕРНО

Охранник нажал кнопку, и все исчезло. Экран засветился ровным зеленоватым светом. Он махнул рукой, чтобы они проезжали.

— А они не отдадут карточку? — спросила миссис Гэррети.

— Нет, ма, — терпеливо ответил Гэррети.

— Мне это не нравится, — заметила она, выезжая на свободное место. Она говорила это с тех пор, как они встали в два часа ночи. Вернее, стонала. — Не беспокойся, — сказал он в который раз, сам себя не слыша.

Он был слишком погружен в свои ощущения — смесь возбуждения и страха.

С последним астматическим выдохом мотора он выбрался из машины высокий, стройный парень в поношенной армейской куртке.

Его мать была тоже высокой, но чересчур худой. Грудь у нее почти отсутствовала. Глаза ее безучастно уставились куда-то в одну точку, как у тяжелобольной. Стального оттенка волосы косо сбились под тяжестью клипс, а платье висело, как на вешалке, — она словно разом потеряла солидную часть веса.

— Рэй, — проговорила она заговорщическим шепотом, от которого он вздрогнул. — Рэй, послушай... Он мотнул головой и стал заправлять в штаны выбившуюся рубашку.

Один из охранников ел что-то из консервной банки, одновременно разглядывая комикс. Гэррети смотрел на него и, наверно, в десятитысячный раз думал:

“Все это на самом деле”.

Теперь впервые эта мысль находила подтверждение.

— Еще есть время изменить решение... И возбуждение, и страх подпрыгнули еще на одно деление.

— Уже нет, — сказал он. — Отсчет начался со вчерашнего дня.

Тем же заговорщическим шепотом, который он терпеть не мог:

— Они поймут, я уверена. Майор...

— Майор... — при этом слове, повторенном им, мать вздрогнула. — Ты знаешь, что сделает Майор.

Еще одна машина завершила краткий ритуал у ворот и подъехала к ним.

Из нее вышел парень с темными волосами. За ним последовали его родители, и на какое-то мгновение все трое застыли в напряжении, как бейсбольные игроки на поле. У парня, как и у всех остальных, был с собой легкий рюкзак.

Гэррети подумал, найдется ли идиот, который отправился в путь с чем-нибудь другим. — Так ты не хочешь?

Он почувствовал вину. Рей Гэррети в свои шестнадцать уже знал кое-что о чувстве вины. Но она, в свою очередь, знала, что он слишком устал, слишком напуган или слишком далек от ее взрослых страхов, чтобы остановиться, прежде чем заработает громоздкая безжалостная машина государства с ее охранниками в хаки и компьютерными терминалами.

Он положил руку ей на плечо.

— Это мое решение, мама. Я... — он оглянулся. Никто не обращал на них никакого внимания. — Я люблю тебя, но мне придется это сделать, так или иначе.

— Неправда, — всхлипнула она. — Рей, это неправда, если бы твой отец был здесь, он бы помешал...

— Но его же нет? — он спешил остановить ее слезы даже таким жестоким способом... Что если они оттащат ее прочь? Он слышал, что такое случилось.

От одной мысли об этом его пробрала дрожь. Уже мягче он сказал:

— Пускай все идет, как идет. Ладно, мама? — он заставил себя улыбнуться. — Ладно, — ответил он за нее.

Ее подбородок еще дрожал, но она кивнула. Просто было уже слишком поздно, и она тоже это понимала.

По кронам сосен прошелестел легкий ветерок. Небо было безмятежно голубым. Впереди лежала дорога, и каменный столбик на ней обозначал границу между Америкой и Канадой. Внезапно его возбуждение превозмогло страх, и ему захотелось пойти, захотелось увидеть себя на этой дороге.

— Вот, я испекла. Ты ведь можешь их взять? Они не тяжелые, — она протянула ему пакетик с печеньем.

— Спасибо, — он взял пакет и неловко обнял ее, пытаясь этим объятием внушить ей то, что она хотела, — что все кончится хорошо... Хотя он сам в это не верил. Он поцеловал ее в щеку — ее кожа напоминала старый шелк. Вдруг ему самому захотелось плакать. Потом он вспомнил усатое, смеющееся лицо Майора и быстро шагнул назад, засовывая печенье в карман куртки.

— Счастливо, мама.

— Счастливого пути, Рэй. Будь хорошим мальчиком.

Она постояла возле него еще минуту — легкая, почти невесомая, и весенний ветерок, казалось, мог подхватить ее, как пух одуванчика. Потом она села в машину и завела мотор. Гэррети остался стоять. Она помахала ему, и теперь он ясно видел на ее глазах слезы. Он помахал в ответ, стараясь выглядеть бодро; но как только машина отъехала и скрылась за воротами, одиночество и страх снова навалились на него.

Он повернулся к дороге. Темноволосый парень смотрел, как уезжают его родители. На щеке у него розовел шрам. Гэррети поздоровался.

— Привет, — сказал парень.

— Я Рэй Гэррети.

— А я Питер Макфрис.

— Готов?

Макфрис пожал плечами:

— Готов бежать. Это не очень-то хорошо.

Гэррети со знающим видом кивнул.

Они вдвоем пошли к пограничному столбу на дороге. Сзади подъезжали еще машины. Какая-то женщина внезапно начала кричать. Ни Гэррети, ни Макфрис не обернулись. Инстинктивно они сошлись ближе, а перед ними лежала дорога, темная и широкая, как река.

— Днем покрытие будет горячим, — сказал Макфрис. Гэррети опять кивнул.

Макфрис задумчиво посмотрел на него.

— Ты сколько вешишь?

— Сто шестьдесят.

— А я сто шестьдесят семь. Говорят, те, кто тяжелее, быстрее устают, но я считаю, что я в хорошей форме.

Гэррети тоже так показалось. Он хотел спросить, кто это сказал, что те, кто тяжелее, устают быстрее, но раздумал. Путь давно оброс легендами и апокрифами, автора которых было не отыскать.

Макфрис присел в тени рядом с несколькими парнями, после минутного колебания Гэррети сел рядом. Макфрис, казалось, забыл о его существовании.

Гэррети посмотрел на часы — пять минут девятого. Старт через пятьдесят пять минут. Нетерпение и тревога нарастали, и, чтобы сопротивляться им, он стал вглядываться в своих будущих попутчиков. Все они сидели, группами и поодиночке; один забрался на нижнюю ветку сосны и ел что-то вроде сэндвича с яйцом, глядя на дорогу. Он был тощим и светловолосым, в красных штанах и зеленом свитере, протершемся на локтях.

Гэррети подумал: интересно, тощим легче идти или они сдадут первыми? Там, где сидели они с Макфрисом, завязался разговор.

— Я не собираюсь спешить, — сказал один парень. — Ну, получу предупреждение, что с того? Это только для порядка. Порядок здесь — ключевое слово, запомните это.

Он оглянулся и заметил Гэррети и Макфриса.

— О, еще ягнята на бойню! Привет, парни. Меня зовут Хэнк Олсон, и ходить — мое хобби, — он сказал это без улыбки.

Гэррети назвал себя; Макфрис пробормотал свое имя еле слышно, не отрывая глаз от дороги.

— Я Арт Бейкер, — сказал еще один тихо, с легким южным акцентом.

Они обменялись рукопожатиями. На минуту повисло молчание, потом Макфрис сказал:

— Страшно немного, правда?

Все кивнули, кроме Хэнка Олсона, который пожал плечами и усмехнулся.

Гэррети смотрел на парня в красных штанах, который доел сэндвич, скатал бумагу в шарик и неловко бросил за плечо. «Этот накроется раньше», — подумал он, и от этой мысли ему почему-то стало легче.

— Видите вон то место возле границы? — спросил Олсон.

Они все взглянули. Ветер играл тенями в разросшейся траве, и Гэррети не мог увидеть ничего определенного.

— Это осталось от прошлогоднего Пути, — с мрачным удовлетворением пояснил Олсон. — Один так испугался, что застыл там ровно в девять. Гэррети представил это и похолодел.

— Не мог двинуться, понимаете? Ему вклеили три предупреждения и через две минуты выписали пропуск. Прямо тут, у старта.

А что, если его ноги не смогут сдвинуться с места? Гэррети такого не предполагал, но заранее не мог быть уверен. Эта мысль сводила с ума, и зачем этот Хэнк рассказывает такие жуткие вещи?

Внезапно Арт Бейкер резко привстал.

— Вот он!

Песочного цвета джип подъехал к пограничному столбу и остановился. За ним ползла странная гусеничная машина, похожая на вездеход, по бокам которого торчали тарелочки радаров. Наверху машины сидели двое солдат, и Гэррети при виде их почувствовал холод в желудке. В руках они держали тяжелые армейские карабины.

Некоторые вскочили, но Гэррети остался сидеть. Так же, как Олсон и Бейкер, а Макфрис вообще был так погружен в свои мысли, что, казалось, ничего не замечал.

Из джипа вылез Майор — высокий, загорелый мужчина с военной выправкой.

Загар очень подходил к его выгоревшему защитному костюму. На поясе у него была кобура, а на лице — темные очки. Ходили слухи, что глаза Майора не выносят яркого света, и он появляется на людях исключительно в очках.

— Сидите, ребята, — сказал он. — Помните пункт 13.

Этот пункт гласил: «Сохраняй энергию по мере возможности».

Те, кто успел встать, снова сели. Гэррети опять посмотрел на часы и решил, что они немного спешат. Было 8.16, а Майор никогда не опаздывал. Он хотел перевести часы на минуту назад, а потом забыл.

— Не буду произносить речей, — сказал Майор, глядя на них черными пустыми линзами. — Просто поздравляю того из вас, кто победит, и выражаю сожаление проигравшим.

Он отвернулся к джипу. Все молчали. Гэррети глубоко вдохнул свежий весенний воздух. День будет теплым, для ходьбы в самый раз.

Майор опять повернулся к ним. В руках он держал папку.

— Когда я назову вашу фамилию, выйдите, пожалуйста, вперед и возьмите ваш номер. Потом вернитесь на место и стойте, пока я не дам знак начинать. — Вот мы и в армии, — с ухмылкой шепнул Олсон, но Гэррети не обратил внимания. Майором нельзя было не восхищаться. Отец Гэррети, пока его не забрали люди из Эскадрона, часто говорил, что Майор — самый гнусный и опасный монстр, какого нация когда-либо производила. Но он никогда не видел Майора так, лицом к лицу.

— Ааронсон.

Низкорослый крепыш деревенского вида с обожженной солнцем шеей неуклюже шагнул вперед, явно сконфуженный присутствием Майора, и взяла большую пластиковую единицу. Он прикрепил ее к рубашке и получил от Майора поощрительный хлопок по спине.

— Абрахам.

Высокий рыжий парень в джинсах и ковбойке. Куртка у него была по-школьному обвязана вокруг пояса и хлопала по ногам при каждом шаге.

Олсон фыркнул.

— Бейкер Артур.

— Это я, — Бейкер встал с нарочитой медлительностью, что заставило Гэррети понервничать. «Тянет время, — подумал он. — Или строит из себя смельчака».

Бейкер вернулся, прицепляя на ходу номер три к рубашке.

— Он что-нибудь тебе сказал? — спросил Гэррети.

— Он спросил, не жарко ли у нас дома. Да... Майор так спросил.

— Не так жарко, как будет здесь, — хихикнул Олсон.

— Бейкер Джеймс, — продолжил Майор переключку.

Она продолжалась до 8.40 и прошла успешно. Никто не отказался.

Позади, на стоянке, стали разъезжаться оставшиеся машины — парни из списка запасных уезжали домой, чтобы посмотреть ДЛИННЫЙ ПУТЬ — по телевизору. «Началось, — подумал Гэррети, — в самом деле началось».

Когда пришла его очередь, Майор протянул ему номер 47 и пожелал удачи.

Вблизи от Майора веяло чем-то очень мужским — силой, должно быть, и властью. Гэррети вдруг захотелось потрогать его и убедиться, что он настоящий.

Питер Макфрис получил номер 61, Хэнк Олсон — 70. Он пробыл у Майора дольше остальных. Майор засмеялся чему-то, что сказал Олсон, и хлопнул его по спине.

— Я посоветовал ему приберечь побольше денег для меня, — рассказал он, вернувшись. — А он сказал мне:

“Давай, попробуй их взять”. Сказал, что любит таких остряков.

“Возьми их, парень”, — так он сказал.

— Ну-ну, — сказал Макфрис, подмигнув Гэррети. Гэррети не мог понять, что он имел в виду. Смеялся над Олсоном?

Тощий парень, который сидел на дереве, оказался Стеббинсом. Он взял свой номер молча, потупив глаза, и тут же вернулся на свое место. Почему-то он заинтересовал Гэррети.

Номер 100 дали здоровенному рыжему парню по фамилии Зак. После этого они все сели и стали ждать.

Потом трое солдат из вездехода принесли им широкие ремни с карманами.

В карманах лежали тюбики с высококалорийными концентратами. Другие солдаты раздали фляжки с водой. Все опоясались ремнями. Олсон нацепил свой на самые бедра, как ковбой, выудил плитку шоколада и захрустел ей.

— Неплохо, — заметил он, ухмыляясь.

Он запил шоколад водой из фляжки, и Гэррети спросил себя: то ли Олсон просто храбрится, то ли он знает о жизни что-то такое, чего не знает он, Гэррети.

Майор оглядел их. Часы Гэррети показывали 8.56 — насколько они все-таки спешат? В животе неприятно урчало.

— Ладно, парни, станьте по десяткам. Не надо строгого порядка.

Становитесь со своими друзьями, если хотите.

Гэррети встал, ощущая нереальность происходящего. Его тело словно перешло к кому-то другому, и он наблюдал все это со стороны. — Вот мы и пошли, — сказал сбоку Макфрис. — Желаю удачи. — И тебе тоже, — ответил удивленный Гэррети.

Макфрис выглядел бледным и озабоченным. Он попытался улыбнуться и не смог. Шрам горел на его лице, как странный восклицательный знак.

Стеббинс встал и подошел к последней десятке. Олсон, Бейкер, Макфрис и Гэррети оказались вместе в третьей. Рот у Гэррети пересох, но он решил пока не пить. Никогда еще он так не беспокоился о своих ногах. Вдруг он застынет на месте и получит свой пропуск прямо на старте? Он подумал о том, когда это случится со Стеббинсом — Стеббинсом, который носил красные штаны и ел сэндвич с яйцом.

Получит ли он пропуск первым? И как это выглядит со стороны?

На его часах было 8.59.

Майор держал в руке сияющий стальной хронометр. Сто взглядов внимательно смотрели, как он медленно поднимает руку. Нависло неопишемое молчание.

Часы Гэррети показывали 9.00, но рука оставалась неподвижной.

Ну, давай же! Почему он медлит?

Гэррети едва не закричал.

Потом он вспомнил, что его часы на минуту спешат. Нужно было перевести их, но он забыл.

Рука Майора резко упала.

— Удачи вам всем, — сказал он без выражения. Глаза его все так же прятались за темными очками.

Они пошли, стараясь не спешить.

Гэррети пошел вместе со всеми. Он не застыл на месте, и никто не застыл. Ноги послушно пронесли его мимо пограничного столба рядом с Макфрисом и Олсоном. Звук шагов казался очень громким.

Вот так, вот так, вот так.

Внезапно его охватило острое желание остановиться. Посмотреть, не шутка ли все это. Он быстро прогнал эту безумную мысль.

Они вышли из тени на солнце, теплое весеннее солнце. Это успокоило Гэррети, и он сунул руки в карманы и пристроился к Макфрису. Десятки начали рассыпаться — каждый подбирал собственный ритм и скорость. Мимо протащился вездеход, поднимая пыль. Тарелки радаров деловито вращались, фиксируя скорость каждого участка на компьютере. Низший предел допустимой скорости был что-то около четырех миль в час.

— Предупреждение! — Предупреждение 88-му! Гэррети оглянулся. 88-м был

Стеббинс. Конечно, он был уверен, что Стеббинсу выпишут пропуск прямо здесь, у старта.

— Чудесно, — голос Олсона.

— Что? — Гэррети пришлось совершить усилие, чтобы пошевелить языком. — Он получил предупреждение, когда еще не устал и может подумать о том, как себя вести. И он может легко избавиться от этого — пройди час без предупреждения, и с тебя снимут предыдущее. Ты знаешь.

— Знаю, — сказал Гэррети. Это было в правилах. Ты получаешь три предупреждения, а на четвертый раз, когда твоя скорость упадет ниже четырех миль в час, тебя... Ну, ты сходишь с дистанции. Но если ты после трех предупреждений проходишь три часа, то можешь считать себя заново родившимся.

— И он знает, — сказал Олсон. — Так что ровно в 10.20 он будет оправдан.

Гэррети чувствовал себя прекрасно. Пограничный столб исчез из виду, когда они перевалили холм и начали спуск в длинную, поросшую соснами долину. Там и тут виднелись аккуратные поля со свежевскопанной землей.

— Картошка, что ли? — спросил Макфрис.

— Лучшая в мире, — автоматически ответил Гэррети.

— Ты из Мэна? — поинтересовался Бейкер.

— Да, только с побережья.

Он посмотрел вперед. Несколько участников оторвались от остальных, делая около шести миль в час. На двоих были одинаковые кожаные куртки с чем-то вроде орла на спине. Гэррети захотелось догнать их, но он твердо по мнил: спешить не надо. «Сохраняй энергию по мере возможности» — пункт 13.

— И дорога проходит рядом с твоим городом? — спросил Макфрис.

— В семи милях. Я думаю, моя мать и подружка выйдут меня встретить, — он прервался и добавил, — если, конечно, я еще буду идти.

— Ну, к побережью где-то двадцать пять из нас уже сойдут, — бросил Олсон со своим обычным видом знатока.

Наступило молчание. Все знали, что в этом Олсон прав. Еще двое участников получили предупреждение, и чтобы там ни говорил Олсон, сердце Гэррети каждый раз екало. Он оглянулся на Стеббинса — тот по-прежнему плелся позади, доедая очередной сэндвич с яйцом. Это был уже третий сэндвич, извлеченный им из кармана зеленого свитера. Гэррети подумал о том, кто их дал ему — должно быть, мать, — и вспомнил о печенье, которое дала ему его мать, настойчиво, словно пытаясь отпугнуть от него злых духов. — Почему они не пускают людей посмотреть на старт? — спросил Гэррети. — Чтобы не отвлекать внимания участников, — сказал чей-то голос.

Гэррети повернул голову. Это был невысокого роста темноволосый парень с номером пять на куртке. Гэррети не помнил его фамилии.

— Внимание?

— Ну да. Майор говорил, что для участников Длинного пути очень важно сконцентрироваться с самого начала, — он почесал свой острый нос большим

пальцем. На носу багровел солидных размеров прыщ. — И я с ним согласен. Люди, телевидение — все это очень отвлекает. А нам нужно сосредоточиться, — он посмотрел на Гэррети маленькими карими глазками и повторил. — Сосредоточиться!

— Все, на чем я сосредоточен — это поднимать и опускать ноги, — заметил Олсон. Номер пять поморщился.

— Так не пойдет. Нужно сосредоточиться на себе, на своем плане.

Кстати, я Гэри Баркович из Вашингтона, округ Колумбия.

— А я — Джон Картер из Барсума, Марс, — сказал Олсон.

Баркович недовольно скривился и отстал.

— Да, в любых часах сидит своя кукушка, — заметил Олсон, но Гэррети этот Баркович показался не таким уж глупым — во всяком случае, пока один из солдат не крикнул пять минут спустя: "Предупреждение! Предупреждение пятому!"

— Мне попал камень в ботинок! — крикнул в ответ Баркович.

Солдат не ответил. Он спрыгнул с вездехода и остановился на обочине напротив Барковича, глядя на такой же стальной хронометр, как у Майора.

Баркович совсем остановился, сдернул с ноги ботинок и потряс его. Его смуглое лицо блестело от пота, и он не обратил внимания, когда солдат сделал ему второе предупреждение. Он заботливо подтягивал носок.

— Ого, — сказал Олсон. Они все разом обернулись и шли теперь задом наперед, следя за развитием событий.

Стеббинс прошел мимо Барковича, не взглянув на него. Теперь Баркович остался один посреди дороги. Он уже надевал ботинок.

— Третье предупреждение пятому! Последнее предупреждение.

Что-то зашевелилось в желудке Гэррети, как комок липкой слизи. Он не хотел смотреть и знал, что ходьба задом наперед не способствует сбережению энергии, но не мог ничего поделать. Он физически ощущал, как последние секунды Барковича падают куда-то в пустоту.

— О Господи, — сказал Олсон. — Сейчас этот болван получит свой отпуск.

Но тут Баркович пошел. Он задержался на секунду, чтобы отряхнуть грязь с коленей, и скоро догнал впереди идущих. Обогнав Стеббинса, который по-прежнему не глядел на него, он приблизился к Олсону. Он ухмыльнулся, карие глаза блестели.

— Видел? Я сумел отдохнуть. Это входит в мой план.

— Можешь так думать, — ответил Олсон чуть громче, чем обычно. — Я вижу только то, что ты получил три предупреждения. За паршивую минуту тебе придется идти три гребаных часа. И зачем тебе отдых? Мы же только начали.

Баркович сверкнул глазами.

— Еще посмотрим, кто раньше получит пропуск, ты или я, — огрызнулся он. — Это тоже мой план.

— Твой план что-то очень похож на то, что выходит из моей задницы, — заметил Олсон, и Бейкер прыснул. Баркович фыркнул и ушел вперед.

— Смотри не споткнись, парень, — бросил ему вслед Олсон. — Больше они не станут с тобой разговаривать.

Баркович шел, не оглядываясь.

В 9.13 по часам Гэррети (он так и не перевел их на минуту назад) сзади появился джип Майора. Подъехав к ним, Майор высунулся из машины и поднес ко рту громкоговоритель.

— Рад сообщить ребята, что вы одолели первую милю пути. Напоминаю, что самой длинной дистанцией, которую участники когда-либо одолели в полном составе, было семь и три четверти мили. Надеюсь, что вы улучшите этот результат.

Джип уехал вперед. Олсон смотрел ему вслед неподвижным, испуганным взглядом. «Даже до восьми миль не дотянули», — подумал Гэррети. Он думал раньше, что никто, даже Стеббинс, не получит пропуск по крайней мере до конца дня. Тот же Баркович — ему ведь нужно было всего лишь идти три часа, не снижая скорости.

— Рэй! — это был Арт Бейкер. Он снял куртку и перекинул ее через руку.

— А почему ты решил участвовать в Длинном пути?

Гэррети достал фляжку и отхлебнул глоток воды. Она была холодная и вкусная. На губах остались капли, и он слизнул их.

— Сам не знаю, — честно признался он.

— Я тоже, — Бейкер на миг задумался. — Может, тебя обижали в школе или еще где-нибудь?

— Нет.

— Меня тоже. Но сейчас это, наверное, не имеет значения.

— Наверное, — согласился Гэррети.

Разговор заглох сам собой. Они миновали деревеньку с магазином и бензоколонкой. У бензоколонки сидели на садовых стульях два старика и глядели на них стариковскими ящеричьими глазами. Молодая женщина на ступеньках магазина подняла своего маленького сына, чтобы он мог видеть их.

Рядом стояли двое ребят постарше, кто-то заговорил о том, с какой скоростью они идут. Один утверждал, что семь миль в час, другой — что десять. Кто-то авторитетно заметил, что парень впереди получил уже три порции.

Гэррети подумал, что будь это правдой, он бы уже не был впереди.

Олсон доел плитку шоколада, начатую на старте, и запил ее водой.

Другие тоже ели, но Гэррети решил подождать, пока не проголодается по-настоящему. Он слышал, что эти концентраты хорошо утоляют голод, когда-то их ели космонавты.

Вскоре после десяти они миновали указатель «Лайм-стоун 10 мл».

Гэррети вспомнил единственный ДЛИННЫЙ ПУТЬ —, который он видел вместе с отцом. Тогда они поехали во Фрипорт и смотрели, как участники проходили по улице — усталые, с пустыми глазами, не обращая внимания на приветствия и аплодисменты, которыми их награждала толпа. Отец сказал потом, что люди стояли вдоль дороги до

самого Бангора. Выше дорога была окружена кордоном — должно быть, чтобы участники могли сконцентрироваться, как говорил Баркович. Но с тех пор, похоже, интерес к Длинному пути немного упал.

К тому времени, когда участники достигли Фрипорта, они находились в дороге уже 72 часа. Гэррети было десять лет, но он хорошо помнил все. Когда участники были еще в шести милях от города, Майор обратился к собравшимся с речью — начал с Духа Состязания, продолжил Патриотизмом и закончил каким-то Валовым Национальным Продуктом. Гэррети тогда рассмеялся — слово "валовый" показалось ему чем-то противным, вроде тараканов. Он съел шесть хот-догов и к моменту встречи участников намочил штаны.

Один из них кричал — это было самое яркое воспоминание. Каждый раз, поднимая и опуская ноги, он кричал: «Не могу! Не могу! Не могу-у-у!!!» Но он все равно шел, и все они шли, и скоро скрылись за зданием универмага.

Гэррети был слегка разочарован тем, что никому из них не выписали пропуск.

Больше они не видели Длинного пути. В тот же вечер, перед сном, Гэррети слышал, как его отец кричит на кого-то по телефону, как он всегда делал, когда был пьян или говорил о политике, а мать шепотом уговаривала его замолчать и не губить себя, пока кто-нибудь его не подслушал.

Гэррети отпил еще воды. Они прошли еще дома, возле которых целые семьи махали им, улыбаясь и попивая кока-колу.

— Гэррети, — позвал Макфрис. — Ты погляди!

Симпатичная девушка лет шестнадцати в белой блузке и красных шортах держала плакат: "Гэррети, номер 47, давай — давай! Ты из Мэна, не забывай!

Мы любим тебя, Рэй!"

Сердце Гэррети забилось сильнее. Внезапно он понял, что выиграет — незнакомая девушка обещала ему это.

Олсон свистнул и принялся совать свой потный указательный палец в кулак. «Грязная шутка», — подумал Гэррети.

Черт с ним, с пунктом 13! Гэррети подбежал к обочине, девушка увидела его номер, кинулась к нему и поцеловала в губы. Внезапно Гэррети почувствовал возбуждение. Девушка впилась в него, осторожно облизывая его рот. С трудом сознавая, что делает, он обхватил ее круглую попку и притянул к себе.

— Предупреждение! Предупреждение 47-му!

Гэррети шагнул назад и усмехнулся.

— Спасибо.

— О...О, извини! — она, расширив глаза, смотрела на него. Он хотел сказать еще что-нибудь, но солдат уже открывал рот для второго предупреждения. Он потрусил на свое место, чувствуя себя немного виноватым перед пунктом 13.

Олсон ухмыльнулся ему.

— За такое не жалко получить и три предупреждения.

Гэррети не ответил, но повернулся и помахал девушке. Когда она скрылась из виду, он пошел вперед решительно и твердо. Через час предупреждение снимут, а новых он не получит. Он чувствовал в себе силы идти хоть до самой Флориды.

— Рэй! — это был Макфрис. — Куда ты так спешишь? Да, правда. Пункт 6:

“Не торопись”.

— Спасибо.

— Не благодари. Победу я тебе не уступлю. Гэррети в недоумении посмотрел на него.

— Я к тому, что нечего разыгрывать из себя мушкетеров. Ты мне нравишься, и я рад, что к тебе липнут хорошенькие девчонки, но если ты упадешь, поднимать я тебя не стану.

— Да, — он улыбнулся в ответ, но улыбка вышла кривой.

— И в то же время, — вмешался Бейкер. — Мы все в одинаковом положении и можем хотя бы не портить друг другу настроение.

— Верно, — сказал Макфрис, улыбаясь. Они начали подниматься на очередной холм. Гэррети снял куртку и перекинул ее через плечо. У обочины лежал старый свитер — кто-то решил позаботиться о них. Гэррети автоматически поднимал и опускал ноги. Он все еще чувствовал себя хорошо. Он чувствовал, себя сильным.

Глава 2

“Теперь у вас есть деньги, Элен, можете взять их себе. Если, конечно, не захотите отдать их за то, что спрятано за занавеской”.

Монти Холл

— Я Гаркнесс, номер 49. А ты Гэррети, номер 47, правильно?

Гэррети посмотрел на очкастого парня, стриженного под ежик.

Лицо Гаркнесса было красным и блестело от пота.

— Правильно.

Гаркнесс достал блокнот и записал фамилию и номер Гэррети.

Подчерк сильно прыгал, поскольку приходилось писать на ходу. Он налетел на парня по имени Колли Паркер, который посоветовал, ему глядеть, на какой хер он суется. Гэррети с трудом подавил улыбку.

— Я всех записываю, — похвастался Гаркнесс. Утреннее солнце блестело на его очках, и Гэррети пришлось сощуриться, чтобы разглядеть его лицо.

Было 10.30, до Лаймстоуна оставалось 8 миль, и всего через полторы мили они перекроют рекордную дистанцию, пройденную всеми участниками Длинного пути. — Вам, наверное, интересно, зачем я это делаю? — спросил Гаркнесс.

— Ты из Эскадрона, — бросил через плечо Олсон.

— Нет. Я хочу написать книгу, когда все это закончится.

Гэррети улыбнулся.

— Если ты выживешь, хочешь сказать.

Гаркнесс пожал плечами.

— Ну да. Только подумайте: книга о Длинном пути, написанная его участником! Она сразу сделает меня богачом.

Макфрис засмеялся.

— Если ты выиграешь, ты станешь богачом без всякой книги, разве не так?

— Ну... Наверное. Но все равно это будет интересная книга.

Они шли дальше, и Гаркнесс продолжал записывать имена и номера.

Большинство охотно говорили ему и расспрашивали о будущей великой книге.

Они прошли уже шесть миль. Скоро рекорд будет побит. Гэррети подумал о том, почему им так хочется побить этот рекорд, и решил, что потом... Тогда и начнется настоящее соревнование. Разнесся слух, что ожидается дождь, — похоже у кого-то был транзистор. Эта новость не порадовала Гэррети — дожди в начале мая не из теплых, во всяком случае в Мэне.

Они шли.

Макфрис ступал твердо, подняв голову и стараясь не размахивать руками.

Если рюкзак и мешал ему, он не подавал виду. Глаза его были устремлены вперед, а когда им встречались люди, он улыбался своими тонкими губами и махал им. Он не выказывал признаков усталости и не получил пока ни одного предупреждения.

Бейкер шел отдельно от других, скользящей походкой опытного ходока.

Он рассеянно помахивал курткой и иногда начинал насвистывать какую-нибудь мелодию. Гэррети казалось, что он может идти так вечно. Олсон больше не болтал. Похоже, он с трудом сгибал ногу — Гэррети несколько раз слышал, как щелкала коленная чашечка. Олсон явно устал, и фляжка его почти опустела.

Скоро ему нужно будет помочиться.

Баркович то появлялся в авангарде, то вдруг оказывался сзади, рядом с Стеббинсом. Он лишился одного из своих трех предупреждений, но получил его снова через пять минут. Гэррети решил, что ему нравится балансировать на грани.

Стеббинс продолжал плестись позади всех. Он ни с кем не разговаривал — то ли устал, то ли просто не хотел. Гэррети все еще казалось, что он выйдет из игры первым. Стеббинс стянул свой зеленый свитер и дожевывал еще один сэндвич с яйцом — по всей видимости, последний. Лицо его напоминало маску. Они шли.

Дорогу пересекала еще одна дорога, и полицейские перекрывали движение, пока они проходили. Каждому участнику полицейские отдавали честь, а Гэррети улыбался и кивал в ответ, и думал, что со стороны они кажутся сумасшедшими.

Машины загудели, и тут на дорогу выбежала женщина. Она выскочила из машины,

где, очевидно, поджидала своего сына.

— Перси! Перси!

Это был 31. Он залился краской, махнул ей, и пошел дальше — торопливо опустив голову. Женщина пыталась подбежать к нему, но один из полицейских поймал ее за руку. Потом дорога сделала поворот, и сцена пропала из виду. Они прошли по деревянному мосту через маленький, лениво журчащий ручеек. Гэррети поглядел вниз и успел разглядеть в воде искаженное отражение собственного лица.

Он миновали указатель «Лаймстоун 7 мл.» и развевающийся транспарант с надписью «Лаймстоун рад приветствовать участников Длинного пути». Гэррети подсчитал, что меньше чем через милю они побьют рекорд. Потом начались неприятности с парнем по фамилии Кэрли, номер 7.

Он натер мозоли и уже получил первое предупреждение. Гэррети поравнялся с Олсоном и Макфрисом.

— Где он? — спросил он.

Олсон ткнул пальцем в худого парнишку в джинсах. На его узком лице, на котором он безуспешно пытался отрастить бакенбарды, отражалось ужасное напряжение, и он смотрел на свою правую ногу.

— Предупреждение! Предупреждение 7-му!

Кэрли поспешил вперед, пыхтя не то от страха, не то от удивления.

Гэррети не замечал вокруг ничего — теперь он смотрел только на Кэрли, на его борьбу со смертью. Он создавал, что через час или через день это будет и его борьба.

Он никогда не видел более завораживающего зрелища. Кэрли медленно терял скорость, и другие получили несколько предупреждений прежде, о том, что нужно спешить вперед. Это значило, что Кэрли близок к своему концу.

— Предупреждение! Третье предупреждение 7-му!

— У меня мозоли! — хрипло крикнул в ответ Кэрли. — Вы бы тоже не смогли идти, если бы натерли мозоль!

Он был рядом с Гэррети. Гэррети видел, как его кадык двигался вверх и вниз, когда он кричал. Паника исходила от него волнами, как запах свежерезанного лимона.

Тем не менее он продолжал идти. Гэррети почувствовал разочарование.

Конечно, это нехорошо и неспортивно, но он хотел увидеть, как кто-нибудь получит пропуск раньше него.

На часах было пять минут двенадцатого. Гэррети предположил, что они уже побили рекорд, если шли со скоростью четыре мили в час. Скоро Лаймстоун. Он видел, как Олсон растирает одно колено, потом другое. Он пощупал собственное колено и удивился тому, насколько оно онемело, но ноги у него еще не болели.

Они миновали грязный поселок, у выезда с которого стоял молочный фургон. Молочник, сидящий на капоте, жизнерадостно помахал им.

— Давай, ребята!

Гэррети внезапно охватила злость. Ему захотелось крикнуть: «Эй, почему бы тебе

не поднять свою жирную задницу и не пройти с нами?» Но молочнику было больше восемнадцати; точнее, ему было за тридцать. Он был старый. — Эй, держи пять! — крикнул Олсон, проходя мимо. Кто-то рассмеялся. Фургон скрылся из виду. Появились новые проселки, новые и новые полицейские и толпы людей. Кто-то разбрасывал конфеты. Гэррети почувствовал прилив сил. Это приветствовали его — ведь он из Мэна!

Внезапно Кэрли закричал. Гэррети оглянулся — Кэрли шел согнувшись, обхватив ногу руками. Он шел все медленнее.

И все затем произошло так же медленно, будто примеряясь к его шагу.

Солдаты на броне вездехода медленно подняли карабины. Толпа выдохнула, словно не знала, что сейчас произойдет, и участники Длинного пути тоже выдохнули, и Гэррети с ними, но, конечно, он знал, и они все знали. Все просто — Кэрли предстояло получить пропуск.

Щелкнули затворы. Все отшатнулись, и Кэрли остался один посреди омытой солнцем дороги.

— Это нечестно! — закричал он. — Нечестно!

Идущие вошли в тень деревьев. Некоторые из них оглянулись, другие продолжали смотреть вперед. Гэррети оглянулся. Он не мог не смотреть. Толпа зрителей хранила молчание, словно ее просто отключили.

— Это не... Четыре карабина разом выстрелили. Звук был очень громкий. Он долетел до окружающих холмов и отразился от них.

Стриженная голова Кэрли исчезла в вихре крови, мозгов и осколков черепа. То, что от него осталось, шлепнулось на белую линию, как мешок с мукой.

«Еще 99, — подумал Гэррети, — 99 бутылок пива на полке, и если одной из них суждено упасть... О Господи, Господи...»

Стеббинс прошел мимо трупа. Одной ногой он наступил в кровь, и следующий его шаг оставил кровавый след, как фотография в детективном журнале. Стеббинс даже не посмотрел на то, что осталось от Кэрли, и лицо его не изменилось. «Стеббинс, ублюдок, — подумал Гэррети, — это должен был быть ты, ты это знаешь?» Потом он отвернулся: он не хотел, чтобы его вырвало.

Женщина, стоявшая у автобуса «фольксваген», закрыла лицо руками; она всхлипывала, и Гэррети вдруг обнаружил, что видит сквозь платье ее панталоны. Голубые. Как ни странно, он опять почувствовал возбуждение.

Лысый толстяк испуганно смотрел на Кэрли и чесал бородавку за левым ухом.

Он все еще смотрел и чесал бородавку, когда Гэррети потерял его из виду. Они шли. Гэррети опять оказался рядом с Олсоном, Бейкером и Макфрисом.

Все они теперь глядели прямо перед собой, стараясь сохранить спокойное выражение лица. Эхо выстрелов, казалось, еще висело в неподвижном воздухе.

Гэррети думал о кровавом следе, оставленном теннисной туфлей Стеббинса. Он думал, оставлял ли Стеббинс еще такие следы, потом обругал себя, но не мог удержаться от этих мыслей. Он думал, было ли Кэрли больно. Думал, чувствовал

Кэрли, как его тело распадается, или он просто был в одну секунду жив, а в следующую уже мертв. Конечно, думать об этом было страшно. Особенно было страшно сознавать, что без него, как и без Кэрли, мир будет все также кружиться в пустоте, равнодушный и ничего не знающий.

Разнесся слух, что к моменту гибели Кэрли они прошли уже девять миль, и что Майор очень этим доволен. Но кто мог знать, чем на самом деле доволен Майор?

Гэррети быстро оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на тело Кэрли, но они уже зашли за поворот.

— Что у тебя в рюкзаке? — неожиданно спросил Бейкер у Макфриса. Он старался говорить обычно, но голос его был неестественно высоким и каким-то деревянным.

— Чистая рубашка, — ответил Макфрис. — И сырой гамбургер.

— Сырой гамбургер, — Олсон скривился.

— В нем очень много энергии.

— Ты с ума сошел. Ты же все выблюешь.

Макфрис только улыбнулся.

Гэррети самому захотелось сырого гамбургера. Это лучше, чем шоколад и концентраты. Он вспомнил о своем печенье, но после Кэрли ему не очень-то хотелось есть. Как еще после этого он мог думать о своем гамбургере? Зрители, похоже, знали уже, что один из участников получил пропуск, иначе с чего бы они стали аплодировать еще сильнее? Аплодисменты трещали, как попкорн. Гэррети подумал о том, каково это быть застреленным перед целой толпой народа, — потом решил об этом не думать.

Стрелки его часов застыли на полудне. Они прошли по ржавому железному мосту через пересохший ручеек, и их встретил транспарант: «Вы входите в город Лаймстоун. Привет участникам Длинного пути!» Кое-кто закричал «Ура», но Гэррети берег дыхание.

Дорога расширилась, и участники привольно расположились на ней, поодиночке и группами. Кэрли остался уже почти в трех милях позади. Гэррети достал печенье и некоторое время смотрел на обертку из фольги.

Внезапно ему захотелось домой, потом он подавил это чувство. Он увидит мать и Джен во Фрипорте. Съев печенье, он почувствовал себя лучше.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросил Макфрис. Гэррети покачал головой.

Он отпил из фляжки и помахал пожилой паре, стоявшей у обочины с плакатом «ГЭРРЕТИ».

— Я не знаю, что будет, если я вдруг выиграю, — признался Макфрис.

— Мне ничего особенно не нужно. Я имею в виду, у меня нет больной матери или отца-инвалида. Нет даже маленького брата, умирающего от лейкемии, — он засмеялся.

— Но у тебя есть какая-то цель?

— У меня цель выиграть. Но вся эта штука в целом — она бесцельна.

— Ты сейчас не можешь так говорить. Если бы все уже кончилось...

— Да, я знаю. Все еще продолжается, но...

— Смотри! — крикнул идущий впереди парень по фамилии Пирсон. — Что делается!

Они наконец вошли в город. Вдоль улиц возвышались нарядные дома, окруженные зелеными лужайками, и на этих лужайках собрались толпы людей.

Почти все они сидели, как показалось Гэррети, на садовых стульях или прямо на траве, смеясь и маша руками. Его охватили зависть и гнев.

“Поднимите свои задницы, сволочи! Будь я проклят, если помашу в ответ!

Пункт 13: сохраняй энергию”.

Но потом он решил не думать. Люди могут подумать, что он устал. Он же все-таки из Мэна! Он решил махать всем, кто держит плакат с его фамилией, и всем хорошеньким девушкам.

Улицы и перекрестки медленно проплывали мимо. Сикомор-стрит и Кларк-авеню, Иксченч-стрит и Джунипер-лэйн. Они прошли магазин, в витрине которого были выставлены портреты Майора — рядом с рекламой «Наррагансет». Народу было много, но не слишком. Гэррети знал, что настоящие толпы начнутся ближе к побережью, но был слегка разочарован. А бедный старый Кэрли не увидел даже этого.

Внезапно откуда-то вынырнул джип Майора.

Разразилась буря аплодисментов. Майор, улыбаясь, кивал и махал рукой толпе и участникам. Потом он поднес к губам громкоговоритель:

— Я горжусь вами, ребята!

Кто-то за спиной Гэррети отчетливо произнес:

— Чертово дерьмо.

Гэррети оглянулся, но сзади него было лишь четверо парней, во все глаза глядевших на Майора (один вдруг заметил, что отдает честь, и быстро убрал руку), и Стеббинс. Стеббинс, казалось, вовсе не заметил Майора.

Джип рванулся вперед и скрылся из виду. Они прошли Лаймстоун в половина первого.

Это оказался типичный провинциальный городишко: «деловой центр» из двух улиц, «Макдональдс», «Пицце-Хат» и «Бургер-Кинг». Вот и весь Лаймстоун.

— Не очень-то он большой, — заметил Бейкер.

— Зато здесь хорошо жить, — слегка обиженно отозвался Гэррети.

— Упаси Бог от такой жизни, — сказал Макфрис, но с улыбкой.

К часу Лаймстоун стал уже историей. Какой-то мальчик шел с ними почти мило, потом сел и долго смотрел им вслед.

Местность стала холмистой. Гэррети впервые с начала пути по-настоящему вспотел. Рубашка прилипла к спине. Где-то впереди собирались грозовые облака, но они были еще далеко.

— А какой следующий город, Гэррети? — спросил Макфрис.

— Карибу, я думаю, — на самом деле он думал о Стеббинсе.

Стеббинс засел в его голове, как заноза. Часы показывали 13.30, и они прошли уже восемнадцать миль.

— И далеко это?

Гэррети подумал, сколько участники когда-либо проходили только с одним выбывшим. Восемнадцать миль казались ему достаточно внушительной цифрой.

Этим можно было гордиться. «Я прошел восемнадцать миль».

— Я спрашиваю...

— Миль тридцать отсюда.

— Тридцать, — повторил Пирсон. — О Боже!

— Этот город больше, чем Лаймстоун, — сказал Гэррети. Он как будто оправдывался, неизвестно почему. Может, потому, что многие из них умрут здесь. Может, все. Только шесть Длинных путей в истории пересекли границу Нью-Хэмпшира, и лишь один добрался до Массачусетса... Эксперты считали, что это рекорд из разряда невероятных, который никогда не будет превзойден. Может, и он здесь умрет. Но для него это родная земля. Он представлял, как Майор скажет: «Он умер на родной земле».

Он отпил из фляжки и обнаружил, что она пуста.

— Фляжку! — крикнул он. — Фляжку 47-му!

Один из солдат прыгнул с вездехода и дал ему фляжку. Когда он повернулся, Гэррети дотронулся до карабина на его спине. Он сделал это почти бессознательно, но Макфрис заметил.

— Зачем ты это сделал?

Гэррети сконфуженно улыбнулся.

— Не знаю. Может, это — как постучать по дереву.

— Ты прелесть, Рэй, — и Макфрис ускорил шаг, оставив Гэррети одного и еще более сконфуженного.

Номер 93 — Гэррети не знал его фамилии, — прошел мимо. Он смотрел под ноги, и его губы беззвучно шевелились в такт шагам.

— Привет, — сказал Гэррети.

93-й осклабился. В глазах его была пустота, как у Кэрли. Он устал, и знал это, и боялся. Гэррети вдруг почувствовал, как у него сжался желудок. Их тени удлинились. Было без четверти два. С девяти, казалось, прошла целая вечность.

Около двух Гэррети получил наглядный урок психологии слухов. Кто-то обронил слово, и оно пошло гулять, обрастая подробностями. Скоро пойдет дождь. Парень с транзистором сказал, что скоро польет, как из ведра. И так далее, причем чем хуже слух, тем больше шансов, что он окажется правдой. Так случилось и на этот раз. Прошел слух, что Эвинг, номер 9, натер мозоли и получил уже два предупреждения, многие получили предупреждения, но для Эвинга это — по слухам — было плохо. Он передал новость Бейкеру.

— Это черный? — спросил Бейкер. — Такой черный, что аж синий?

Гэррети не знал, черный Эвинг или нет.

— Да, черный, — подтвердил Пирсон и показал им Эвинга. Гэррети с ужасом увидел на ногах Эвинга спортивные туфли.

Правило три: никогда, повторяем, никогда не надевайте спортивные туфли на Длинном пути.

— Он приехал с нами, — сказал Бейкер. — Он из Техаса.

Бейкер подошел к Эвингу и некоторое время говорил с ним. Потом он замедлил шаг, рискуя получить предупреждение.

— Он натер мозоли еще две мили назад. А в Лаймстоуне они полопались.

Сейчас его ноги все в гное.

Они слушали молча. Гэррети опять подумал о Стеббинсе и его теннисных туфлях. Может, он тоже натер ноги?

— Предупреждение! Последнее предупреждение 9-му!

Солдаты теперь внимательно следили за Эвингом, участники тоже.

Белая рубашка, особенно выделяющаяся на фоне его черной кожи, стала на спине серой от пота. Гэррети видел, как перекачивались мускулы. Эти мускулы и вся тренировка бессильны против мозолей. О чем этот болван думал, когда надевал спортивные туфли?

К ним подошел Баркович. Он тоже смотрел на Эвинга.

— Мозоли? — он произнес это так, будто говорил, что Эвинг — сын шлюхи.

— Чего еще ожидать от тупого ниггера!

— Заткнись, — тихо сказал Бейкер, — или сейчас получишь.

— Это против правил, — хитро усмехнулся Баркович. — Запомни это, парень, — но он отошел, унося с собой облако яда.

После двух наступила половина третьего. Они поднялись на длинный холм, и с него Гэррети разглядел вдали грузные голубые горы. Тучи на западе сгустились, подул резкий ветер, от которого высох пот и по коже побежали мурашки.

Несколько мужчин, собравшихся на дороге вокруг старого пикапа, бешено махали им. Все они были пьяны. Им махали в ответ — даже Эвинг. Гэррети отвинтил колпачок тюбика с концентратом и попробовал. Что-то вроде ветчины. Он вспомнил о гамбургере Макфриса. Потом подумал о большом шоколадном торте с вишенкой наверху. Потом — об оладьях. И ему страшно захотелось холодных оладьев с яблочным повидлом. Их всегда давала мать им с отцом, когда они ездили в ноябре на охоту.

Эвинг получил пропуск десять минут спустя.

Он затесался перед этим в группу участников — должно быть, думал, что они защитят его, когда он в последний раз сбавил скорость. Солдаты сделали свое дело на совесть. Они оттащили Эвинга на обочину, и один из них в упор застрелил его. Эвинг упал, одна нога его конвульсивно дергалась.

— А кровь у него такого же цвета, — сказал внезапно Макфрис, очень громко в наступившей тишине. В горле у него что-то перекатывалось. Уже второй. Интересно, что они делают с трупами?

“Слишком много вопросов?” — закричал он на себя.

И понял, что устал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВДОЛЬ ПО ДОРОГЕ

Глава 3

“У вас тридцать секунд, и помните, пожалуйста, что ваш ответ должен быть в форме вопроса”.

Арт Флеминг

В три часа первые капли дождя, большие и темные, упали на дорогу.

Небо вверху потемнело, стало чужим и завораживающим. Где-то хлопнул в ладоши гром. Потом впереди врезалась в землю голубая вилка молнии.

Гэррети надел куртку вскоре после того, как Эвингу выписали пропуск, а теперь он застегнул ее и поднял воротник. Гаркнесс, будущий писатель, заботливо спрятал блокнот. Баркович нацепил желтую непромокаемую шапочку.

Он выглядывал из-под нее, как старый злой смотритель маяка.

Ударил сильнейший раскат грома.

— Вот оно! — крикнул Олсон.

Пошел дождь. Временами он был таким сильным, что Гэррети ничего не видел за водяной завесой. Он моментально промок насквозь, но продолжал идти, подняв лицо навстречу дождю и улыбался. Интересно, видят ли их солдаты? И что они думают?

Пока он размышлял об этом, дождь немного стих, и он снова мог видеть.

Прежде всего он посмотрел назад — Стеббинс шел согнувшись, прижав руку к животу. Гэррети сперва подумал, что у него спазмы, и испугался гораздо сильнее, чем когда видел Кэрли и Эвинга. Ему уже не хотелось, чтобы Стеббинс накрылся первым.

Потом он разглядел, что Стеббинс закрывает от дождя остатки сэндвича с яйцом, и он отвернулся с облегчением. Ну и дура мать этого Стеббинса не догадалась завернуть сэндвичи в фольгу, хотя бы на случай дождя.

Опять грянул гром. Гэррети чувствовал возбуждение, и усталость, казалось, смыло с его тела вместе с потом. Дождь лил то сильнее, то слабее, пока не превратился в унылую морось. Тучи вверху стали рассеиваться. Рядом с ним шел Пирсон, подтягивая штаны. Джинсы были ему велики, и он уже не в первый раз их подтягивал. Он носил толстые очки в роговой оправе, и теперь он снял их и начал вытирать о рубашку. Вид у

него при этом был растерянный и незащищенный, как у всех людей с плохим зрением, когда они снимают очки.

— Ну как душ, Гэррети?

Гэррети только кивнул. Впереди Макфрис мочился. Он повернулся спиной, пока это делал, и еще отгородился от других плечом.

Гэррети взглянул на солдат. Они тоже, конечно, промокли, но не показывали виду. Лица у них были совершенно деревянными. Интересно, что они чувствуют после того, как застрелят кого-нибудь? Наверное, это дает им ощущение силы. Он вспомнил девушку с плакатом, ее губы, ее мягкую попку.

Ему это придавало силу.

— Этот сзади не очень-то разговорчив, — Бейкер ткнул в сторону Стеббинса. Красные штаны того были теперь черными от дождя.

— Точно.

Макфрис получил предупреждение за то, что слишком замедлил скорость, застегивая ширинку. Он нагнал их, и Бейкер повторил то, что сказал про Стеббинса.

— Он одиночка, — Макфрис пожал плечами.

— Эй, — окликнул их Олсон. Он заговорил впервые за долгое время, и голос его звучал жалко. — У меня что-то с ногами.

Гэррети взглянул на Олсона и увидел панику в его глазах. Вся бравада исчезла.

— А что такое?

— Мускулы как-то отмякли.

— Ничего, — сказал Макфрис. — У меня такое было пару часов назад. — В глазах Олсона мелькнуло облегчение.

— Правда?

— Конечно, правда.

Олсон ничего не сказал, только губы его двигались. Гэррети подумал сперва, что он молится, но потом понял, что он просто считает шаги.

Внезапно грянули два выстрела. Следом крик, и еще один выстрел.

Они оглянулись и увидели парня в свитере и грязных белых брюках, лежащего лицом вниз в большой луже. Одна из его туфель слетела, и Гэррети увидел белый спортивный носок — рекомендовано пунктом 12.

Гэррети отвернулся. Прошел слух, что этот парень шел слишком медленно.

Никаких мозолей — просто часто замедлял скорость и получил пропуск. Гэррети не знал ни его фамилии, ни номера. Может быть, и никто их не знал. Может, он был одиночка, как Стеббинс.

Теперь они прошли уже 25 миль. Вокруг них тянулись, чередуясь, мозаики лесов и полей с вкраплениями домиков и дорог, где собравшиеся люди весело махали им, несмотря на дождь. Одна старуха под черным зонтиком стояла и смотрела на них глазами-буравчиками, не двигаясь и не улыбаясь. На пальце у нее блестело кольцо с

красным камнем. Они пересекли заброшенную железную дорогу, ржавые перила которой поросли травой. Кто-то споткнулся, упал, получил предупреждение и поспешил дальше с разбитой коленкой.

До Карибу оставалось всего 19 миль, но стемнеть должно было раньше.

“Нет отдыха для проклятых”, — подумал Гэррети и отчего-то рассмеялся.

— Устал? — спросил Макфрис.

— Нет. Я устаю постепенно, а ты?

— О, я готов танцевать так вечно, и никогда не устану. Мы еще повесим наши ботинки на звезды, так и знай.

Он послал Гэррети воздушный поцелуй и отошел.

Без четверти четыре небо прояснилось, и на западе, там, где солнце золотило тучи, показалась радуга. Лучи, идущего к закату солнца, высвечивали каждую деталь пейзажа.

Звук вездехода был тихим, почти убаюкивающим. Гэррети позволил себе немного вздремнуть на ходу. Где-то впереди был Фрипорт. Еще не скоро. А у него еще так много вопросов. Весь ДЛИННЫЙ ПУТЬ — — один большой знак вопроса.

И ответ на этот вопрос может многое прояснить. Ведь если... Он ступил в лужу, промочил ногу и проснулся. Пирсон с любопытством поглядел на него и поправил очки:

— Помнишь того парня, что разбил коленку на дороге?

— Да. Это Зак?

— Точно. Говорят, у него все еще идет кровь.

— Эй, Маньяк, далеко до Карибу? — спросил кто-то. Это оказался Баркович, который уже снял свою шапочку-маяк и сунул ее в карман.

— Откуда я знаю?

— Ты ведь здесь живешь.

— Миль семнадцать, — сказал Макфрис. — А теперь чеши отсюда, малый. Баркович злобно посмотрел на него и отошел.

— Вот сволочь, — заметил Гэррети.

— Не позволяй ему влезть под кожу, — посоветовал Макфрис. — Думай о дороге.

— Ладно.

Макфрис похлопал Гэррети по плечу.

— Похоже, что мы будем идти так вечно, правда?

— Правда.

Гэррети облизал губы, не зная, как сказать то, о чем он думает.

— Ты слышал когда-нибудь о том, что перед глазами тонущего проплывает вся его жизнь?

— Что-то читал. Или видел в кино, не помню.

— А как ты думаешь, с нами тут может такое случиться?

— Господи, я ни о чем таком не думал.

Гэррети помолчал немного и сказал:

— Как ты думаешь... Хотя ладно. Ну его к черту.

— Давай-давай. О чем ты?

— Как ты думаешь, увидим ли мы остаток нашей жизни на этой дороге? То, что было бы, если бы мы не... Понимаешь?

Макфрис порылся в кармане и вытащил пачку сигарет.

— Куришь?

— Нет.

— Я тоже, — он сунул сигарету в рот, зажег ее и затянулся.

Гэррети вспомнил пункт 10: береги дыхание. Если ты обычно куришь, не кури на Длинном пути.

— Но я научусь, — сказал Макфрис, выпуская дым и кашляя.

К четырем радуга исчезла. К ним подошел Дэвидсон, номер 8, — красивый парень, если не считать созвездия прыщей на лбу.

— Этому Заку все хуже и хуже, — сообщил он. Когда Гэррети в последний раз видел Дэвидсона, у него был рюкзак, но он уже его выкинул.

— Что, у него все идет кровь?

— Как у зарезанной свиньи, — Дэвидсон покачал головой. — Странно.

Упал, простая царапина и вот... Ему нужна перевязка, — он показал на дорогу. — Вот, смотрите.

Гэррети пригляделся и увидел темные пятна на мокром асфальте.

— Кровь?

— Да уж не варенье, — мрачно сказал Дэвидсон.

— Он испугался? — спросил Олсон.

— Он говорит, что ему плевать, но я боюсь, — его глаза были застывшими и серыми. — Боюсь за нас всех.

Они продолжали идти. Бейкер заметил еще один плакат с именем Гэррети и сказал ему.

— Черт с ним, — буркнул Гэррети. Он следил за пятнами крови Зака, как Дэниел Бун за следами раненого индейца. Цепочка пятен виляла туда-сюда вдоль белой линии.

— Макфрис, — позвал Олсон. Его голос стал еще тише. Гэррети нравился Олсон, несмотря на его напускную грубость, и ему не хотелось видеть его испуганным. А он был испуган.

— Что?

— Оно не проходит. Эта дряблость, о которой я говорил. Не проходит. Макфрис ничего не сказал. Шрам на его лице казался совсем белым в лучах заходящего солнца.

— Я чувствую, что мои ноги вот-вот развалятся. Как плохой фундамент.

Но этого ведь не может быть, правда?

Макфрис снова ничего не сказал.

— Можно мне взять сигарету? — спросил Олсон еще тише.

— Бери. Хоть пачку.

Олсон зажег сигарету, затянулся и погрозил кулаком солдату, следящему за ним с вездехода.

— Они с меня глаз не сводят уже больше часа. У них на счет этого шестое чувство, — он повысил голос. — Вам это нравится? Нравится, сволочи?!

Кое-кто посмотрел на него и быстро отвернулся. Гэррети тоже хотел отвернуться. В голосе Олсона слышалась истерика. Солдаты смотрели на него бесстрастно.

К 16.30 они прошли тридцать миль. Солнце почти село и алело кровавым пятном на горизонте. Тучи ушли на восток, и небо над ними было темно-голубым. Гэррети опять подумал о воображаемом утопающем, впрочем не таком уж утопающем. Идущая ночь скоро накроет их, как вода.

Паника росла. Внезапно он испытал уверенность, что видит последний закат в своей жизни. Он хотел продлить его, хотел, чтобы закат длился часы.

— Предупреждение! Третье предупреждение 100-му!

Последнее предупреждение!

Зак непонимающе осмотрелся. Его правая штанина ссохлась от запекшейся крови, потом внезапно он побежал, виляя между идущих, как футбольный нападающий с мячом. На лице его застыло то же непонимающее выражение. Вездеход увеличил скорость. Зак услышал это и побежал быстрее. Кровь у него опять пошла, Гэррети видел, как ее капли падают на дорогу. Зак взбежал на подъем и на.

Миг четко вырисовывался на фоне багряного неба черным застывшим силуэтом. Потом он исчез. И вездеход уехал за ним. Двое соскочивших с него солдат шли рядом с участниками все с теми же каменными лицами.

Никто не сказал ни слова. Все слушали. Долго, очень долго до них не доносилось ничего. Только птичьи голоса, ранние майские сверчки да где-то вдалеке гудение самолета. Потом — резкий окрик, пауза и еще один.

— Готов, — сказал кто-то.

Когда они взошли на холм, они увидели стоящий у обочины вездеход.

Зака нигде не было.

— Где Майор? — заорал кто-то паническим голосом. Это был Гриббл, номер 48. — Я хочу видеть Майора! Где он?

Солдаты, идущие рядом, молчали. Все молчали.

— Может, он скажет нам еще речь? — продолжал кричать Гриббл. — Он убийца!

Я... Скажу ему это! Скажу прямо в лицо! — в возбуждении он замедлил шаг, почти остановился и солдаты впервые заинтересовались им.

— Предупреждение! Предупреждение 48-му!

Гриббл на мгновение замер, потом быстро, опустив голову, пошел вперед.

Скоро они дошли до вездехода, и он, не торопясь, пополз за ними.

В 16.45 Гэррети поужинал — протертое мясо тунца из тюбика, несколько крекеров с сыром и вода. Он заставил себя остановиться. Воды можно попросить всегда, но концентраты раздадут только в девять утра. А ночью ему тоже может понадобится еда. Обязательно понадобится.

— Пускай это вопрос жизни и смерти, — заметил Бейкер, — но я не могу ограничивать аппетит.

— Знаешь, мне не очень хочется упасть утром в обморок от голода, — сказал Гэррети.

Хотя это была не такая уж неприятная идея: ничего не видишь, ничего не чувствуешь, очнулся — и ты уже в вечности.

— Думаешь о чем-то? — тихо спросил Бейкер. Его лицо в меркнувшем свете дня было очень молодым и красивым.

— Да. О многом.

— Например?

— Например, о нем, — Гэррети махнул головой в сторону Стеббинса, который шел точно так же, как в начале пути. Штаны его высохли. В руке он все еще держал сэндвич.

— А что с ним такое?

— Ну, почему он здесь и почему он ни с кем не говорит. И умрет ли он. — Гэррети, мы все умрем. Кроме одного.

— Может, хоть не этой ночью, — сказал Гэррети. Он сказал это легко, но внезапно его охватила дрожь. Он не знал, заметил ли это Бейкер.

Он повернулся задом, расстегнул молнию и помочился.

— А что ты думаешь о призе? — спросил Бейкер.

— Не вижу смысла думать об этом, — Гэррети застегнулся и повернулся опять, слегка удивленный, что выполнил всю операцию, не получив предупреждения.

— А я думал. Не о самом призе, а о деньгах.

— Богачи не войдут в Царствие небесное, — сказал Гэррети. Он обгладывал свои ноги — то единственно, что могло ему помешать узнать, существует Царствие небесное или нет.

— Аллилуйя, — сказал Олсон. — После проповеди будут поданы прохладительные напитки.

— Ты верующий? — спросил Бейкер у Гэррети.

— Не особенно. Просто я не жадный до денег. — Ты был бы, если бы вырос на

картофельном супе и капусте. Мясо только по праздникам.

— Может быть, — согласился Гэррети, думая, что бы еще сказать. — Но это, наверное, не самое важное.

— Да, с собой деньги все равно не заберешь, — сказал Макфрис. Он опять улыбался своей кривой улыбкой. — Так ведь? Мы ничего не приносим сюда и, конечно, ничего не уносим.

— Да, но промежуток лучше прожить в комфорте, — сказал Бейкер.

— Комфорт! — сказал Гэррети. — Если один из этих болванов тебя пристрелит, тебе уже будет все равно.

— Но сейчас-то мне не все равно, — не унимался Бейкер.

— А если ты выигрываешь? Представь себе, ты месяц думаешь, как ты распорядишься деньгами, а потом выходишь из дома и — бац! — попадаешь под такси!

С ними поравнялся Гаркнесс.

— Со мной это не пройдет, — сообщил он. — Как только я получу деньги, я куплю целый парк машин. Никогда не буду ходить пешком.

— Вы не поняли, — Гэррети эта тема почему-то взволновала.

— Картофельный суп или черепаховый, особняк или хижина, — все равно потом тебя положат в ящик, как Зака или Эвинга, и все. Нужно просто принимать все, как есть, вот что я хочу сказать.

— Какое красноречие! — иронически сказал Макфрис.

— А ты? — повернулся к нему Гэррети. — Что ты планируешь?

— Сейчас лично я планирую почесать яйца.

— Так вот, — продолжил Гэррети мрачно. — Вся разница в том, что мы можем умереть прямо сейчас.

Наступило молчание. Гаркнесс опять принялся протирать очки. Олсон еще больше побледнел. Гэррети начал жалеть, что сказал это.

Тут кто-то сзади позвал:

— Слушайте! Эй!

Гэррети оглянулся, уверенный, что это Стеббинс, хотя он никогда не слышал его голоса. Но Стеббинс шел, все так же смотря вниз.

— Что-то я отключился, — сказал Гэррети, зная, что отключился на самом деле не он, а Зак. — Хотите печенья?

Он раздал печенье, и наступили пять часов. Солнце повисло над горизонтом. Земля будто перестала вращаться. Те трое или четверо, кто еще шел впереди, замедлили шаг и смешались с остальными.

Гэррети чуть не споткнулся о брошенный пояс. С удивлением он поднял глаза. Олсон держался за талию.

— Я... Уронил. Хотел съесть что-нибудь и уронил, — он засмеялся, чтобы

показать, как это глупо, но резко оборвал смех. — Я голоден.

Никто ему не ответил. Все уже ушли вперед, и подобрать пояс было некому. Он лежал на белой линии, как свернувшаяся змея.

— Я голоден, — повторил Олсон.

“Майор сказал, что любит остряков”, — сказал Олсон когда-то. Теперь он уже не выглядел остряком. Гэррети осмотрел свой пояс. У него осталось три тюбика концентратов, крекеры и сыр — довольно плохой.

— Держи, — он протянул сыр Олсону. Олсон взял его, ничего не сказав. — Мушкетер, — сказал Макфрис с той же кривой улыбкой.

К половине шестого стало темнеть. В воздухе закружились первые светляки. В низинах клубился молочно-белый туман. Кто-то впереди спросил, что будет, если туман заволокет дорогу.

Ответил голос Барковича:

— А ты как думаешь, балда?

“Четыре выбыли, — думал Гэррети. — Восемь с половиной часов в пути, и выбыли только четверо. Но всех я все равно не переживу. Хотя почему бы и нет? Ведь кто-то...”

Разговор замолк, и воцарилась тяжелая тишина. Их окружала темнота, в которой таинственно плавали островки тумана. Гэррети вдруг до смерти захотелось прижаться к матери, или к Джен, или к любой другой женщине, и он удивился, зачем он здесь и что он здесь делает. Впрочем, он был не один — рядом блуждали в темноте еще девяносто пять таких же болванов. В горле у него опять застрял слизистый шар, мешая глотать.

Впереди кто-то тихо всхлипывал, потом все опять затихло.

До Карибу оставалось десять миль. Эта мысль немного успокаивала. Он жив, и незачем думать о том, чего пока еще нет.

Без четверти шесть донесся слух об одном из предыдущих лидеров по имени Трэвин. Теперь он медленно, но верно отставал, и кто-то сказал, что у него диарея. Гэррети не мог в это поверить, но, увидев Трэвина своими глазами, понял, что это правда. Бедный парень все время подтягивал штаны и каждый раз получал предупреждения. Гэррети удивился, почему он вообще не снимет штаны. Лучше идти с голым задом, чем валяться мертвым.

Трэвин согнулся, как Стеббинс с его сэндвичем, и каждый раз, когда он вздрагивал, становилось ясно, что у него снова схватило желудок. Гэррети сам почувствовал тошноту. В этом не было никакой тайны, никакого ужаса — просто парень, которого прохватывал понос. Ужасными были только последствия.

Солдаты внимательно следили за Трэвином. Они ждали. Наконец бедняга присел, не смог встать, и они пристрелили его со спущенными штанами. Он перекатился на спину, устремив осклизшееся лицо к небу. Кого-то стошнило, и ему вlepили предупреждение.

— Вот и следующий, — сказал Гаркнесс.

— Заткнись! — прошептал Гэррети. — Просто заткнись.

Все молчали. Гаркнесс с пристыженным видом снова стал протирать очки.

Того, кого тошнило, не застрелили.

Они миновали компанию веселящихся тинэйджеров, попивающих коку.

Юнцы узнали Гэррети и наградили его овацией. У одной из девушек были потрясающие груди, и ее приятель жадно смотрел, как они трясутся, когда она прыгала.

Гэррети решил, что из него вырастет настоящий маньяк.

— Глянь, какие у них сиськи! — сказал Пирсон. — Ух ты!

Гэррети подумал о том, девушка ли она.

Потом они прошли мимо большого круглого пруда, затянутого туманом. Среди тумана виднелись таинственные заросли водных растений, в которых хрипло квакала лягушка. Гэррети подумал, что этот пруд — одна из самых красивых вещей, какие он когда-либо видел.

— Какой большой штат, — заметил Баркович откуда-то спереди.

— Как он меня достал, — ни к кому не обращаясь, сказал Макфрис. — Так хочется его пережить!

Олсон шептал молитву. Гэррети с тревогой посмотрел на него.

— Сколько у него предупреждений? — спросил Пирсон.

— Ни одного.

— Но вид у него не очень-то добрый.

— Как у нас у всех, — сказал Макфрис. Опять тишина. Гэррети впервые принял, что у него заболели ноги. Не только бедра и колени, но и ступни — наступая на них, он чувствовал боль. Он застегнул куртку и поднял воротник.

— Эй, глядите! — крикнул Макфрис.

Они все посмотрели налево. Так раскинулось маленькое сельское кладбище, обнесенное каменной оградой. Ангел со сломанным крылом смотрел на них пустыми глазами.

— Наше первое кладбище, — весело сказал Макфрис. — На твоей стороне, Рэй. Ты теряешь все накопления. Помнишь эту игру?

— Слишком много болтаешь, — неожиданно сказал Олсон.

— А что такого, старина? Дивное место, последний приют, как сказал поэт. Уютная гробница...

— Заткнись!

— Тебе что, не по вкусу мысль о смерти, Олсон? — осведомился Макфрис.

— Как сказал другой поэт, пугает не смерть, а то, что придется так долго лежать под землей. Ты этого боишься, Чарли? Ничего, не дрейфь! Придет и наш...

— Оставь его в покое, — сказал Бейкер.

— С чего это? Он тут храбрился и уверял, что всех нас с говном съест.

Так что, если он теперь ляжет и помрет, я не собираюсь его отговаривать.

— Если он не помрет, помрешь ты, — сказал Гэррети.

— Да, я помню, — Макфрис опять улыбался, но на этот раз совсем невесело, сейчас Гэррети почти боялся его. — Это он забыл.

— Я больше не буду так делать, — хрипло сказал Олсон.

— Остряк, — Макфрис повернулся к нему. — Так ты себя называл? Что ж ты теперь не остришь? Можешь лечь и сдохнуть здесь, это сойдет за шутку!

— Оставь его, — сказал Гэррети.

— Слушай, Рэй...

— Нет, это ты послушай. Хватит с нас одного Барковича. Незачем ему подражать.

— Ладно. Будь по-твоему.

Олсон молчал. Он только поднимал и опускал ноги. Полная темнота наступила в половине седьмого. Карибу, теперь уже в шести милях, слабо мерцал на горизонте. Людей у дороги было мало — все ушли домой ужинать.

Туман призрачными лентами развевался по холмам. Над головой замерцали звезды. Гэррети всегда хорошо разбирался в созвездиях. Он показал Пирсону Кассиопею, но тот только хмыкнул.

Он подумал о Джен и испытал укол вины, вспомнив о девушке, которую поцеловал утром. Он уже не помнил, как выглядела та девушка, но помнил свое возбуждение. Если прикосновение к ее заду так его возбудило, то что было бы, просунь он ей руку между ног? Он почувствовал спазм внизу живота и поморщился.

Джен было шестнадцать. Волосы у нее спускались почти до талии. Грудь у нее была не такая большая, как у той девушки. Ее грудь он хорошо изучил; это занятие сводило его с ума. Он хотел заняться с ней любовью, и она хотела, но он не знал, как ей об этом сказать. Были парни, которые могли добиться этого от девушек, но ему никогда не хватало воли. Он подумал о том, сколько среди них девственников. Гриббл, который назвал Майора убийцей, — девственник ли он? Наверное, да.

Они вошли в город Карибу. Там собралась большая толпа, приехала машина с журналистами. Проекторы осветили дорогу ярким белым светом, сделав из нее теплую солнечную лагуну в море тьмы.

Толстый журналист в тройке бегал вдоль дороги, подсовывая микрофон под нос участникам. За ним двое запыхавшихся техников перетаскивали шнур от микрофона.

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично. Да, отлично.

— Устали?

— Да, конечно. Но пока чувствую себя отлично.

— Что вы думаете о ваших шансах?

— Ну... Не знаю. У меня еще достаточно сил.

Он спросил быкообразного детину по фамилии Скрамм, что он думает о Длинном пути. Скрамм, ухмыляясь, сказал, что это самая большая херня, какую он когда-нибудь видел. Репортер торопливо кивнул техникам, и один из них тут же метнулся куда-то назад.

Толпа бесновалась, взволнованная присутствием телевидения не меньше, чем самой встречей. Там и сям размахивали портретами Майора на свежевытесанных кольях, с которых еще капала смола. Когда мимо проезжали камеры, люди прыгали еще активней, чтобы их увидели тетя Бетти и дядя Фред.

Они прошли магазинчик, владелец которого выставил на дорогу автомат с прохладительными напитками, украсив его транспарантом:

“Участникам Длинного пути — от Эва!” Рядом стояла полицейская машина, и блюстители порядка терпеливо объясняли Эву — как, без сомнения, делали это каждый год, — что населению запрещено оказывать какую-либо помощь участникам.

— Он тебя спрашивал? — спросил кто-то Гэррети. Это, конечно же, был Баркович. Гэррети почувствовал, что его усталость растет.

— Кто и что?

— Репортер, балда. Спрашивал, как ты себя чувствуешь?

— Нет, — он молился, чтобы Баркович куда-нибудь исчез вместе с болью в ногах, становящейся нестерпимой.

— А меня спросили, — похвастался Баркович. — Знаешь, что я им сказал? — Нет.

— Сказал, что чувствую себя превосходно, — агрессивно сказал он. — Что могу идти хоть целый год. И знаешь, что еще?

— Заткнись, а? — устало попросил Пирсон.

— А тебя кто спрашивает, уродина? — окрысился Баркович.

— Уйди, — сказал и Макфрис. — У меня от тебя башка болит. Оскорбленный Баркович чуть отошел и пристал к Колли Паркеру:

— Хочешь знать, что я им...

— Пошел вон, пока я не оторвал тебе нос и не заставил съесть, — рявкнул тот. Баркович ретировался.

— На стенку хочется лезть от этого типа, — пожаловался Пирсон.

— Он бы порадовался, услышав это, — сказал Макфрис. — Он сказал репортеру, что станцует на могилах нас всех. Это и дает ему силы идти.

— В следующий раз, когда он подойдет, я ему врежу, — слабым голосом сказал Олсон.

— Ага, — сказал Макфрис. — Пункт 8 запрещает вступать в ссоры с товарищами по состязанию.

— Плевал я на пункт 8, — отозвался Олсон с кривой улыбкой.

— О, я вижу, ты понемногу оживаешь, — сказал Макфрис.

К семи они снова пошли быстрее: так можно было немного согреться.

Мимо проплыл магазин на перекрестке. Покупатели изнутри махали им и что-то беззвучно кричали, похожие на рыб в аквариуме.

— Мы выйдем где-нибудь на шоссе? — спросил Бейкер.

— В Олдтауне, — ответил Гэррети. — 120 миль отсюда.

Гаркнесс тихо присвистнул.

Скоро Карибу кончился. Они прошли уже сорок четыре мили.

Глава 4

“Абсолютным шоу было бы такое, где проигравшего участника убивают”.

Чак Беррис

Карибу все были разочарованы.

Он оказался точь-в-точь похожим на Лаймстоун.

Людей было побольше, но в остальном то же самое — деловой центр, бензоколонка, «Макдональдс» и парк с памятником героям войны. Школьный оркестр неподражаемо плохо исполнил национальный гимн, попури из маршей Соузы и под конец, совсем уж фальшиво, «Янки-дудл».

Снова появилась та женщина, которую они видели на дороге. Она все еще искала своего Перси. На этот раз ей удалось в суматохе прорваться через полицейских, и она стала бегать вдоль дороги, высматривая Перси. Солдаты насторожились, и было уже похоже, что мамаше Перси сейчас выпишут внеочередной пропуск. Потом полицейские схватили ее и стали запихивать в машину. Маленький мальчик с хот-догом в руке задумчиво наблюдал это зрелище.

Больше в Карибу ничего примечательного не случилось.

— А что после Олдтауна, Рэй? — спросил Макфрис.

— Я не дорожная карта, — ответил Гэррети сердито. — По-моему, Бангор.

Потом Огаста. Потом Киттери и граница штата, в 330 милях отсюда. Доволен? Кто-то ахнул:

— Три сотни миль?

— И еще тридцать, — мрачно добавил Гаркнесс. — Невозможно представить.

— Это все невозможно представить, — сказал Макфрис. — Интересно, где сейчас Майор?

— Укатил в Огасту, — предположил Олсон. — Греть жопу.

Все улыбнулись, а Гэррети подумал, что Майор для них прошел эволюцию от Бога до Маммоны за какие-нибудь десять часов. Их осталось девяносто пять. Но это еще не самое худшее. Хуже всего — представить, когда это случится с Макфрисом. Или с

Бейкером. Или с писателем Гарнессом. Он попытался отогнать эти мысли.

За Карибу дорога стала пустынной. На перекрестках одиноко горели фонари, в свете которых проходящие участники отбрасывали причудливые черные тени. Где-то далеко пропыхтел поезд. Взошедшая луна пронизала туман нежным опаловым мерцанием.

Гэррети отхлебнул воды.

— Предупреждение! Предупреждение 12-му! Это ваше, это ваше, 12-й!

Двенадцатым был парень в яркой ковбойке по фамилии Фентер.

Похоже, одна нога плохо его слушалась. Когда через десять минут его застрелили, Гэррети едва обратил на это внимание. Он слишком устал. Когда он обходил труп Фентера, в руке у того что-то блеснуло. Медальон Святого Христофора. — Если я отсюда выберусь, — сказал Макфрис, — знаешь, что я сделаю? — Что?

— Буду трахаться, пока член не посинеет. Никогда мне так не хотелось, как сейчас, без четверти восемь первого мая.

— Ну ты даешь!

— Точно! Знаешь, Рэй, меня бы даже ты устроил, не будь ты такой небритый.

Гэррети засмеялся.

— Чувствую себя принцем, — Макфрис потер свой шрам. — Мне бы теперь Спящую Красавицу. Уж я бы так поцеловал ее, что сумел бы разбудить. А потом мы с ней поехали бы на поиски приключений. Во всяком случае, до ближайшей гостиницы.

— Пошли, — еле слышно поправил Олсон.

— Что?

— Пошли на поиски приключений.

— А-а. Ну пошли. В любом случае, это настоящая любовь. Ты веришь в настоящую любовь, Хэнк?

— Я верю в хороший трах, — сказал Олсон, и Арт Бейкер рассмеялся.

— А я верю в любовь, — сказал Гэррети и тут же пожалел. Слишком наивно это прозвучало.

— Хочешь знать, почему я не верю? — Олсон улыбнулся болезненной ухмылкой. — Спроси Зака. Или Фентера. Они знают.

— Мертвых никто не любит, — сказал из темноты откуда-то взявшийся Пирсон. Он прихрамывал — еле заметно, но прихрамывал.

— Эдгар Аллан По любил, — возразил Бейкер. — Я делал сообщение о нем в школе и вычитал, что он тяготел к некро...

— Некрофилии, — сказал Гэррети.

— Точно.

— А что это? — спросил Пирсон.

— Это значит, что ему хотелось спать с мертвой женщиной, — ответил Бейкер.

— Слушайте, зачем мы об этом говорим? — возмутился Олсон. — Спать с мертвецами! Дрянь какая!

— Ну почему же? — спросил чей-то низкий голос. Это был Абрахам, номер 2, высокий парень, всю дорогу идущий какой-то разболтанной походкой. — Я думаю, нам всем стоит поразмыслить о том, как обстоит дело с сексом на том свете.

— Я выбираю Мэрилин Монро, — сказал Макфрис. — А ты можешь взять себе Элеонору Рузвельт, Эйб.

Абрахам показал ему фигу. Впереди кому-то пролаяли предупреждение.

— Вы все спятили тут, — медленно выговорил Олсон. — Все.

— Лекция о любви, — сказал Макфрис. — Читает знаменитый философ и легкоатлет Генри Олсон, автор «Что есть женщина без дырки» и других трудов о...

— Стой! — голос Олсона звенел, как разбитое стекло. — Подожди одну секунду! Это ведь все ерунда! Ничто! Разве ты не понимаешь?

Никто не ответил. Гэррети посмотрел вперед, где бурые холмы соединялись с усыпанной звездами чернотой неба. Ему вдруг показалось, что левую ногу начинает сводить судорога. «Мне хочется сесть, — подумал он. — О Господи, мне хочется сесть».

— Дерьмо эта ваша любовь! — не унимался Олсон. — В мире есть всего три настоящих вещи: хороший трах, хорошая жрачка и хорошая выпивка! И все!

Когда вы ляжете тут, как Фентер и Зак...

— Заткнись, — сказал чей-то скучный голос, и Гэррети знал, что это был Стеббинс. Но когда он повернулся, Стеббинс все так же молча глядел вниз. Вверху пролетел самолет, достаточно низко, чтобы можно было разглядеть его желто-зеленые бортовые огни. Бейкер снова что-то засвистел. Гэррети закрыл глаза и попытался отключиться.

Мысли его лениво переползали с одного на другое. Он вспомнил, как мать в детстве пела ему ирландскую колыбельную... Что-то о рыбках и ракушках.

Вспомнил ее большое прекрасное лицо, как у актрисы на экране, и как ему хотелось любить ее всегда-всегда а когда вырастет — жениться на ней. Потом перед ним встало добродушное польское лицо Джен, ее каштановые волосы, спускающиеся до талии. Он вспомнил ее в купальнике на пляже Рейдбич, куда они ездили вдвоем.

Потом лицо Джен превратилось в лицо Джимми Оуэнса, мальчишки из соседнего квартала. Им было по пять лет, и они играли в песочнице за домом Джимми и показывали друг другу член. Мать Джимми застукала их и пожаловалась его матери, и его мать пригрозила выставить его на улицу голым.

Это было очень стыдно, и он плакал и умолял ее не выгонять его голым на улицу.

И не говорить отцу.

Потом он вспомнил себя в семь лет — как они с Джимми Оуэнсом заглядывали через окно в офис фабрики Бэрра, где висел календарь с голыми женщинами. Особенно долго они разглядывали одну блондинку с синей тряпицей на бедрах, чувствуя непонятное, но сладкое возбуждение. Они спорили, что у нее под тряпицей, и Джимми сказал, что он видел это у своей матери — там волосы и как будто разрезано.

Он не поверил, настолько это было отвратительно.

Но он тоже знал, что у женщин там все устроено по-другому, и они долго спорили об этом, отгоняя moskitov и урывками смотря за ходом бейсбольного матча на соседней площадке. Он до сих пор помнил жар и возбуждение их тогдашних споров. На следующий год он нечаянно двинул Джимми в подбородок стволом духового ружья, и Джимми наложили четыре шва. Это было случайно, и так же случайно он увидел собственную мать голой и узнал, что Джимми был прав — там действительно волосы и какой-то разрез. А потом они переехали. «Тссс, дорогой, это не тигр, это только твой плюшевый мишка... Мамочка тебя любит... Тссс... Рыбки с ракушками плавают в море, а-а-а... Спи...» — Предупреждение! Предупреждение 47-му!

Кто-то грубо толкнул его локтем под ребра.

— Эй, это тебе. Проснись и пой, — Макфрис ухмыльнулся.

— Который час? — тупо спросил Гэррети.

— Восемь тридцать пять.

— Но мне показалось...

— ... Что ты спишь часа два. Знакомое чувство.

Гэррети ничего не сказал. Он подумал, что память — это как линия в песке. Чем дальше, тем труднее ее разобрать. Память похожа на дорогу. Тут она реальная, твердая, но та дорога, что была в девять часов, уже неощутима.

Они прошли уже почти пятьдесят миль. Распространился слух, что когда они в самом деле их пройдут, приедет Майор на своем джипе и скажет речь.

Гэррети не очень-то в это верил.

Они одолели длинный ступенчатый подъем, и Гэррети уже подумывал снова снять куртку. Но он только расстегнул ее и немного прошел задом наперед.

Сзади мерцали огоньки Карибу, и он вспомнил жену Лота — как она оглянулась и превратилась в соляной столб.

— Предупреждение! Второе предупреждение 47-му!

Гэррети не сразу понял, что это относится к нему, а когда понял, испугался. Второе предупреждение за десять минут. Он подумал о безымянном парне, который умер лишь потому, что часто замедлял скорость.

Он осмотрелся. Олсон, Макфрис, Бейкер — все смотрели на него.

Особенно внимательным был взгляд Олсона. Он пережил уже шестерых и хотел, чтобы Гэррети стал счастливым седьмым. Он хотел, чтобы Гэррети умер.

— Я что, зеленый? — недовольно осведомился Гэррети.

— Нет, — Олсон отвел глаза. — Что ты!

Гэррети пошел быстрее, энергично двигая ногами. Было без двадцати девять. Без двадцати одиннадцать он опять будет свободен. Он почувствовал истерическое желание доказать, что он может сделать это, что он не получит пропуск... Пока еще.

Туман тонкими полосками напознал на дорогу. Силуэты идущих проплывали в нем, как темные острова. Они миновали темный гараж, запертый ржавым засовом, —

призрачный силуэт в море тумана.

Майора не было. Никого не было.

Дорога сделала поворот, открывая светящийся дорожный знак:

“Подъем.

Грузовикам снизить скорость”. Раздались стоны. Впереди Баркович весело крикнул:

— Давай, ребята! Спорим, не обгоните!

— Заткнись, ублюдок! — тихо сказал кто-то.

— Ну, иди сюда! — взвизгнул Баркович. — Иди и заставь меня заткнуться!

— Он спятил, — сказал Бейкер.

— Нет, — ответил Макфрис. — Просто издевается. Такие, как он, очень любят издеваться.

Голос Олсона был леденяще спокойным:

— Я не поднимусь на этот холм. Не на такой скорости.

Холм возвышался перед ними. Его вершина пряталась в тумане.

Казалось, что они все не поднимутся на него.

Но когда подъем начался, Гэррети обнаружил, что идти не так уж трудно, если немного нагнуться вперед. Тогда кажется, что идешь по ровной дороге.

Конечно, дыхание этим не обмануть.

Тут же поползли слухи — что этот холм длиной четверть мили, что он длиной две мили, что в прошлом году тут троим выписали пропуск.

— Не могу, — монотонно твердил Олсон. — Больше не могу.

Он дышал хрипло, как больная собака, но шел. Все они шли, тяжело дыша, сопя и шаркая ногами. Все молчали, слышалось только нытье Олсона и рокот вездехода сбоку.

Гэррети почувствовал, как страх вновь сдавливает его желудок. Он и вправду мог умереть здесь. Ведь у него уже два предупреждения. Теперь стоит ему замедлить темп, и он получит третье. А потом...

— Предупреждение! Предупреждение 70-му!

— Это по твою душу, Олсон, — сказал Макфрис. — Давай, шевели ногами. Я хочу видеть, как ты станцуешь на этом холме чечетку.

— Тебе-то что? — злобно спросил Олсон. Макфрис промолчал. Олсон пошел быстрее, но было видно, что это его последние силы. Гэррети подумал о Стеббинсе, который, как всегда, тащился сзади. Интересно, устал ли он. Впереди парень по фамилии Ларсон, номер 60, неожиданно сел на дорогу.

Тут же он получил предупреждение.

Другие поспешно отошли от него, как Красное море от сынов Израиля.

— Я только отдохну немного! — крикнул Ларсон с идиотской улыбкой. —

Отдохну и пойду, ладно? — он продолжал улыбаться солдату, который спрыгнул с брони и подошел к нему с хронометром и карабином наизготовку.

— Второе предупреждение 60-му, — сказал солдат.

— Послушайте, — продолжал Ларсон. — Я не могу идти все время. Это же невозможно, правда, парень? — Олсон, проходящий мимо, застонал и увернулся, когда Ларсон попытался дернуть его за штаны.

У Гэррети застучало в висках. Ларсон получил третье предупреждение... Вот сейчас он встанет и пойдет.

И Ларсон наконец понял.

— Эй! — встревоженно крикнул он. — Эй, подождите, не надо! Я встаю!

Не надо! Не... Выстрел.

— Девяносто три бутылки на полке, — тихо сказал Макфрис.

Гэррети промолчал. Он сосредоточился на том, чтобы добраться до вершины без третьего предупреждения. Он ведь не будет тянуться вечно, этот чертов холм.

Впереди кто-то хрипло закричал. Потом залпом выстрелили.

— Это Баркович, — сказал Бейкер. — Я уверен, что это был Баркович.

— Хрен тебе, краснокожий! — завопил из темноты Баркович. — Ошибся на все сто!

Они так и не узнали, кого застрелили после Ларсона. Он шел в авангарде, и его быстро оттащили. Гэррети посмотрел вперед и тут же пожалел. Теперь вершина холма была видна. Казалось, до нее еще сто миль.

Все молчали, замкнутые в своей боли и надежде.

У самой вершины от дороги отходил грязный проселок, на котором стоял фермер со своей семьей. Они смотрели на проходящих — старик с низким морщинистым лбом, женщина в сером мешковатом пальто и трое детей дебильного вида.

— Эй, папаша! — окрикнул кто-то.

Ни фермер, ни его домочадцы ничего не ответили. Они не улыбались, не делали никаких знаков. Просто смотрели. Гэррети это напомнило вестерны, которые он смотрел в детстве каждую субботу, где герой умирает в пустыне, а вокруг собираются грифы и ждут. Он представил, что этот фермер и его дети-дебилы приходят сюда каждый год. Сколько смертей они видели?

Десять?

Двадцать? Чтобы отвлечься от этих мыслей, Гэррети отхлебнул воды и прополоскал рот.

Холм все поднимался. Впереди Тоулэнд упал в обморок и был застрелен после того, как солдат трижды предупредил его бесчувственное тело.

Гэррети казалось, что подъем длится чуть не месяц. Да, месяц, потому что всего они идут уже не меньше трех лет. Он усмехнулся этой мысли и отхлебнул еще воды.

Только никаких судорог. Судорога сейчас — это смерть. А она может случиться,

потому что в туфли ему словно залили свинец.

Девяти уже нет, а из оставшихся треть погибнет прямо здесь, на этом холме. И среди них... Внезапно Гэррети показалось, что он вот-вот упадет в обморок.

Он поднял руку и ударил себя по лицу.

— Что с тобой? — спросил Макфрис.

— Теряю сознание.

— Полей, — прерывистое дыхание, — из фляжки на голову.

Гэррети так и сделал. «Крещу тебя, Рэймонд Дэвис Гэррети во имя Господа». Вода была очень холодной, часть ее ручейком затекла под рубашку. — Фляжку 47-му! — крикнул он, истощив этим криком все силы.

Солдат принес ему новую фляжку. Гэррети ощутил на себе взгляд его мраморных, лишенных выражения глаз.

— Пошел вон, — сказал он грубо. — Тебе платят, чтобы ты стрелял в меня, а не пиялился.

Солдат молча отошел. Гэррети заставил себя пойти чуточку быстрее.

Наконец они добрались до вершины. Было девять часов, и они находились в дороге уже двенадцать часов, но это ничего не значило. Значили что-то только холодный ветерок, дующий с вершины, пение птицы да мокрая рубашка, липнущая к коже. И еще воспоминания, которые Гэррети так и не смог отогнать.

— Пит?

— Что?

— Хорошо, что мы живы.

Макфрис не отвечал. Они шли теперь вниз. Это было легче.

— Я постараюсь выжить, — добавил Гэррети почти извиняющимся тоном.

Дорога слегка извивалась. До Олдтауна, где начиналась равнина, оставалось еще 115 миль.

Еще долго никто ничего не говорил. Бейкер шагал ровно, засунув руки в карманы, кивая головой в такт шагам. Он еще не получил ни одного предупреждения. Олсон опять молился; его лицо выделялось в темноте белым пятном. Гаркнесс что-то ел.

— Гэррети? — позвал Макфрис.

— Я тут.

— Ты видел когда-нибудь конец Длинного пути?

— Нет. А ты?

— Нет. Я просто подумал — ты тут живешь и...

— Мой отец этого терпеть не мог. Однажды он показал мне, но только один раз.

— Я видел.

От звука этого голоса Гэррети подпрыгнул. Это был Стеббинс. Он подошел к ним, так же нагнув голову. Его светлые волосы топорщились над головой, как корона.

— Ну, и как это было? — спросил тревожно Макфрис.

— Тебе не понравится.

— Я спросил.

Стеббинс молчал. Гэррети еще больше заинтересовался им. Он шел без жалоб и не получил ни одного предупреждения с момента старта.

— Так как это было? — спросил он.

— Я видел это четыре года назад, — сказал Стеббинс. — Мне тогда было тринадцать. Тогда все кончилось в 16 милях от границы Нью-Хэмпшира.

Туда стянули национальную гвардию и Эскадрон в помощь полиции. Люди стояли на пятьдесят миль вдоль дороги. Больше двадцати человек было задавлено насмерть. Все потому, что люди пытались протолкнуться к дороге и увидеть, чем все кончится. Я был в первом ряду с отцом.

— А кто твой отец? — спросил Гэррети.

— Он... В Эскадроне. И он точно рассчитал. ДЛИННЫЙ ПУТЬ — кончился прямо напротив меня.

— И что? — тихо спросил Олсон.

— Я слышал, как они идут, задолго до того, как они появились.

Звуковая волна, все ближе и ближе. И только через час появились они. Они ничего не видели и не слышали, и смотрели они только на дорогу. Их было двое, и шли они очень странно. Будто их сняли с креста и заставили идти, не вынув из них гвозди.

Теперь все слушали Стеббинса. Полное ужаса молчание накрыло их ватным одеялом.

— Толпа кричала. Одни выкрикивали фамилию одного парня, другие — другого, но слышно было только «давай! давай!» Один из них блондин в расстегнутой рубашке. Одна туфля у него расстегнулась или развалилась и все время хлопала. Другой был вообще без туфель, в высоких носках, но они доходили только до лодыжек... Понимаете, он долго так шел. Ниже его ноги были красные, и все видели, как из них лилась кровь. Но он, похоже, ничего не чувствовал.

— Прекрати. Ради Бога, прекрати, — взмолился Макфрис.

— Ты хотел знать, — возразил Стеббинс. — Так ведь?

Все молчали. Только пыхтел невдалеке вездеход, и кто-то еще получил предупреждение.

— Первым сдался блондин. Я это хорошо видел. Он вскинул руки вверх, будто собирался улететь, но вместо этого упал лицом вниз и через тридцать секунд получил пропуск — он шел с тремя. А потом толпа начала кричать. Они кричали, пока не увидели, что победитель пытается что-то сказать. Тогда они замолчали. Он встал на колени, как будто хотел помолиться, и из глаз его полились слезы.

Потом он подполз к тому, другому, и уткнулся лицом в его рубашку. Он что-то говорил, но мы не слышали, — он все говорил в рубашку тому парню.

Беседовал с ним. Потом солдаты подняли его и сказали, что он выиграл приз, и

спросили, что он хочет.

— И что он сказал? — спросил Гэррети. Ему вдруг показалось, что в ответе на этот вопрос для него заключена вся жизнь.

— Он ничего им не ответил. Он продолжал говорить с мертвецом, но мы ничего не слышали.

— А потом? — спросил Пирсон.

— Не помню, — равнодушно ответил Стеббинс.

Все по-прежнему молчали. Гэррети сдавило горло, будто его засунули в тесную яму. Впереди кто-то, получив третье предупреждение, отчаянно каркнул, как умирающий ворон. «О Боже, не дай им убить его прямо сейчас, — подумал Гэррети. — Я сойду с ума, если услышу это. О Боже, пожалуйста». Карабины взорвали ночь своей музыкой. Это оказался низенький парень в красных брюках и белой футболке. Гэррети уже решил, что матери Перси больше не о ком беспокоиться, но это был не Перси. Сказали, что его фамилия Квинси или Квентин — что-то вроде этого.

Гэррети не сошел с ума. Он повернулся, чтобы что-то спросить у Стеббинса, но тот уже отступил на привычное место в хвосте, и Гэррети снова остался один.

Девяносто продолжали путь.

Глава 5

“Не говорите правду, и тогда вы не будете отвечать за последствия”.

Боб Баркер

Без двадцати десять этого бесконечного дня первого мая Гэррети избавился от одного из двух своих предупреждений. Еще двое получили пропуск после парня в футболке — Гэррети едва это заметил. Он изучал себя. Голова — немного кружится, но в целом в порядке. Два глаза. Шея. Руки. Туловище — с ним все нормально, только бурчит в животе, не удовлетворенном концентратами. И две чертовски уставших ноги. Он подумал — как далеко ноги могут унести его сами по себе, прежде чем мозг, опомнившись, начнет командовать ими, приводить их в чувство, спасаясь от пуль, грозящих разнести его костяное вместилище? Как скоро после этого ноги начнут протестовать и в конце концов остановятся?

Ноги устали, но не так сильно, как могли бы. Ведь он был довольно тяжелым, и ногам приходилось выносить сто шестьдесят фунтов. Левая ступня протерла носок (он вспомнил историю, рассказанную Стеббинсом, и испытал укол ужаса) и начала раздражающе тереться о подошву. Но ноги еще шли, он не натер мозолей и был в хорошей форме. Двенадцать уже выбыли из игры, и столько же, если не вдвое больше, готовы были к ним присоединиться, но он в порядке. В полном порядке. Он жив. Разговор, прекратившийся после рассказа Стеббинса, завязался снова.

Янник, номер 98, обсуждал с Уаймэном, номер 97, происхождение солдат на

вездеходе. Оба согласились, что они ублюдки с большой примесью цветной крови.

— Тебе ставили когда-нибудь клизму? — неожиданно спросил Пирсон.

— Клизму? — Гэррети задумался. — Нет, по-моему.

— А вам? — спросил Пирсон остальных. — Признавайтесь.

— Мне ставили, — смущенно признался Гаркнесс. — Один раз на Хэллуин, когда я сожрал целую коробку конфет.

— И тебе понравилось?

— Черт, нет! Кому понравится, когда в тебя вливают кварту теплой воды?

— Моему брату, — грустно сказал Пирсон. — Я спросил этого маленького засранца, жалеет ли он, что я иду, а он сказал, что мама обещала поставить ему клизму, если он не будет плакать. Он их обожает.

— Какая гадость, — поморщился Гаркнесс.

— Вот и я так думаю, — так же грустно согласился Пирсон.

Через несколько минут к ним присоединился Дэвидсон и рассказал, как он однажды напился на пикнике, ввалился в палатку и наблевал чуть не на голову какой-то толстой тетке, на которой не было ничего, кроме трусов. Она, по его словам, не рассердилась и даже позволила ему «за себя подержаться», как он выразился.

Потом Бейкер рассказал, как они в детстве «пускали ракеты», и один парень по имени Дэви Попхэм спалил себе все волосы на заднице. «Вонял, как свинья», — сказал Бейкер. Гаркнесс так смеялся, услышав это, что получил предупреждение.

После этого начался подъем. Истории передавались по цепочке идущих, пока Бейкер (не тот — Джеймс) не получил пропуск. После этого всякое желание шутить пропало. Некоторые заговорили о своих подружках. Гэррети ничего не сказал о Джен, но сейчас, в этом угольном мешке ночи, она казалась ему лучшим в мире из всего, что он когда-либо видел и знал.

Они прошли через спящий городок, вдоль шеренги мертвенно-бледных фонарей, продолжая переговариваться шепотом. У одного из домов на скамейке сидела молодая пара, прижавшись друг к другу. Девушке было не больше четырнадцати. Их тени, сливаясь, падали на дорогу, и идущие перешагивали через них в наступившей вдруг тишине.

Гэррети обернулся, уверенный, что рычание вездехода разбудит их. Но они все так же сидели, безразличные ко всему на свете. Он доел остаток концентратов и почувствовал себя немного лучше. Олсону ничего не осталось.

Станный этот Олсон — Гэррети еще шесть часов назад был уверен, что он мертв. Но он все еще шел и больше не получал предупреждений. Человек на многое способен, когда на кону оказывается его жизнь. Они прошли уже 54 мили.

За безымянным городком разговор умолк. Они прошли в молчании около часа, и к Гэррети снова начал подкрадываться сон. Он доел печенье матери и зашвырнул фольгу в кусты на обочине.

Макфрис извлек из своего рюкзака зубную щетку и чистил зубы — без пасты. «Распорядок дня, — подумал Гэррети. — Ужин, чистка зубов, здоровый сон. Люди

машут тебе, и ты им машешь — так принято. Никто не ссорится (кроме Барковича) — тоже потому, что так принято».

Или нет? Он вспомнил, как Макфрис крикнул Стеббинсу, чтобы тот заткнулся. И как Олсон жадно, не поблагодарив, схватил сыр, который он дал ему. Эти фрагменты выглядели ярче, острее на тусклом распорядке дня.

В одиннадцать вечера одновременно произошло несколько событий.

Прошел слух, что мост впереди смыло во время грозы, и ДЛИННЫЙ ПУТЬ — будет временно приостановлен. По рядам идущих прошла волна оживления, и Олсон спекшимися губами пробормотал: «Слава Богу».

Тут же Баркович начал кричать что-то идущему рядом парню с дурацкой фамилией Ранк. Тот попытался ударить его, что было строжайше запрещено, и тут же получил предупреждение. Баркович легко увернулся от удара, продолжая кричать:

— Ну, сукин сын, давай! Я еще спляшу на твоей могиле! Давай, балда, шевели ногами! Все равно сдохнешь здесь!

Ранк ударил еще раз. Баркович отскочил и налетел на парня, идущего сзади, и они оба получили предупреждения. Теперь солдаты смотрели на них внимательно, хотя и спокойно, — как люди на муравьев, волокущих крошку хлеба.

Ранк пошел быстрее, не глядя на Барковича. Тот, взбешенный полученным предупреждением (он налетел на Гриббла, того самого, что хотел сказать Майору, что он убийца), заорал:

— Эй, Ранк, твоя мать брала в рот на 42-й улице! Тут Ранк повернулся и вцепился в Барковича. Раздались крики «Эй, хватит!» и «Брось это дерьмо!», но Ранк как будто не слышал. Он побежал за Барковичем, которому удалось вырваться, споткнулся и упал на асфальт, раскинув ноги. Он получил третье предупреждение.

— Давай, балда! — вопил Баркович. — Шевели жопой!

Ранк попытался встать и упал назад.

Третьим, что случилось в одиннадцать, была смерть Ранка.

Сначала щелкнули затворы, и в повисшем молчании прозвучал голос Бейкера:

— Ну вот, Баркович. Теперь ты убийца.

Грянул залп. Тело Ранка подпрыгнуло и безжизненно вытянулось на дороге.

— Он сам виноват! — взвизгнул Баркович. — Ты видел, он ударил меня!

Пункт восьмой!

Все молчали.

— Хрен вам! Вам всем!

— Вернись и спляши на нем, Баркович, — посоветовал Макфрис. — Повесели нас. Тебе же хочется, я знаю.

— Твоя мамаша тоже брала в рот, меченый! — хрипло прошипел Баркович. — Не терпится увидеть, как твои мозги разлетятся по дороге, — спокойно сказал Макфрис. Он дотронулся до шрама и тер его, тер. — С большим удовольствием погляжу на это, ублюдох.

Баркович бормотал еще что-то, но все отвернулись от него и продолжали идти, нагнув головы.

Они прошли уже 60 миль, а никакого моста так и не было. Гэррети начал думать, что его и нет, когда они перевалили небольшой холм и окунулись в озеро электрического света — фары нескольких грузовиков, сгрудившихся перед остатками деревянного моста.

— Как я люблю этот мост, — прошептал Олсон, закуривая одну из сигарет Макфриса.

Но когда они подошли ближе, Олсон выругался и отбросил сигарету прочь.

Часть моста уцелела, и люди из Эскадрона быстро восстанавливали остальное.

Времени не хватало, поэтому рядом с мостом они навели понтонную переправу из тяжелых армейских грузовиков, связанных проводом.

— Мост короля Людовика Святого, — мрачно заметил Абрахам. — Может, если кто впереди топнет, он опять обвалится.

— Мало надежды, — сказал Пирсон. — А, черт!

Трое идущих впереди ступили на мост и, не оглядываясь, перешли на другую сторону. Их ботинки гулко стучали по доскам. Солдаты прыгнули с вездехода и пошли вперед вместе с участниками. Двое дорожных рабочих в комбинезонах и зеленых резиновых сапогах стояли у обочины и смотрели, как они идут. Один из них вдруг хлопнул товарища по плечу и сказал:

— Вот он, Гэррети.

— Давай, парень! — крикнул другой. — Я поставил на тебя десять баксов!

Двадцать к одному.

Гэррети помахал им и ступил на мост. Доски жалобно закрипели под ногами, и он оказался на другой стороне. Скоро дорога сделала поворот, и свет грузовиков померк позади.

— А ДЛИННЫЙ ПУТЬ — когда-нибудь останавливали? — спросил Гаркнесс.

— Не думаю, — ответил Гэррети. — Что, материал для книги?

— Нет, — Гаркнесс выглядел уставшим. — Просто так.

— Его останавливают каждый год, — сказал сзади Стеббинс. — Но только раз.

Никто ничего не сказал.

Через полчаса к Гэррети подошел Макфрис и некоторое время шел молча.

Потом очень тихо спросил:

— Ты надеешься выиграть, Рэй? Гэррети долго думал.

— Нет, — сказал он наконец.

Осознание этого напугало его. Он снова подумал о том, как получит пропуск, — нет, получит пулю. О последних секундах беспощадной ясности, о черных дулах карабинов, смотрящих в лицо. Ноги на миг окоченели. Кровь, казалось, застыла в жилах, обволакивая мозг, сердце, гениталии липкой красной коркой.

— А ты?

— Тоже нет, — ответил Макфрис. — Я перестал в это верить где-то около девяти. Видишь ли, я, — он откашлялся, — мне трудно говорить об этом, но я не думал, что это будет так тяжело. Похоже, все они, — он махнул рукой в сторону идущих, — думали, что, когда станет неспособен, в них прицелятся, крикнут «пах! пах!», — и все пойдут по домам. Понимаешь, о чем я? Гэррети вспомнил свой собственный шок, когда кровь и мозги Кэрли брызнули на дорогу.

— Да, — сказал он. — Понимаю.

— Я сам не сразу в это вник, но теперь знаю. Это не гонки на выживание, как я сперва думал. Здесь победит не тот, кто сильнее — тогда у меня был бы шанс, — а тот, кто сможет идти, несмотря ни на что. Ни на кого.

Это не в ногах, а в мозгу.

Вдалеке закричал козодой.

— Были парни, которые продолжали идти вопреки всем законам физики. В прошлом году один шел с судорогой обеих ног, помнишь? Посмотри на Олсона — он вымотан до предела, но идет. Этот сучонок Баркович держится на ненависти, и она дает ему силы. А я так не могу. Я еще не устал, как следует, но устану, — шрам резко выделялся на его осунувшемся лице. — И я думаю... Когда я устану... Я просто сяду и останусь сидеть.

Гэррети промолчал, но ему было плохо. Очень плохо.

— Впрочем, Барковича я переживу, — добавил Макфрис. — Клянусь Богом. Гэррети посмотрел на часы — было 11.30. Они прошли перекресток с дремлющей на нем полицейской машиной. Движение на дороге отсутствовало, и констебль, видимо, спокойно спал. Они миновали круг света от фар и снова окунулись в темноту.

— Мы можем убежать в лес, и они нас никогда не найдут, — задумчиво сказал Гэррети.

— Как же! — хмыкнул Олсон. — У них сверхчувствительное оборудование.

Они слышат все, что мы говорим, слышат удары наших сердец. И видят, как днем. Словно в подтверждение его слов кто-то впереди получил второе предупреждение.

Макфрис куда-то отошел. Темнота разъединила их, и в Гэррети зашевелился страх одиночества. В лесу кто-то пыхтел и трещал сучьями.

Гэррети внезапно понял, что путь ночью через мэнский лес — это вовсе не пикник для таких городских парней, как он. Где-то таинственно заухала сова.

С другой стороны завозилось что-то тяжелое, и кто-то нервно крикнул: "Что это?"

Наверху стайками проносились легкие весенние тучи, обещая дождь.

Гэррети поднял воротник, вслушиваясь в звук собственных шагов. Утром он их не слышал, они терялись в стуке еще девяти пар ног. Но теперь он отчетливо различал их особый звук и ритм, и то, как левый туфель чуть-чуть шаркал при каждом шаге. Ему казалось, что звук шагов звучит так же громко, как удары сердца. Биение жизни — и смерти.

Глаза его закрывались. Казалось, их энергия втягивается внутрь тела, в какую-то

таинственную воронку.

Предупреждения раздавались с усыпляющей монотонностью, но выстрелов не было. Баркович заткнулся. Стеббинс опять потерялся сзади, еле видимый в тумане.

На часах было 11.40.

“Приближается час ведьм, — подумал он, — когда могилы раскрываются и выпускают своих сгнивших обитателей. Когда послушные дети сидят дома. Когда жены и любовницы ведут нелегкую схватку в постелях. Когда пассажиры дремлют в нью-йоркском «грейхаунде». Когда по радио играют Гленна Миллера, а бармены начинают поднимать стулья на столы...”

Перед ним появилось лицо Джен. Он вспомнил, как целовался с ней на Рождество, полгода назад, под пластиковой веткой омелы, что его мать всегда вешала на кухне. Губы ее были удивленно-мягкими, покорными. В первый раз он целовался по-настоящему. Потом они снова поцеловались, когда он проводил ее до дома, и они стояли перед ее дверью, глядя на падающий рождественский снег. Но это был не просто поцелуй — что-то еще. Его руки на ее талии. Ее руки, обвившиеся вокруг его шеи; ее закрытые глаза (он подглядывал); ее теплая грудь под тканью пальто. Он чуть не сказал ей, что любит ее, но... Нет, не так быстро.

Потом они учили друг друга тому, что знали. Она рассказывала ему о книгах, которые прочла, — эта маленькая хохотушка, оказывается, любила читать. Он научил ее вязать — это была мужская традиция у них в семье. Дед Гэррети научил вязать отца, а тот — самого Гэррети, пока... Пока его не забрал Эскадрон. Джен была зачарована мельканием спиц и очень скоро превзошла его, продвинувшись от шарфов к свитерам и салфеткам с прихотливыми узорами.

Еще он научил ее румбе и ча-ча-ча — его обучили этому в школе современного танца миссис Амелии Дордженс, куда он ходил по настоянию матери. К счастью, педагогический пыл матери остыл, иначе Бог знает, куда бы она зашла.

Теперь он вспоминал овал лица Джен, едва заметные модуляции ее голоса, плавное покачивание бедер при ходьбе. Он хотел ее, и, если бы она была сейчас здесь, он сделал бы все по-другому. Зачем он тут, на этой темной дороге? Он вспомнил загорелое лицо Майора, его усы, его непроницаемые темные очки, и задохнулся от ужаса. «Зачем я здесь?» — спрашивал он себя снова и снова. Ответа не было.

В темноте раздался залп, и следом — тяжелый стук упавшего тела.

Страх опять схватил его, побуждая бежать в кусты, не разбирая дороги, пока он не добегит до спасения... До Джен.

Макфрис хотел пережить Барковича. Он хотел дойти до Джен.

Родственникам участников оставляют места в передних рядах. Он должен дойти и увидеть Джен.

Он вспомнил, что целовал ту, другую девушку, и ему стало стыдно.

Но откуда он знает, что дойдет? Мозоли... Судорога... Кровь из носа... Слишком высокий или слишком длинный холм. Как он может на что-то надеяться?

Может. Знает.

— Поздравляю, — сказал сзади Макфрис.

— А? Что?

— Полночь. Мы дожили до следующего дня, Гэррети.

— До Олдтауна еще сто пять миль, — устало сообщил Олсон.

— Кому какое дело? Гэррети, ты бывал в Олдтауне?

— Нет.

— А в Огасте? Черт, я всегда думал, что это в Джорджии.

— В Огасте я был. Это ведь столица штата. Там резиденция губернатора, кинотеатры, рестораны...

— Смотри-ка, в Мэне и такое есть, — ухмыльнулся Макфрис.

— Ну, если хочешь зайти в шикарный ресторан, потерпи до Бостона, — заметил Абрахам.

Кто-то сзади застонал.

Впереди раздались приветственные крики, и Гэррети насторожился. Там стояла обшарпанная ферма, на стене которой был прикреплен большой плакат, окаймленный лампочками и сосновыми шишками:

“Длинный путь. Мы за Гэррети! Родительская ассоциация графства Арустук”.

— Эй, Гэррети, где твои родители? — крикнул кто-то.

— Дома сидят, — ответил Гэррети. В последние пятнадцать часов он вдруг обнаружил, что не так уж приятно, когда тысячи людей, столпившихся вдоль дорог, выкрикивают его имя и делают на него ставки («двадцать к одному» — сказал тот рабочий... Интересно, много это или мало?). Это пугало его. Толпа оказалась небольшой, и скоро дорога опять опустела. Они прошли еще один мост, на этот раз бетонный. Вода струилась вниз, как черный шелк.

С опаской подали голос сверчки, а минут через пятнадцать пошел дождь. Впереди кто-то заиграл на губной гармошке. Недолго (пункт 6: береги дыхание), но Гэррети узнал мелодию. Добрый старый Стивен Фостер. «Черный Джо» или еще что-то из расистской классики. Упился до смерти, бедняга. Как Эдгар По, если верить слухам. Еще По был некрофилом и хотел жениться на своей четырнадцатилетней кузине. Интересно, что он написал бы, если бы дожил до наших дней и увидел ДЛИННЫЙ ПУТЬ —?

Впереди кто-то начал кричать. Без слов, пронзительным детским голосом.

Темный силуэт метнулся к обочине за вездеходом (Гэррети и не заметил, когда вездеход нагнал их) и скрылся в лесу. Залп. Кусты ежевики затрещали под тяжестью упавшего в них тела. Солдаты выволокли за ноги невезучего беглеца — темнота скрыла его имя.

Гармошка заиграла что-то насмешливое, потом голос Колли Паркера велел ей заткнуться. Стеббинс сзади засмеялся. Гэррети вдруг почувствовал ненависть к Стеббинсу. Как он смеет смеяться над смертью? Этого можно ожидать разве что от Барковича. Баркович обещал сплясать на могилах, и в его распоряжении уже

шестнадцать.

“Сомневаюсь, что у него хватит на это сил”, — подумал Гэррети.

Острая боль пронзила правую ногу. Мускулы свело, потом отпустило. С бьющимся сердцем он ждал повторения судороги, но она не повторилась.

— Я больше не могу, — простонал Олсон. Его лицо висело в темноте, как белая маска. Никто ему не ответил.

Темнота. Проклятая темнота. Они все похоронены в ней заживо. До рассвета целая вечность, и многие из них его не увидят. Может быть, все.

Все они задохнутся здесь, под шестью футами темноты, крича и царапая сломанными ногтями крышки своих гробов. Священник наверху будет читать молитвы, а скорбящие родственники — шаркать ногами, торопясь на свежий майский воздух. И скоро они услышат шелест мириад червей и жуков, спешащих к ним...

“Я схожу с ума”, — подумал Гэррети.

Ветерок прошелестел по ветвям сосен.

Гэррети повернулся задом и помочился. Гаркнесс сопел на ходу: похоже, уснул. Гэррети вдруг стал слышать все, самые тихие звуки окружающей его жизни. Кто-то жевал; кто-то сморкался; кто-то тихо кого-то о чем-то спрашивал. Янник еле слышно напевал.

— Зачем я ввязался в это? — безнадежно спросил Олсон, вторя недавним мыслям Гэррети. — Зачем я согласился?

Никто не ответил. Как будто Олсон уже был мертв. Еще одно пятно света.

Они прошли кладбище, темную церковь и ступили на улицу еще одного городка.

В деловой части собрались посмотреть на них человек десять.

Они приветствовали проходящих, но непривычно тихо, словно боясь разбудить соседей. Самым молодым среди них был мужчина лет сорока в очках без оправы.

Гэррети развеселило, что ширинка у мужчины была почему-то расстегнута.

— Давай-давай! Молодцы! — тихо выпевал он, маша им пухлой белой ладонью.

Они прошли мимо перекрестка, где сонный полицейский удерживал громадный грязный трейлер, и городок кончился — как прочитанный рассказ Ширли Джексон.

— Посмотри на этого типа, — тронул его за плечо Макфрис.

“Тип” оказался высоким парнем в зеленом плаще. Он шел, все время раскачиваясь и держась руками за голову. Раньше они почему-то его не видели... Или это темнота так изменила лица.

Парень запутался в собственных ногах и едва не упал. Гэррети и Макфрис зачарованно следили за ним минут десять, забыв про собственную усталость. В конце концов он упал и получил предупреждение. Гэррети не думал, что парень сможет встать, но он встал и пошел. На плаще у него был номер 45.

— Что с тобой? — прошептал Олсон, но парень, казалось, не слышал.

Гэррети уже заметил, что многие из них ничего не видят и не слышат. Ничего,

кроме дороги. Как будто идут по канату над черной бескрайней бездной.

— Как тебя зовут? — спросил он, но парень опять не ответил.

Внезапно Гэррети начал спрашивать его снова и снова, повторяя одно и то же, лишь бы не оставаться наедине с этой молчащей пустотой. — Как тебя зовут? Как тебя зовут? Кактебязовуткакте...

— Рэй, — Макфрис потянул его за рукав. — Он не отвечает. Пит, я хочу знать его имя — пусть скажет...

— Не трогай его, — тихо сказал Макфрис. — Он умирает.

Парень под номером 45 упал снова, на этот раз лицом вниз. Когда он поднялся, лицо его было в крови. Все слышали, как ему объявили последнее предупреждение.

Они прошли через проем еще большей темноты — железнодорожный переезд.

Когда они вышли, Гэррети с радостью увидел впереди длинный, пологий спуск. 45-й упал в последний раз. Прогрохотали выстрелы. Гэррети решил, что его имя уже не имеет никакого значения.

Глава 6

*“Теперь соревнующиеся находятся в изолированных
кабинах”.*

Джек Берри

Полчетвертого утра.

Рэю Гэррети это время показалось самой длинной минутой самой длинной в его жизни ночи. Это была мертвая точка, пик отлива, когда море отступает, оставляя на песке разбитые бутылки, ржавые жестянки из-под пива, использованные презервативы и поросшие зеленым мхом скелеты в клочьях одежды.

После парня в зеленом плаще выписали пропуск еще семерым. Около двух часов трое выбыли почти одновременно — как сухие листья, сдутые осенним ветром. Они прошли 75 миль и лишились двадцати четырех участников. Но это было неважно. Важным была мертвая тишина. Снова прогремели выстрелы, и кто-то упал. На этот раз лицо было знакомым — Дэвидсон, номер 8, тот самый, что когда-то на пикнике «подержался» за толстую тетку. Гэррети только миг смотрел на бледное, залитое кровью лицо Дэвидсона и быстро отвел глаза. Теперь он почти все время смотрел на дорогу. Иногда белая полоса была четкой, иногда казалась разорванной, а иногда двоилась, как лыжный след. Он удивлялся, как люди могут весь год ездить по этой дороге и не видеть этих выписанных белым иероглифов жизни и смерти. Или они видят?

Асфальт зачаровывал его. Как, должно быть приятно сесть на него.

Сначала присесть, слыша хруст в коленях. Потом протянуть вперед руки и коснуться прохладной шершавой поверхности. Потом сесть на задницу, чувствуя, как

ноги освобождаются от тяжести твоих ста шестидесяти фунтов... А потом лечь, глядя на колышущиеся вокруг деревья и на волшебные огоньки звезд... Лежать, не обращая внимания на предупреждения, и ждать... Ждать... Да.

Слышать, как участники проходят мимо, расступаясь в священном ужасе.

Слышать их шепот: "Это Гэррети, смотрите, сейчас ему выпишут пропуск!"

Может быть, смех Барковича. Потом лязгнут затворы карабинов... Он заставил себя оторвать взгляд от дороги и посмотрел на горизонт, выискивая там лучи рассвета. Конечно же, там было темно.

Они миновали еще два или три городка, пустых и темных. С полуночи им встретилось не больше трех десятков людей, того типа, что каждый Новый год мрачно ждут, когда стрелка часов достигнет двенадцати. Остальные три часа были сплошным полусном-полубдением, полным кошмаров. Гэррети вгляделся в лица окружающих, не узнавая их. Его охватила иррациональная паника.

— Пит, это ты? — он коснулся плеча идущего рядом. Тот недовольно сбросил его руку, не оглядываясь. Обычно слева от него шел Олсон, а справа Арт Бейкер, но теперь слева не было вообще никого, а парень справа выглядел гораздо круглее Бейкера.

Он сошел с дороги, и его окружили какие-то подростки-хулиганы.

Они охотились за ним специально, вместе с солдатами, собаками и Эскадроном... Облегчение волной накатило на него. Это Абрахам там, впереди.

Конечно, это он. Как его можно с кем-то спутать?

— Абрахам! — прошептал он. — Ты что, спишь? Абрахам что-то прошептал.

— Я спрашиваю, ты спишь?

— Да, чертов Гэррети, отстань... Все-таки он здесь, с ними. Чувство потери ориентации исчезло.

Кто-то впереди получил третье предупреждение, и Гэррети подумал: «У меня ведь их нет! Я могу посидеть полминуты! Или даже минуту! Я могу...» Да. Ты можешь умереть.

Он вспомнил, что обещал матери, что они с Джен увидят его во Фрипорте.

Тогда он дал это обещание легко, почти машинально. В девять часов вчерашнего дня Фрипорт казался чем-то далеким, из другого мира. Но теперь это была уже не игра, и ужасающе реальной выглядела перспектива отправиться во Фрипорт на паре кровоточащих обрубков, вместо ног. Застрелили еще кого-то... На этот раз впереди. Плохо целились, и несчастный какое-то время хрипло кричал, пока следующая пуля не заткнула ему рот. Без всякой причины Гэррети подумал о ветчине и едва не захлебнулся от тяжелой, вязкой слюны. Он думал — много это или мало, двадцать шесть выживших на семьдесят пятой миле Длинного пути.

Голова его медленно склонилась на грудь, и ноги понесли его вперед сами по себе. Он думал о похоронах, на которых побывал в детстве. Хоронили Урода д'Алессио. Конечно, его звали вовсе не Урод, а Джордж, но так его называли все мальчишки за то, что у него были выпученные, как у рыбы, глаза... Он помнил, как Урод топтался возле

бейсбольной площадки — вечный запасной, — пытаюсь попасть в команду. Его выпученные глаза безнадежно метались от одного капитана к другому, как у зрителей на теннисном матче.

Когда его все же брали, его ставили туда, где он не мог особенно помешать: один глаз у него почти не видел. Однажды он не смог даже поймать мяч, который врезался ему точно в лоб с хрустким звуком дыни, разрезаемой ножом.

След от мяча потом неделю не сходил с его лба.

Урод погиб на шоссе № 1 недалеко от Фрипорта. Один из приятелей Гэррети, Эдди Клипстейн, видел, как это случилось: автомобиль сбил его велосипед, и ноги Урода еще какое-то время крутили педали «швинна» в то время, как его тело совершило недолгий полет до каменного бордюра, о который и разбилась его бедная пучеглазая голова.

Он ходил на похороны Урода и по пути туда чуть не вытошнил ланч, представляя разбитую голову в гробу, но все было чинно-благородно — Урод лежал в костюме и в галстуке, и глаза его наконец были закрыты. Похоже было, что он готов выскочить из гроба, как только его позовут играть в бейсбол.

Это был единственный мертвец, которого Гэррети видел до вчерашнего дня, и он был таким чистым и аккуратным, совсем не похожим на Эвинга, или на парня в зеленом плаще, или на Дэвидсона с бледным, залитым кровью лицом.

Без четверти четыре он получил первое предупреждение, и ему пришлось дважды с силой хлопнуть себя по лицу, чтобы проснуться. После этого ему стало холодно. Может быть, это ему мерещилось, но звезды на востоке стали чуть бледнее. С удивлением он подумал, что вчера в это же время спал в машине, пока они с матерью ехали к границе. Он ясно вспомнил, как лежал там, вытянувшись, не двигаясь. Как он хотел сейчас вернуться туда, на сутки назад!

Без десяти четыре.

Он оглянулся, испытывая странное удовлетворение от того, что многие выглядели гораздо хуже, чем он, — более усталыми, более сонными. Стало светлее, и можно было разглядеть лица идущих. Бейкер шел впереди — его он узнал по рубашке в красную полоску. Слева шел Олсон, и Гэррети удивился. Он был уверен, что Олсона застрелили ночью. Но он шел, хоть медленно, и голова его болталась в такт ходьбе, как голова тряпичной куклы.

Перси, которого так хотела увидеть мать, шел теперь позади Стеббинса, качающейся походкой бывалого моряка. Он разглядел еще Гриббла, Гаркнесса, Уаймэна и Колли Паркера. Большинство знакомых еще шли.

К четверем на горизонте появилась светлая полоса, и Гэррети почувствовал радость. Он оглянулся назад, в бесконечный туннель ночи как он только смог его пройти?

Он немного ускорил шаг и подошел к Макфрису, который шагал, опустив подбородок на грудь. Из рта у него стекала тонкая струйка слюны, высвеченная рассветом с неправдоподобной четкостью. Гэррети долго зачарованно смотрел на этот феномен. Он не хотел будить Макфриса.

Они миновали каменистый луг, где пять коров задумчиво жевали, провожая их печальным взглядом. Собачонка фермера кинулась на дорогу с сердитым тывканьем, и

солдаты на вездеходе подняли ружья, готовые пристрелить ее. Но собака благоразумно не выбегала на асфальт, выражая служебное рвение с безопасного расстояния. Кто-то завопил на нее, требуя заткнуться. Гэррети, не отрываясь, смотрел на светлеющее небо — сперва оно окрасилось нежно-розовым, потом красным, потом золотым. Кого-то опять застрелили, но он не заметил. Над горизонтом поднялся ослепительно красный бок солнца, и Гэррети полубессознательно подумал: «Слава Богу, я могу умереть при свете».

Сонно пропела птица. Они прошли еще одну ферму, где им долго махал бородатый мужчина.

В лесу зловеще каркнула ворона. Первые теплые лучи коснулись лица Гэррети, и он благодарно потянулся к ним, улыбаясь.

Макфрис по-собачьи тряхнул головой и осмотрелся вокруг:

— Господи, свет! Свет, Гэррети! Который час?

Гэррети посмотрел на часы и удивился. Было уже без четверти пять. — Сколько миль, как ты думаешь?

— Около восьмидесяти. И двадцать семь выбыло. Мы прошли четверть пути, Пит.

— Да, — Макфрис улыбнулся.

— Тебе лучше?

— В тыщу раз.

— Мне тоже. Думаю, это из-за солнца.

— Скоро мы увидим людей. Ты читал статью в «Обзрении»?

— Конечно. В основном, искал там свое имя.

— Там писали, что каждый год на ДЛИННЫЙ ПУТЬ — делаются ставки на два миллиарда долларов. Представляешь?

В разговор вмешался Бейкер:

— Мы в школе тоже сбрасывались по четвертаку, и тот, кто называл число ближе всего к последней миле пути, получал все деньги.

— Олсон! — весело крикнул Макфрис. — Только подумай о таких деньгах!

Подумай, сколько народу ставит на твою тощую задницу!

Олсон устало сказал, что все, поставившие на его тощую задницу, могут проделать сами с собой два противоестественных акта, из которых второй является прямым продолжением первого. Все рассмеялись.

— Сегодня увидим красивых девчонок, — сказал Бейкер.

— Черт с ними, — сказал Гэррети. — Моя девчонка ждет меня. Буду теперь хорошим мальчиком.

— Без греха делом, словом и помышлением, — добавил Макфрис.

— Именно так.

— Сто к одному, что ты успеешь в лучшем случае помахать ей, — сказал Макфрис.

— Уже семьдесят три к одному.

— Все равно много.

Но хорошее настроение Гэррети было непоколебимо.

— Я чувствую себя так, будто готов идти вечно, — заявил он.

Кое-кто из услышавших его скривился.

Они прошли бензоколонку, и владелец долго махал им, в особенности приветствуя Уэйна, номер 94.

— Гэррети, — тихо позвал Макфрис.

— Что?

— Я не помню всех, кому выписали пропуск.

— Я тоже.

— Баркович здесь?

— Здесь. Вон, впереди Скрамма. Видишь?

— Вижу.

— Стеббинс тоже здесь.

— Неудивительно. Станный он парень, правда?

— Правда.

Макфрис замолчал, порылся в рюкзаке и достал миндальное печенье. Они с Гэррети взяли по штуке.

— Хочу, чтобы это поскорее кончилось, — сказал Макфрис. — Хоть как-нибудь. Они молча съели печенье.

— Мы на полпути до Олдтауна? — спросил Макфрис. — Восемьдесят прошли, восемьдесят осталось?

— Вроде бы.

— До ночи пройдем.

Упоминание о ночи заставило Гэррети вздрогнуть.

— Откуда у тебя шрам, Пит? — поспешил он сменить тему.

Рука Макфриса непроизвольно потянулась к щеке.

— Долгая история, — сказал он, как отрезал.

Гэррети вгляделся в него получше. Волосы всклокочены и слиплись от пота и пыли. Одежда измята. Лицо бледное, глаза глубоко запали.

— Ну и видок у тебя! — внезапно его разобрал смех. Макфрис улыбнулся: — Ты тоже не похож на рекламу дезодоранта, Рэй.

Они оба долго, истерически смеялись, стараясь при этом не сбавлять скорости. Наконец оба получили предупреждения и дальше шли молча.

Около пяти появились первые зрители — четверо ребяташек, сидящих поиндейски, скрестив ноги, возле палатки. Один из них был еще запакован в спальный

мешок, как эскимос. Они мерно махали руками, не улыбаясь.

Потом появился перекресток и рядом с ним — закусочная, возле которой стояли и смотрели на них три молоденькие официантки. Все свистели и махали им, но только Колли Паркер сумел извлечь из себя что-то членораздельное. — В пятницу вечером! — крикнул он. — Слышите? Жду вас! В пятницу вечером!

Официантки, казалось, не слышали. Гэррети просто помахал им.

Участники рассыпались по дороге, постепенно просыпаясь и приходя в себя. Гэррети поискал взглядом Барковича — тот выглядел неплохо. Ничего удивительного: нет друзей, нет и проблем.

Потом Брюс Пастор затеял игру в «тук-тук».

— Тук-тук, Гэррети!

— Кто там?

— Майор.

— Какой Майор?

— Майор, который на завтрак трахает свою матушку, — сказал Пастор и рассмеялся. Гэррети передал это Макфрису, тот — Бейкеру, а по второму кругу оказалось, что майор на завтрак трахает свою прабабушку. На третий раз он уже трахал Шейлу, своего терьера, с которым его часто фотографировали. Гэррети еще смеялся, когда Макфрис неожиданно посерьезнел. Он смотрел на каменные лица солдат на вездеходе.

— Думаете, это смешно? — крикнул он внезапно. Его лицо потемнело от прихлынувшей крови. На какой-то момент Гэррети показалось, что сейчас его хватит удар.

— Майор трахает себя, вот оно что! — закричал Макфрис. — И все мы здесь трахаем себя! Смешно, правда? Смешно, сукины дети? СМЕШНО? Внезапно он побежал к вездеходу. Солдаты подняли ружья, но Макфрис остановился, потрясая над головой кулаками.

— Спускайтесь, суки! Положите ружья и спускайтесь! Я покажу вам, что это смешно!

— Предупреждение, — сказал один из солдат деревянным голосом. — Второе предупреждение 61-му.

“О Господи, — подумал Гэррети. — Он так близко к ним... Он сейчас отлетит, как Урод д'Алессио...”

Макфрис сорвался с места, побежал за едущим вездеходом и плюнул на него. Слюна прочертила мокрый след на пыльном борту.

— Слезайте! — кричал он. — Слезайте! По одному или все сразу, плевать!

— Предупреждение! Последнее предупреждение, 61-й!

— Ебал я ваши предупреждения!

Внезапно Гэррети повернулся и побежал назад, не обращая внимания на то, что ему тоже влепили предупреждение. Он схватил Макфриса за руку, когда солдаты уже

слезали вниз.

— Пошли, Пит!

— Уходи, Рэй. Я им сейчас покажу.

Гэррети резко встряхнул его.

— Тебя пристрелят, идиот!

Мимо них прошел Стеббинс.

Макфрис взглянул на Гэррети, словно только что узнал его.

Через секунду Гэррети получил собственное третье предупреждение. От смерти их отделяло несколько мгновений.

— Иди к черту, — бесцветным голосом сказал Макфрис. Он снова пошел. Гэррети шел рядом с ним.

— Я уже думал, что тебе сейчас выпишут пропуск.

— Но не тут-то было. Спасибо другу-мушкетеру, — Макфрис тер рукой шрам.

— Берт, нам все равно его выпишут.

— Кто-то же победит. Почему не один из нас?

— Чушь это все, — голос Макфриса дрожал. — Здесь нет победителей.

Они просто отводят последнего куда-нибудь за сарай и пристреливают.

— Что ты несешь? — свирепо закричал Гэррети. — Ты не мо...

— Все проигрывают, — глаза Макфриса выглядывали из запавших глазниц, как затравленные звери. Они шли одни — другие участники ушли вперед, чтобы не видеть того, что должно было случиться, если бы... Если бы он не вмешался.

— Все проигрывают, — повторил Макфрис. — Можешь мне поверить.

Олсон получил предупреждение. Кто-то тронул Гэррети за плечо.

Это оказался Стеббинс.

— Твой друг недоволен Майором?

— Я думаю, — сказал Гэррети. — Я и сам не хочу приглашать его к себе на чай.

— Посмотри назад.

Гэррети оглянулся. К ним ехал второй вездеход, следом третий.

— Это Майор, — сказал Стеббинс, — и сейчас все будут кричать «Ура», — он улыбнулся всезнающей улыбкой ящерицы.

— Они пока только думают, что ненавидят его. Думают, что худшее уже наступило. Но подождите до вечера. Подождите до завтра.

Гэррети поднял глаза на Стеббинса:

— А что если они будут кричать на него и швырять фляжками?

— Ты будешь это делать?

— Нет.

— И никто не будет. Вот увидишь.

— Стеббинс?

Стеббинс поднял брови.

— Ты думаешь, что выиграешь?

— Да, — спокойно сказал Стеббинс. — Я в этом уверен, — и он отступил на свое обычное место.

В 5.25 Яннику выписали пропуск. А в 5.30, как предсказывал Стеббинс, прибыл Майор.

Послышался рокот мотора, и впереди показался джип. Майор стоял в нем навтыжку и отдавал им честь. Гэррети почувствовал дурацкую гордость. Никто не кричал «ура». Колли Паркер сплюнул на землю. Баркович показал нос. Макфрис только смотрел, беззвучно шевеля губами. Олсон, казалось, вовсе не заметил Майора.

Гэррети помахал ему. То же сделали Перси, и писатель Гаркнесс, и Арт Бейкер, и Абрахам, и Следж, который только что получил второе предупреждение.

Потом Майор уехал. Гэррети было немного стыдно. К тому же, маша, он израсходовал энергию.

— Тебе лучше? — спросил он Макфриса.

— Ага. Замечательно. Теперь буду идти и смотреть, как все падают вокруг меня. Ужасно весело. Я уже сосчитал — все кончится, когда мы пройдем миль триста двадцать. Это даже не рекорд.

— Пит, если тебе хочется так говорить, иди куда-нибудь в другое место, — сердито сказал Бейкер.

— Простите, миссис, — протянул Макфрис, но все же замолчал. Становилось жарко. Гэррети расстегнул куртку. Лес вокруг кончился, уступив место полям, усеянным маленькими фермами и бензоколонками. На многих фермах красовалась надпись «Продается». В двух окнах Гэррети увидел знакомую надпись «Мой сын погиб в Эскадроне».

— Далеко до океана? — спросил Колли Паркер. — Похоже, будто я опять в Иллинойсе.

— Иди-иди, — ответил Гэррети. — Еще миль сто.

— Черт, — сказал Паркер. — Ну и штат! Кругом деревья. Ни одного приличного города.

Он был мускулистым блондином с дерзким выражением лица, не исчезнувшим даже после этой ужасной ночи.

— Зато здесь чистый воздух, — обиделся Гэррети. — Не смог, как у вас. — У нас в Джольете нет никакого смога. Ты понял?

— Ну не смог, так гарь какая-нибудь.

— Если бы мы были дома, я бы тебе яйца за это оторвал, — мрачно сказал Паркер.

— Ладно, ребята, — вмешался Макфрис. — Ведите себя прилично. Почему бы вам не помириться и не заказать друг другу по кружке пива?

— Я не люблю пива, — автоматически ответил Гэррети.

— Сопляк, — буркнул Паркер и отошел.

— И чего он бесится? — недоуменно спросил Макфрис, будто не он совсем недавно набросился на солдат. — Такой хороший день. Правда, Олсон?

Олсон не ответил.

— Олсон тоже бесится, — сообщил Макфрис. — Эй, Хэнк!

— Оставил бы ты его в покое, — сказал Бейкер.

— Хэнк! — крикнул Макфрис. — Не желаешь пройтись?

— Иди к черту, — пробормотал Олсон.

— Чего? — Макфрис приложил ладонь к уху. — Чего ты говоришь?

— Иди к черту! — закричал Олсон.

Он шел, не поднимая головы, и Макфрису надоело изводить его.

Гэррети думал о том, что сказал Паркер. Ублюдок! Что этот ковбой с танцулек мог знать о Мэне? Гэррети прожил в Мэне всю жизнь, в городке под названием Портервилл, к западу от Фрипорта. Всего 970 жителей, но чем он хуже какого-то сраного Джольета, штат Иллинойс?

Отец Гэррети любил говорить, что Портервилл — единственный город в штате, где больше могил, чем живых жителей. Но это было чистое место. Много безработных, обшарпанные дома, единственное развлечение — лотерея по средам, где самым большим выигрышем была индейка и двадцать долларов, но место чистое. Чистое и тихое.

Он снова подумал о Джен. Он любил ее, и теперь она значила для него куда больше, чем раньше. Она превратилась в символ жизни, в заслон от смерти, грозящей ему с вездехода. Он любил ее больше и больше, потому что она символизировала для него время, когда он был собой и мог выбирать. Было уже без четверти шесть. В центре очередного безымянного городка собрались поглядеть на них кучка улыбающихся домохозяек. На одной из них были брюки в обтяжку и такой же тугий свитер. Золотые браслеты у нее на руке звякали, когда она махала. Гэррети машинально помахал в ответ, думая о Джен, о ее светлых волосах и туфлях без каблуков. Она была высокой и всегда носила туфли без каблуков. Он вспоминал, как они познакомились в школе.

— Гэррети!

— Что?

Это был Гаркнесс.

— У меня ногу свело. Не знаю, что делать, — его глаза умоляли Гэррети что-нибудь сделать.

Гэррети не знал, что сказать. Голос Джен, ее смех, ее карамельного цвета свитер и красные брюки, в которых она каталась с ним на санках, пока снег не набился ей в куртку, — это была жизнь. Голос Гаркнесса был смертью.

Теперь уже Гэррети мог ощутить разницу.

— Я не могу тебе помочь, — сказал Гэррети. — Думай сам.

Гаркнесс в панике уставился на него, потом с печальным лицом кивнул.

Он остановился и стал растирать ногу.

— Предупреждение! Предупреждение 49-му!

Гэррети повернулся и пошел задом, чтобы видеть его, Двое мальчишек в рубашках детской лиги, с велосипедами, которые они держали за руль, тоже смотрели на происходящее, раскрыв рты.

— Предупреждение! Второе предупреждение 49-му!

Гаркнесс встал и заковылял вперед — его нормальная нога пыталась справиться с двойным весом, но у нее это плохо получалось. У него слетел туфель, он попытался его поднять и получил третье предупреждение. Лицо Гаркнесса, и без того красное, приобрело оттенок пожарной машины.

Рот превратился в большое мокрое "О". Гэррети вдруг понял, что мысленно умоляет Гаркнесса: ну, давай, иди же, черт тебя подери!

Гаркнесс заковылял быстрее. Гэррети отвернулся и пошел, пытаясь вспомнить вкус поцелуев Джен и ощущение ее груди.

Справа выросла бензоколонка «Шелл», возле которой сидели на остатках ржавого пикапа двое мужчин в красно-черных охотничьих рубашках и пили пиво.

Где-то по соседству хрипло тявкала собака.

Карабины медленно опустились, нащупывая Гаркнесса.

Наступило длительное, жуткое молчание, потом они снова поднялись в соответствии с правилами. Снова опустились. Гэррети слышал тяжелое, одышливое дыхание Гаркнесса.

— Пошли вон! — крикнул Бейкер мальчишкам, которые так и шли со своими велосипедами вдоль дороги. — Не смотрите на это!

Дети поглядели на Бейкера, как на какую-то забавную зверушку. Один из них, стриженный под ежик, нажал звонок велосипеда и широко ухмыльнулся.

Коронка у него во рту странно блеснула на солнце.

Ружья снова поднялись и опустились, как в каком-нибудь ритуальном танце. "Не напишешь ты книгу, — подумал Гэррети. — На этот раз они пристрелят тебя. Только замедли шаг..."

Ружья опять поднялись.

Гаркнесс шел, глядя прямо перед собой, ритмично ступая обеими ногами — босой и обутой. Казалось, судорога прошла. Но далеко ли он уйдет без туфля?

Он облегченно выдохнул и услышал рядом такой же выдох Бейкера.

Глупо, конечно. Чем быстрее Гаркнесс прекратит идти, тем лучше для них так обстояли дела, если следовать логике. Но была более глубокая, более пугающая логика. Гаркнесс принадлежал к их подгруппе, к магическому кругу, в который входил и Гэррети. Если сломается звено этого круга, разорвется и весь круг. Мальчуганы из Детской лиги ехали за ними на велосипедах еще мили две, пока им это не надоело.

«Так лучше, — думал Гэррети. — Лучше, что они не увидели ничьей смерти, хотя им явно этого хотелось».

Впереди Гаркнесс образовал новый авангард из одного человека. Он шел быстро, почти бежал. Интересно, о чем он думал?

Глава 7

“Мне нравится участвовать в этом. Правда, многие считают меня шизофреником потому, что вне сцены я совсем не такой, как перед камерами...”

Николас Парсонс

Скрамм, номер 85, очаровал Гэррети не умом, проблесков которого у него не наблюдалось, и не внешностью — сложением он напоминал лося, имел маленькие глазки и круглое, ничего не выражающее лицо. Он очаровал Гэррети тем, что был женат.

— Правда? — спросил Гэррети в третий уже раз. — Ты правда женат? — Ага, — Скрамм с удовольствием щурился на утреннее солнце. — Я сбежал из школы, когда мне было четырнадцать. Наш учитель истории как-то прочитал нам статью о том, как переполнены школы, и я решил не занимать там место, а заняться лучше делом. И мне тогда еще хотелось жениться на Кэти.

— А сколько лет тебе было? — спросил Гэррети. Они проходили через городок, и тротуары были полны людей, но он едва это замечал. Эти люди находились в другом мире, и он видел их будто через толстое стекло.

— Пятнадцать, — Скрамм почесал подбородок, синий от пробивающейся щетины.

— И никто тебя не отговаривал?

— В попечительском совете мне наговорили кучу чепухи о пользе образования, но у них были дела поважнее, чем удерживать меня в школе. Да и должен же кто-то копать канавы, ведь так?

Он весело помахал группе девушек, орущих и прыгающих так, что юбки поднимались над их круглыми коленками.

— Правда, я не копал никаких канав. Я устроился на фабрику постельного белья в Фениксе за три доллара в час. Мы с Кэти были счастливы. Иногда мы смотрели ящик, и она вот так обнимала меня и говорила: «Какие мы счастливые, дорогой».

— А дети у тебя есть? — Гэррети все сильнее ощущал нелепость этого разговора.

— Кэти беременна прямо сейчас. Она хотела накопить достаточно денег, долларов семьсот, но мы не успели, — он серьезно посмотрел на Гэррети. — Мой сын пойдет в колледж. Говорят, у таких тупиц, как я, не бывает умных детей, но у Кэти хватит ума на двоих. Она закончила школу. Мой парень будет учиться столько, сколько захочет.

Гэррети промолчал. Он не знал, что тут можно сказать. Макфрис рядом говорил о

чем-то с Олсоном, Бейкер и Абрахам играли в слова. Он подумал — куда делся Гаркнесс? Его не было видно. Рядом был Скрамм. Эх, Скрамм, ты здорово влип. Твоя жена беременна, но здесь это не дает тебе никаких особых прав. Семьсот долларов? Никакая страховая компания не выплатит их твоей жене... Твоей вдове.

— Скрамм, а что ты будешь делать, если выиграешь? — спросил он.

Скрамм слегка улыбнулся:

— Выиграю. Я всегда хотел участвовать в этом, с самого детства. Я всего две недели назад прошел восемьдесят миль, и ничего.

— Но вдруг... Скрамм только хмыкнул.

— А сколько лет Кэти?

— Она на год старше меня. Восемнадцать. Она сейчас с родителями в Фениксе.

Для Гэррети это прозвучало так, будто родители Кэти знали что-то такое, чего не знал сам Скрамм.

— Ты, должно быть, ее любишь.

Скрамм улыбнулся, обнажая гнилые зубы:

— С тех пор, как я на ней женился, я ни на кого больше не глядел.

Она прелесть.

— И ты в это ввязался.

— Смешно, правда? — ухмыльнулся Скрамм.

— Не для Гаркнесса. Иди спроси, смешно ли ему сейчас.

— Ты просто не хочешь подумать, — вмешался подошедший Пирсон. — Ты ведь можешь проиграть.

— Это игра, парни. А я люблю играть.

— Ага, конечно, — мрачно согласился Пирсон. — И ты в хорошей форме, — сам он выглядел бледным и осунувшимся, отсутствующим взглядом окидывая толпу, собравшуюся у супермаркета. — Все, кто не в форме, уже мертвы. Но осталось еще семьдесят два.

— Да, но... — непривычная морщина умственного напряжения прорезала лоб Скрамма. Гэррети показалось, что он видит, как медленно ворочаются его мысли.

— Я не хочу вас обижать, — сказал наконец Скрамм. — Вы хорошие парни.

Но большинство здесь не знает, зачем они во всем этом участвуют. Вот этот Баркович. Он не хочет выиграть, он хочет только смотреть, как другие умирают. Когда кто-нибудь получает пропуск, он будто становится сильнее. Но этого мало.

— А я? — спросил Гэррети.

— Ты... Ну, ты, похоже, вообще не знаешь, зачем идешь. То же самое — сейчас ты идешь потому, что боишься, но этого тоже мало. Это проходит, — Скрамм опустил глаза и смотрел на дорогу. — И когда это пройдет, ты получишь пропуск, как и другие.

Гэррети вспомнил, как Макфрис говорил: «Когда я устану... Я просто сяду и останусь сидеть».

— А с тобой, конечно, такого не случится? — съязвил Гэррети, но простые слова Скрамма напугали его.

— Нет, — так же просто сказал Скрамм. — Не случится.

Их ноги поднимались и опускались, неся их вперед, за поворот, мимо запертого на ржавый засов сарая.

— Я, похоже, понял, что такое умирание, — тихо сказал Пирсон. — Не сама смерть, а умирание. Если я перестану идти, я умру, — он сглотнул, и в горле у него булькнуло. — Может, это и есть то, о чем ты говоришь, Скрамм.

А может, нет. Но я не хочу умирать.

Скрамм печально посмотрел на него.

— Ты думаешь, знание защитит тебя от смерти?

Пирсон вымученно улыбнулся, как бизнесмен на лайнере во время качки, пытающийся не выbleвать свой завтрак:

— Сейчас это единственное, что меня защищает.

Гэррети ощутил безумное чувство благодарности. Его средства защиты еще не были сведены к этому.

Впереди, словно для иллюстрации того, о чем они только что говорили, парень в черном свитере вдруг упал на дорогу и начал кататься в конвульсиях. Он издавал странные горловые звуки — ааа-ааа-ааа, как обезумевшая от страха овца. Когда Гэррети проходил мимо, одна из бьющихся рук парня задела его туфель, и он в ужасе отскочил. Глаза парня закатились, но подбородок стекала струйка слюны. Ему вынесли два предупреждения, но он ничего не слышал, и через две минуты его пристрелили, как собаку.

После этого они перевалили низкий холм и начала спускаться в зеленую долину. Прохладный ветерок приятно оведал разгоряченное лицо Гэррети.

— Здорово, — сказал Скрамм.

С высоты они видели дорогу миль на двадцать вперед. Она вилась среди лесов, как черно-серая карандашная черта, проведенная по измятой зеленой бумаге. Далеко впереди дорога снова шла на подъем и терялась в розовой утренней дымке.

— Должно быть, это то, что называют Хэйнсвиллским лесом, — сказал Гэррети без особой уверенности. — Зимой тут кошмар. Кладбище грузовиков. — Я такого никогда не видел, — с почтением сказал Скрамм. — Во всей Аризоне нет столько зелени.

— Радуйся, если можешь, — буркнул Бейкер, присоединяясь к группе. — Скоро будет не до того. Уже жарко, а ведь еще только полседьмого.

— Хотел бы я построить здесь дом, — сказал Скрамм, фыркая, как бык в жару. — Построить самому, вот этими руками, и глядеть на это каждое утро.

Вместе с Кэти. Может, так и будет, когда все это кончится.

Никто ничего не сказал.

К 6.45 ветерок прекратился, и стало припекать уже по-настоящему.

Гэррети снял куртку и стянул ее узлом на талии. Дорога больше не была пустынной — там и тут стояли машины, пассажиры которых стояли рядом, приветствуя участников Длинного пути.

У одной из машин Гэррети увидел двух девушек-ровесниц в летних шортах и легких блузах. Их лица горели волнением — древним, греховным и чуть не до безумия эротическим. Гэррети почувствовал, как животная похоть волной поднимается в нем, заставляя все его тело дрожать в лихорадке.

Вдруг Гриббл, уже проявивший себя радикалом, свернул с дороги и рванулся к девушкам. Одна из них, та, что была ближе, повернулась к нему и обняла руками за шею. Гриббл — растерянная, перепуганная фигура в пропотевшей белой рубашке, — прижал ее к себе; его руки блуждали по ее груди, животу, бедрам, не встречали никакого протеста с ее стороны.

Он получил второе предупреждение, потом третье. Когда прошло пятнадцать секунд ожидания, он оторвался от девушки, пустился бежать, упал и, кое-как поднявшись, полувышел-полувыскочил на дорогу.

— Не смог, — по лицу его катились слезы. — Видели, она хотела меня, а я не смог... Я... — его слова потонули в нечленораздельных всхлипываниях.

Он шел, держась обеими руками за живот.

— Ну, им-то хватило, — зло, как всегда, вставил Баркович. — Будет, о чем поговорить завтра.

— Заткнись! — крикнул Гриббл. — Как больно, черт! Это судорога.

— Стоячка, а не судорога, — заметил Пирсон. Гриббл молча посмотрел на него из-под упавших на лоб растрепанных черных волос.

— Больно, — снова прошептал он и медленно опустился на колени, так же прижимая руки к животу. Гэррети мог разглядеть крупные капли пота, стекающие по его шее.

Мгновение спустя он был мертв. Гэррети обернулся в сторону девушек, но они уже спрятались в своей машине. Он пытался изгнать их из своей памяти, но не мог. Каково это — прижимать к себе их мягкую, податливую плоть? Ее бедра извивались, когда Гриббл целовал ее... О Боже, они извивались... Это был спазм, оргазм, что угодно... О Господи, только бы сжать ее вот так и чувствовать это тепло... Он вдруг кончил. Теплая жидкость потекла по его промежности.

Черт, сейчас появится пятно на штанах, и кто-нибудь обязательно заметит. Заметит и скажет, что выгонит его на улицу голым и заставит так ходить... Ходить... Ходить...

“О Джен, я люблю тебя, правда, люблю, но это что-то не то, что-то совсем другое...”

Он распустил куртку вокруг талии и продолжал идти так же, как и раньше, и воспоминание тускло, как фотография, оставленная на солнце. Теперь они шли под уклон, и шаг поневоле ускорился. Пот тек ручьями.

Гэррети — он сам себе не поверил, — вдруг захотелось, чтобы опять наступила

ночь. Он оглянулся на Олсона.

Олсон опять глядел на свои ноги. На его шее явно выступили жилы, губы скривились в застывшей усмешке.

— Он уже почти готов, — сказал рядом Макфрис. — Когда человек начинает надеяться, что его застрелят и тогда он сможет отдохнуть, он далеко не уйдет.

С этими словами он ускорил шаг и оставил Гэррети позади.

Стеббинс. Он давно не видел Стеббинса. Гэррети обернулся — Стеббинс сильно отстал, но его можно было безошибочно узнать по красным штанам. Он все еще шел в хвосте, как тощий гриф, выжидающий, когда кто-нибудь упадет... Гэррети почувствовал прилив гнева. Ему вдруг захотелось вернуться и схватить Стеббинса за горло — без всякой причины, просто выместить накопившееся раздражение.

Когда они достигли подножия холма, ноги Гэррети онемели.

Это сопровождалось пробегающими по ним время от времени вспышками боли и грозило судорогой. А почему бы и нет? Они ведь идут уже двадцать два часа.

Двадцать два часа непрерывной ходьбы — мыслимо ли это?

— Как ты? — спросил он Скрамма, будто не видел его уже очень давно. — Отлично, — Скрамм шумно высморкался и вытер руку о штаны. — Просто отлично.

— Похоже, у тебя насморк.

— Это у меня каждую весну. Сенная лихорадка. Ничего страшного.

Гэррети открыл рот, чтобы возразить, когда воздух наполнил знакомый звук «пах-пах!» Впереди кого-то застрелили, и это оказался Гаркнесс. Гэррети испытал странное возбуждение. Магический круг опять разорвался. Гаркнесс никогда не напишет книгу о Длинном пути. Его отволокут с дороги в сторону, как мешок с мукой, или запихнут в грузовик в брезентовом мешке. Для него ДЛИННЫЙ ПУТЬ — закончился.

— Гаркнесс, — сказал Макфрис. — Старина Гаркнесс получил пропуск.

— Прочти эпитафию в стихах, — предложил Баркович.

— А ты заткнись, убийца, — бросил Макфрис, не глядя на него. — Старина Гаркнесс. Черт возьми!

— Я не убийца! — завизжал Баркович. — Я еще спляшу на твоей могиле!

Я... Хор ругательств заставил его замолчать, и он, втянув голову в плечи, отошел.

— Знаете, кем работал мой дядя? — спросил Бейкер, когда они проходили сквозь тенистый туннель развесистых деревьев, и Гэррети, глядя на них, пытался не думать о Гаркнесе и Гриббле.

— Кем? — спросил Абрахам.

— Могильщиком.

— Здорово, — без интереса отозвался Абрахам.

— Когда я был маленьким, я всегда удивлялся — кто его похоронит, когда он умрет? — Бейкер глядел на Гэррети, отсутствующе улыбаясь. — Как эта загадка, помните? Кто стрижет городского парикмахера?

— Ну и кто его похоронил? — спросил Макфрис. — Если, конечно, он умер.

— Умер, — сказал Бейкер. — Шесть лет назад, от рака легких.

— Он что, курил? — спросил Абрахам и помахал семье из четырех человек и персидского кота. Кот был на поводке, и все происходящее явно не вызывало у него энтузиазма.

— Нет, — сказал Бейкер. — Всю жизнь страшно боялся рака.

— Так кто его похоронил? Скажи, чтобы мы могли перейти к чему-нибудь более интересному, скажем, к контролю над рождаемостью.

— А что, это интересно, — начал Гэррети. — У меня подружка католичка и...

— Так кто похоронил твоего деда, Бейкер?

— Не деда, а дядю. Дед у меня был адвокатом в Шревпорте. Он...

— Хрен с ним, с дедом, — перебил Макфрис. — Даже три хрена.

Кто похоронил твоего дядю? Скажи, и покончим с этим.

— Никто. Его кремировали.

— Во те раз! — воскликнул Абрахам и засмеялся.

— Тетя собрала его пепел в вазу и держала у себя дома, в Батон-Руж.

Она пыталась продолжить его бизнес, но у нее ничего не вышло.

— Это твой дядя поднастрал, — заметил Макфрис.

— Почему это?

— Плохая реклама для такого бизнеса.

— Что, смерть?

— Да нет, кремация.

Скрамм опять шумно высморкался и сказал:

— Ничего, он тебя там встретит.

— Надеюсь, — сказал Бейкер, не обидевшись.

— Твой дядя... — начал Абрахам, но тут Олсон начал умолять солдат, чтобы ему дали отдохнуть.

Он не останавливался и не замедлял шаг, но продолжал свои мольбы тягучим, полностью безжизненным голосом, вызывающим у Гэррети раздражение.

Разговор смолк. Все уставились на Олсона. Гэррети изо всех сил желал, чтобы его поскорее пристрелили. Чтобы он больше не мучился и не унижался. Солдаты смотрели на Олсона с теми же каменными, абсолютно безучастными лицами.

Впрочем, ему вынесли еще одно предупреждение.

Было без четверти восемь, и прошел слух, что им осталось пройти только шесть миль до ста. Гэррети помнил, что до ста миль доходили, самое большое, шестьдесят три участника. Они могли побить рекорд — их все еще оставалось шестьдесят девять.

Слева от Гэррети продолжали раздаваться мольбы Олсона.

Некоторые кричали ему, чтобы он заткнулся, но без всякого результата.

Они перешли деревянный мост, вокруг которого с щебетанием проносились ласточки, свившие гнезда под опорами. От речки пахнуло прохладой, и жара на другом берегу показалась еще более невыносимой. «Подожди, — сказал Гэррети себе. — Если ты думаешь, что сейчас жарко, подожди до полудня. Тогда сам увидишь».

Он крикнул, чтобы ему дали фляжку. Солдат молча принес ее и потрусил назад к вездеходу. Ему уже хотелось и есть, но с этим придется ждать.

Бейкер внезапно круто свернул к обочине, осмотрелся в поисках зрителей и, не найдя никого, быстро спустил штаны. Гэррети прошел мимо и услышал сзади, как Бейкеру выносятся предупреждение. Потом еще одно. Секунд через двадцать он нагнал товарищей, запыхавшийся, но довольный.

— Никто в жизни так быстро не срал! — сообщил он.

— Можешь улучшить результат, — сказал Макфрис.

— Говорят, некоторые срут раз в неделю. А я обязательно должен раз в день посрать, иначе приходится принимать слабительное.

— Если будешь это делать слишком часто, они тебе выпишут такое слабительное, что второго не понадобится, — сказал Пирсон.

Макфрис откинул голову назад и засмеялся. Абрахам повернулся и вступил в разговор:

— Мой дед никогда не принимал слабительного, а он прожил...

— А доказательства где? — перебил Пирсон.

— Ты что, не веришь моему деду?..

— Поглядите, — тихо сказал Гэррети. Не склоняясь ни на одну из сторон в споре о слабительном, он рассеянно наблюдал за Перси-как-там-егофамилия.

Он с трудом верил своим глазам. Перси подходил все ближе и ближе к краю дороги и шагал теперь по обочине. То и дело он бросал испуганные взгляды то на солдат в вездеходе, то вправо — в сторону леса, до которого было не больше футов. — Похоже, он хочет смыться, — сказал Гэррети.

— Они его пристрелят, — голос Бейкера вдруг упал до шепота.

— Вроде никто на него не смотрит, — неуверенно заметил Пирсон.

— Так не привлекайте к нему внимание! — раздраженно бросил Макфрис. — Что за олухи!

В следующие десять минут никто из них не сказал ничего вразумительного. Они имитировали разговор и напряженно следили за тем, как Перси все ближе и ближе подбирается к спасительному лесу.

— Он просто трусит, — буркнул наконец Пирсон, и тут, будто услышав его слова, Перси спокойно, медленно направился к лесу, два шага — и он будет там. Его ноги в джинсах двигались неторопливо, и весь он, со своими светлыми волосами и мальчишеским лицом, походил на скаута, пришедшего в лес наблюдать птиц.

Предупреждений не было. Он лишился права на них, как только его нога сошла в траву, окаймлявшую дорогу. Солдаты прекрасно знали это. Старина Перси-как-там-его-фамилия не мог их надуть. Последовала быстрая команда, и Гэррети перевел взгляд с Перси на солдата, стоящего на броне вездехода.

Солдат казался высеченным из камня; приклад карабина был прижат к его плечу.

Потом он снова поглядел на Перси. Тот стоял у опушки леса, так же похожий на скульптуру, как стреляющий в него солдат. «Они могли бы послужить моделью для Микеланджело», — подумал Гэррети. Одна рука Перси была прижата к груди, будто он читал стихи. В глазах застыл немой экстаз. Между его пальцев заструилась кровь, блеснув на солнце. Старик Перси.

“Эй, Перси!” — кричала его мать.

Перси с его дурацким именем преобразился в прекрасного, залитого солнцем Адониса, пораженного стрелой безжалостного охотника. Одна, вторая, третья капли крови упали на черные, запыленные туфли Перси, и все это случилось за какие-нибудь три секунды. Гэррети не успел сделать даже двух полных шагов, а Перси был уже мертв. Он смог шагнуть вперед и издать непонятный звук, похожий на крихтение.

Потом упал, перевернулся, и его неподвижное лицо, начинающее обретать застывший покой смерти, уставилось в небо.

— Пусть земля эта покроется солью, — быстро заговорил вдруг Макфрис. — Да не прорастет на ней ни злак, ни побег. Прокляты пусть будут дети этой земли и потомство от чресел их. И прокляты будут их бедра и голени. Святая Мария, разрази эту землю громом по милости своей.

Он начал хохотать.

— Заткнись, — хрипло сказал Абрахам. — Не говори так.

— Это Божьи слова, — Макфрис истерически хихикнул. — Мы идем ради Господа, и мухи летают тоже ради Господа, это уж точно, так благословен будь плод чрева твоего Перси. Аминь! Отче наш, иже еси на помойке, да позорится имя твое.

— Я тебя сейчас ударю! — лицо Абрахама было очень бледным. — Я сделаю это, Пит.

— Вот истинно верующий, — Макфрис снова хихикнул. — О мои недостойные потроха! О моя святая жопа!

— Я тебя ударю, если ты не заткнешься! — почти простонал Абрахам.

— Не надо, — сказал испуганно Гэррети. — Только не деритесь.

— Да-да, будьте хорошими мальчиками, — подхватил Бейкер.

— А тебя кто спрашивал, краснорожий?

— Он был слишком молод для этой затеи, — печально сказал Бейкер. — На вид ему и четырнадцати не исполнилось.

— Мамаша его избаловала, — дрожащим голосом добавил Абрахам, оглядывая Гэррети и Пирсона. — Ведь правда же?

— Ну, больше ей это не удастся, — сказал Макфрис. Олсон принялся умолять

солдат. Тот из них, что застрелил Перси, ел теперь сэндвич. Они проходили мимо бензоколонки, возле которой механик в грязном комбинезоне поливал из шланга газон.

— Хотя бы на нас брызнул, — сказал мечтательно Скрамм. — Чертовски жарко.

— Всем жарко, — буркнул Гэррети.

— Я всегда думал, что в Мэне холодно, — устало проговорил Пирсон.

— Теперь ты знаешь, что ошибался, — Гэррети пожал плечами.

— Ты молодец, Гэррети, — сказал неожиданно Пирсон. — Я рад, что тебя встретил.

Макфрис иронически улыбнулся.

Они прошли мимо двух-трех грузовиков, загнанных на обочину, чтобы не мешать Длинному пути. Один из водителей стоял и смотрел на них, прислонясь к своей машине — громадному белому рефрижератору. Чувствуя исходящий от него приятный холод. Когда участники проходили мимо, он погрозил им кулаком.

— Зачем он это? — недоуменно, с обидой в голосе, спросил Скрамм.

Макфрис усмехнулся:

— Это первый честный гражданин, который нам встретился с самого начала этой заварушки. Знаешь, Скрамм, он мне чертовски нравится.

— Мы согнали его с дороги, — объяснил Гэррети. — Теперь он из-за нас опоздает и потеряет работу. Или у него отберут машину, если он ее владелец.

— Чушь это все! — рявкнул Колли Паркер. — Все знали, что эта дорога будет занята. Просто он сволочь, такая же, как и все.

— Ты, кажется, знаешь что-то об этом, — сказал Абрахам.

— Немного, — ответил Гэррети. — Мой отец водил рефрижератор, пока его не... Пока он не исчез. Это трудная работа. Может, этот тип не успел свернуть, или еще что.

— Он не должен был показывать нам кулак, — настаивал Скрамм. — Его вонючие помидоры или что там у него — это ведь не вопрос жизни и смерти. — Твой отец ушел от вас? — спросил Макфрис.

— Его забрал Эскадрон, — коротко ответил Гэррети. Он молча умолял Паркера или кого-нибудь открыть рот, но никто не сказал ни слова. Стеббинс все еще плелся позади. Когда он прошел, водитель полез назад в кабину. Впереди прогрехотали карабины. Кто-то упал, и двое подскочивших солдат оттащили его к обочине. Третий подошел к ним с мешком, и они стали запихивать туда тело.

— У меня дядю тоже забрали, — несмело сказал Уаймэн. Гэррети заметил, что подошва его левой туфли оторвалась и шлепает по асфальту при каждом шаге.

— Эскадрон забирает только кретинов, — внятно проговорил Колли Паркер.

Гэррети хотел рассердиться, но только молча уставился на дорогу.

Все верно, его отец был кретин. Никчемный пьяница, не способный накопить больше двух центов и, что еще хуже, не способный держать при себе свое мнение по поводу политики.

— Заткни свою поганую пасть, — спокойно сказал Макфрис.

— Можешь подойти и заставить ме...

— Нет, этого я не буду делать. Просто заткнись, сукин ты сын.

Колли Паркер подошел ближе к Гэррети и Макфрису и какое-то время мерил их глазами. Солдаты на вездеходе насторожились. Наконец он хлопнул Гэррети по плечу:

— Извини. Иногда я говорю то, чего сам не хочу. Ладно? — Гэррети молча кивнул. Паркер перевел взгляд на Макфриса.

— А ты выкуси, Джек, — с этими словами он ускорил шаг и оставил их позади.

— Вот ублюдок, — мрачно сказал Макфрис.

— Не хуже Барковича, — заметил Абрахам. — Может, даже получше.

— А что такое «Забрал Эскадрон»? — задумчиво спросил Пирсон. — Это ведь все равно, что смерть?

— Откуда нам знать? — вздохнул Гэррети. Его отец был рыжеволосым гигантом с грохочущим голосом и громовым смехом, который отдавался в маленьких ушах Гэррети, как землетрясение.

Когда он потерял свой рефрижератор, он стал водить государственные машины в Брансуик и обратно. Жизнь Джима Гэррети была бы распрекрасной, если бы он мог держать при себе свои взгляды. Но, когда работаешь на правительство, оно следит за тобой вдвое зорче и вдвое охотнее сообщит Эскадрону, если ты чуть заступишь за край. Поэтому в один прекрасный день явились двое солдат и увели Джима Гэррети, и его жена заперла за ними дверь, белая, как молоко, а когда Гэррети спросил, куда это папа ушел с солдатами, ударила его так, что из носа пошла кровь, и велела замолчать, замолчать. Ему было тогда одиннадцать, и с тех пор он никогда не видел своего отца. Тот исчез, и место за ним вымыли и продезинфицировали.

— У меня брат имел неприятности с законом, — сказал Бейкер. — Не с правительством, просто с законом. Он угнал машину и ехал на ней до самого Геттисберга, штат Миссисипи. Ему дали два года. Сейчас он мертв. — Мертв? — голос был слабым и надтреснутым, как у умирающего. В разговор вмешался Олсон. Его изможденное лицо, казалось, болталось отдельно от тела.

— Умер от сердечного приступа. Он был на три года старше меня.

Мать всегда говорила, что он — ее крест, но я доставил ей больше хлопот. Я ведь тоже чуть не влип в дело с Эскадронам. Мы с друзьями частенько хулиганили по ночам и как-то сожгли крест перед домом одного черного. А такими делами занимается Эскадрон. Больше я ничего такого не делал, но тогда со страху чуть в штаны не наложил. Глупо, правда?

Гэррети поглядел на Бейкера. На лице у того отпечатались стыд, но одновременно и какая-то странная гордость.

В этот момент снова раздались выстрелы.

— Еще один, — сказал Скрамм простуженным голосом и вытер нос рукой. — Тридцать четыре, — Пирсон достал из кармана монетку и переложил в другой карман. — Я заготовил девяносто девять центов. Каждый раз, когда кому-то

выписывают пропуск, я перекладываю один из них в другой карман. А когда...

— Подонок! — прошипел Олсон, ненавидяще глядя на Пирсона. — Ждешь нашей смерти? Колдуешь?

Пирсон отвернулся и промямлил:

— Это я так, для удачи...

— Это мерзко, — прохрипел Олсон. — Это...

— Слушай, хватит, — попросил Абрахам. — Не дави на нервы.

Гэррети посмотрел на часы. Двадцать минут девятого. Через сорок минут им дадут еду. Он подумал, как было бы здорово зайти в одну из маленьких придорожных закусочных — сколько таких они прошли! — усесться, задрать ноги на перила (о Боже, какое блаженство!) и заказать отбивную с жареным луком и картошкой, а на десерт — большое блюдо ванильного мороженого с клубникой.

Или тарелку спагетти с котлетами, а к ним — итальянские булочки и груши в масле. И молоко. Целый кувшин молока. И к черту все эти тюбики и фляжки.

Молоко, твердая пища и место, где можно сесть и нормально поесть. Разве это не здорово?

Впереди, под раскидистым вязом, как раз завтракало семейство из пяти человек — отец, мать, сын с дочкой и седая бабушка. Они прихлебывали горячий какао и жизнерадостно махали идущим.

— Твари, — прошептал Гэррети.

— Что? — спросил его Макфрис.

— Я говорю, хорошо бы присесть и съесть чего-нибудь. Погляди на этих свиней.

— Ты бы с удовольствием к ним присоединился, — Макфрис помахал и заулыбался, большую часть улыбки адресуя бабушке, которая улыбалась в ответ, поглощая нечто, напоминающее сэндвич с яйцом.

— Конечно. Сидел бы и жрал, как самая голодная хрюшка.

— Отврати от себя греховные помыслы, сын мой, — пропел Макфрис, имитируя преподобного У.С.Филдса.

— Иди к черту. Ты просто не хочешь этого признать. Они ведь просто животные. Они хотят увидеть чьи-нибудь мозги на дороге, потому и притащились сюда.

— Не в этом дело, — спокойно возразил Макфрис. — Ты же говорил, что сам в детстве ходил смотреть на ДЛИННЫЙ ПУТЬ —?

— Да, но я тогда не понимал...

— Зато теперь понял, — Макфрис коротко, неприятно рассмеялся. — Конечно, животные. Думаешь, ты первый до этого додумался? Ты иногда мне кажешься ужасно наивным. Французские лорды обожали трахаться после того, как смотрели на казни. Обычное увеселение, Гэррети. Ничего нового, он опять рассмеялся. Гэррети зачарованно смотрел на него.

— Давай, Макфрис, — послышался чей-то голос. — Ты на втором дыхании.

Посмотрим, придет ли третье.

Гэррети не нужно было оборачиваться, чтобы узнать голос Стеббинса.

Стеббинс, всезнающий Будда. Ноги автоматически несли его вперед, но он их почти не чувствовал, будто они были налиты гноем.

— Смерть разжигает аппетит, — сказал Макфрис. — Помните Гриббла и тех двух девок? Им было интересно трахнуться с мертвецом. Что-то Совсем Новое.

Не знаю, почуял ли это Гриббл, но они-то уж точно почуяли. И то же со всеми, неважно, жрут ли, пьют или валяются на траве. Они острее чувствуют все это оттого, что смотрят в это время на мертвецов. Но это тоже не главное, Гэррети. Главное — что это не они. Не их бросают львам. Не они ковыляют по дороге, надеясь, что с них снимут предупреждение. Ты болван, Гэррети. Ты и я, и Стеббинс, и Пирсон, и Баркович — все мы. И Скрамм болван, хотя он думает, будто что-то понимает. Они животные, правильно. Но почему ты думаешь, что мы — люди?

Он замолчал, переводя дыхание.

— И вот мы все идем, и каждый из нас в любую минуту может накрыться.

Оборвать нить своей жизни, скажем так.

— Тогда зачем ты идешь? — спросил Гэррети. — Зачем, если ты такой умный?

— Затем же, зачем и мы все, — ответил за Макфриса Стеббинс. Он мягко, почти любяще, улыбался. Губы его запеклись, но в остальном лицо не изменилось с начала пути. — Мы все хотим умереть, потому и идем. Зачем же еще, Гэррети? Зачем?

Глава 8

*“Раз-два-три, посчитай,
На углу стоит трамвай.
В нем табак жует мартышка,
Пьет винишко попугай.
Трамвай покатился,
Мартышка подавилась
И отправилась в трамвае
С попугаем прямо в рай”.
Детский стишок*

Рэй Гэррети плотно затянул пояс с концентратами вокруг талии и приказал себе не притрагиваться к еде хотя бы полчаса. Это было трудно — желудок требовал своего. Участники пути вокруг него, жадно чавкая, отмечали первые двадцать четыре часа, проведенные на дороге.

Скрамм улыбнулся Гэррети с набитым ртом и промычал что-то неразборчивое.

Бейкер держал пакетик с оливками — настоящие оливки, надо же! — и с методичностью автомата отправлял их в рот одну за другой. Пирсон поглощал крекеры с тунцовой пастой, а Макфрис, закатив глаза от удовольствия, медленно выдавливал из тубика куриный паштет.

С половины девятого до девяти выбыло еще двое; одним из них был Уэйн, которого совсем недавно так радостно приветствовал рабочий с бензоколонки.

Но они прошли девяносто девять миль и потеряли только тридцать шесть человек. «Разве это не отлично? — думал Гэррети и глотал слюну, наблюдая, как Макфрис доедает паштет. — Отлично. Хоть бы и все остальные откинули копыта прямо сейчас».

Макфрис отбросил пустой тубик, и к нему тут же устремились подросток в линялых джинсах и домохозяйка средних лет. Подросток оказался проворнее. — Спасибо! — прокричал он Макфрису и побежал обратно, к своим товарищам. Домохозяйка провожала его завистливым взглядом.

— Ел что-нибудь? — спросил Макфрис.

— Я жду.

— Чего?

— Половины десятого.

Макфрис задумчиво посмотрел на него:

— Старый добрый самоконтроль?

Гэррети пожал плечами, готовый к отпору, но Макфрис только смотрел на него и молчал.

— Знаешь что? — спросил наконец Макфрис.

— Что?

— Если бы у меня был доллар... Хотя бы доллар, понимаешь... Я бы поставил на тебя, Гэррети. Я думаю, у тебя есть шанс.

Гэррети засмеялся:

— Ты что, шутишь?

— Может быть. Может, и шучу, — Макфрис вытянул перед собой руки.

Они заметно дрожали. — Надеюсь, Баркович загнется раньше.

— Пит?

— Что?

— Если бы ты сейчас вернулся назад, зная все это... Пошел бы ты снова?

Макфрис опустил руки и сказал:

— Даже если бы Майор приставил мне пистолет к виску, не пошел бы.

Это самоубийство, только медленное. Очень медленное.

— Точно, — Олсон улыбнулся жуткой улыбкой узника концлагеря, от которой у Гэррети внутри похолодело.

Через десять минут они прошли под громадным красно-белым транспарантом: «100 миль! Поздравляем участников Длинного пути этого года! Коммерческий совет Джефферсона».

Вскоре сосны, среди которых они шли, расступились, и они оказались в окружении первой настоящей толпы. Крики и рукоплескания накатывали и отступали, как морские волны. Мигали разноцветные лампочки. Полицейские тащили с дороги мальчишку с грязным зареванным лицом, который размахивал блокнотом для автографов. — Эй! — крикнул Бейкер. — Эй, вы только поглядите на них!

Колли Паркер махал и улыбался, и, когда Гэррети подошел к нему поближе, он услышал, как Паркер кричит:

— Привет, уроды! — еще улыбка. — О, мамаша Макги, старая кошелка!

Моя жопа передает тебе привет — вы ведь с ней, как близнецы. Привет, привет! Гэррети закрыл рот ладонью и истерически захохотал. Мужчина в первом ряду махал плакатом с фамилией «Скрамм». Рядом с ним толстуха в дурацком желтом костюме пыхла, пытаясь отодвинуться от трех парней, пьющих пиво.

Гэррети, заметив это, захохотала еще сильнее.

“Только не впадать в истерику. О Господи, только не это. Вспомни про Гриббла... Не надо... Не надо...”

Но это случилось. Он смеялся, пока в желудке не поднялась тупая, режущая боль. Он согнулся, слыша, как сзади кто-то кричит. Это был Макфрис.

— Рэй! Рэй! Что с тобой?

— Они смешные, — он едва не плакал от смеха. — Пит, Пит, погляди... Они такие смешные, такие... Маленькая девочка в грязном платье сидела на земле и строила гримасы.

Увидев ее, Гэррети совсем скорчился от смеха и получил предупреждение.

Странно — сквозь весь этот шум предупреждения слышались совершенно отчетливо.

“Я могу умереть, — подумал он. — Умереть от смеха”. Колли все еще махал и улыбался, осыпая зрителей ругательствами, и это было смешнее всего.

Гэррети упал на одно колено и получил второе предупреждение. Смех продолжал сотрясать его тело короткими приступами, похожими на лай.

— Его тошнит! — заорал кто-то в экстазе. — Элис, смотри скорее, его тошнит!

— Гэррети! Гэррети, черт тебя побери! — Макфрис подхватил Гэррети под локоть и рывком поднял его на ноги.

— О Боже, — прохрипел Гэррети. — О Боже, они меня убивают. Я... Я не могу, — он снова захлебнулся смехом. Его ноги подкосились, но Макфрис удержал его. Они оба получили предупреждение. “Мое последнее, — со странным спокойствием подумал Гэррети. — Прости, Джен. Я...”

— Иди, кретин! Я не могу тебя тащить! — прошипел Макфрис.

— Не могу. У меня... Макфрис дважды хлестко ударил его по щекам. Потом

быстро, не оглядываясь, отошел.

Смех прошел, но внутренности у него словно превратились в желе, а легкие никак не могли набрать воздуха. Он зашагал вперед, пытаясь восстановить дыхание. Перед глазами плясали черные пятна, ноги заплетались, и пару раз он едва не упал.

“Если я упаду, я умру. Тогда мне уже не подняться”.

За ним наблюдали. Крики утихли до приглушенного, почти сексуального шепота. Они ждали, когда он упадет.

Он шел, концентрируясь теперь на ногах. Когда-то он читал рассказ Рэя Бредбери о том, как на месте катастрофы собираются толпы людей и с жадным любопытством выспрашивают, сколько пострадавших и будут ли они жить или умрут. «Я буду жить, — говорил им Гэррети. — Я буду жить. Я не умру».

Он заставлял ноги подниматься и опускаться, и шаги гулким эхом отдавались у него в голове. Он забыл обо всем остальном, даже о Джен. Он забыл о боли в ногах и о застывшем напряжении мышц под коленями. Мысль крутилась в голове, стуча, как барабан, — я буду жить. Я буду жить, — пока сами эти слова не утратили смысл.

Его привел в чувство звук выстрелов. Толпа замерла, и кто-то впереди закричал. «Ну вот, — подумал он, — дожил до выстрела и услышал собственный крик».

Но кричал не он, и стреляли не в него. Это был номер 64, Фрэнк Морган, невысокий улыбчивый паренек. Теперь его тащили с дороги, и дужка разбитых очков все еще цеплялась за его ухо.

— Я не умер, — медленно проговорил он. Шок окутал его теплой волной, угрожая превратить его ноги в вату.

— Да, но мог бы, — сказал Макфрис.

— Ты спас его, — тоном упрека произнес Олсон. — Зачем ты это сделал? — глаза его были яркими и пустыми, как дверные ручки. — Я бы убил тебя, если б мог. Ненавижу тебя. Ты подохнешь, Макфрис. Бог убьет тебя за то, что ты сделал, — его голос тоже был пустым, и Гэррети казалось, что изо рта у него пахнет гнилью. Он зажал рот рукой, чтобы не застонать.

— Иди к черту, — спокойно сказал Макфрис. — Я просто уплатил долг. Мы ведь в расчете, так? — он пошел прочь и скоро был уже всего-навсего одним из ярких пятен вдали.

Дыхание Гэррети восстанавливалось медленно, и он еще долго ждал, что бок ему прорежет внезапная судорога... Но наконец все прошло. Макфрис спас ему жизнь. «Мы в расчете, так?» Так. Они были в расчете.

— Бог покарает его, — повторял Хэнк Олсон с настойчивостью идиота. — Бог убьет его, вот увидите.

— Заткнись, или я тебя сам покараю, — сказал Абрахам. День становился все жарче, и разговоры постепенно умолкли. Толпа немного поредела, когда они отошли от радиуса действия телекамер и микрофонов, но люди продолжали стеной стоять вдоль дороги, сливаясь в единое Лицо Толпы. Это лицо улыбалось, кричало, гримасничало, но никогда не менялось. И никогда не отворачивалось — даже когда Уаймэн опорожнял кишечник. Оно ждало. Гэррети хотел поблагодарить Макфриса, но

сомневался, что тому нужна его благодарность. Макфрис шел впереди, уставившись в спину Барковича. Половина десятого. Гэррети расстегнул рубашку, чтобы было не так жарко. Он думал о том, знал ли урод д'Алессио, что ему выпишут пропуск, перед тем, как все случилось. И еще о том, меняет ли знание ощущение человека, когда это с ним происходит.

Дорога плавно пошла в гору, и толпа исчезла, как только они пересекли железнодорожные пути, четырьмя рядами уходящие на восток и на запад. Когда они поднялись на холм, Гэррети увидел по сторонам город, через который они прошли, а впереди — еще одну полосу леса.

Холодный ветерок приятно охладил его вспотевшее тело. Скрамм трижды громко чихнул.

— Я простыл, — мрачно объявил он.

— Это собьет с тебя гонор, — сказал Пирсон.

— Просто придется поднапрячься.

— Ты какой-то железный, — с завистью заметил Пирсон. — Если бы я сейчас простудился, я бы просто лег и умер.

— Ложись и помирай! — крикнул спереди Баркович. — Освободи место другим!

— А ты заткнись, убийца, — сказал Макфрис.

— Чего ты за мной тащишься? — огрызнулся Баркович. — Тебе что, места мало?

— Это свободная дорога. Я иду, где хочу.

Баркович от злости плюнул и поспешил вперед. Гэррети открыл пакет с едой и начал есть крекеры с сыром. Желудок яростно заурчал, и он едва удержался, чтобы не съесть сразу все. Он выдавил в рот еще тюбик мятной пасты, запил водой и заставил себя остановиться.

Они прошли лесопилку, где рабочие стояли на грудах досок, выделяясь на фоне неба, как индейцы в кино, и махали им. Потом опять начался лес, и на них навалилось молчание. Конечно, это было не настоящее молчание: кто-то говорил, кто-то за спиной Гэррети тихо стонал, кто-то пускал ветры. Зрители все еще стояли вдоль дороги, но толпа исчезла. В кронах распевали птицы, и ветерок, гуляя среди деревьев, завывал, как привидение. На ветке застыла белка, держа в передних лапках орех; ее глазки-бусинки настороженно ощупывали идущих. Где-то прогудел самолет.

Гэррети почувствовал, что все, весь мир, забыли о его существовании.

Макфрис так и шел за Барковичем. Пирсон с Бейкером говорили о шахматах.

Абрахам шумно ел, вытирая руки о рубашку. Скрамм оторвал клочок своей рубашки и сморкался в него. Колли Даркер обсуждал с Уаймэном достоинства женщин.

А Олсон... Но он боялся даже глядеть на Олсона, который, казалось, только и хотел захватить кого-нибудь в скорую смерть.

Гэррети очень осторожно сбавил скорость, помня про свои три предупреждения, и скоро оказался рядом со Стеббинсом. Красные штаны того запылились, под мышками выступили большие круги пота. Кем бы Стеббинс ни был, он не был и суперменом. Какой-то момент он глядел на Гэррети, потом опять уткнулся взглядом в дорогу.

— Интересно, почему людей не очень много? — спросил Гэррети. — Зрителей, я имею в виду.

Сперва он подумал, что Стеббинс вообще не ответит, но в конце концов тот поднял голову и сказал:

— Потерпи. Они еще будут сидеть на крышах в три слоя, чтобы только поглядеть на тебя.

— Но они могли бы сидеть в три слоя и на всей дороге.

— Это опасно.

— Почему?

— А почему ты меня спрашиваешь?

— Потому, что ты знаешь.

— Откуда ты знаешь?

— Слушай, не строй из себя гусеницу из «Алисы в Стране чудес».

Почему бы тебе просто не ответить?

— Как долго ты выдержишь постоянные крики со всех сторон? Да от одного запаха всей этой толпы можно сойти с ума. Это все равно, что пройти триста миль по Таймс-сквер на Новый год.

— Но им же позволяют смотреть, разве не так?

— Я не гусеница, — сказал Стеббинс доверительным полусшепотом. — Я больше похож на Белого Кролика, только вот золотые часы оставил дома, и на чай меня никто не приглашал. Насколько я знаю, во всяком случае. Может, если я выиграю, я это у них и попрошу. Скажу:

“Пригласите меня, пожалуйста, на чай”.

— Черт побери!

Стеббинс принужденно улыбнулся:

— Скоро. Скоро. Ты потерпи.

У следующего поворота опять ударили выстрелы, спугнув фазанов, которые вылетели из подлеска, как электрические искры. Гэррети и Стеббинс зашли за поворот, но тело уже утащили. Они так и не увидели, кто это был.

— Видишь ли, — продолжал Стеббинс, — есть точка, после которой толпа уже не имеет значения. Ты просто перестаешь ее замечать, прячешься от нее в свою норку.

— Я понимаю, — кивнул Гэррети.

— Если бы ты понимал, ты бы не ударился в истерику, и твоему другу не пришлось бы тебя выручать.

— А как глубоко нужно спрятаться?

— А как глубоко ты сейчас?

— Не знаю.

— Что ж, тогда зарывайся, пока не уткнешься в камень. Залезай под него и сиди.

Это и будет нужный уровень. Такова моя идея. Если хочешь, изложи свою.

Гэррети промолчал. Идей у него не было. Длинный путь продолжался.

Солнце висело над дорогой, разбитое на куски деревьями. Тени идущих гномами плясали по асфальту. Один из солдат нырнул в вездеход, достал оттуда какой-то сверток и стал его разворачивать. Это оказался громадный зонтик защитного цвета. Солдаты укрепили его на броне вездехода и уютно расположились в тени.

— Вонючие суки! — крикнул кто-то. — Моим призом будет ваша публичная кастрация!

Солдат эта мысль не слишком ужаснула. Они все так же оглядывали идущих пустыми глазами.

Гэррети не хотелось больше говорить со Стеббинсом. Он переносил Стеббинса только в малых дозах. Он пошел быстрее. Было 10.02.

Через двадцать три минуты с него снимут одно из предупреждений, но пока он шел с тремя. Это его не пугало — в нем засела странная уверенность, что он, Рэй Гэррети, не может умереть. Другие, статисты в фильме его жизни, могут, но он, звезда... Может быть, ему еще предстоит понять лживость этих успокаивающих иллюзий; может, именно об этом дне говорил Стеббинс.

Не замечая этого, он прошел вперед почти до авангарда, где снова встретился с Макфрисом. Они образовали редкую цепочку: впереди Баркович, следом Макфрис, идущий с полусогнутыми руками, чуть прихрамывая на левую ногу, и в конце — сам герой фильма «История Рэя Гэррети». Как, интересно, он выглядит?

Он потер ладонью щеку, чувствуя пробивающуюся щетину.

Макфрис оглянулся и опять повернулся к Барковичу. Его глаза были темными и затуманенными. Они шли пятнадцать минут, или двадцать. Макфрис молчал. Гэррети дважды прочистил горло, но так ничего и не сказал. Он думал, что чем дольше идешь в молчании, тем труднее его нарушить. Может быть, Макфрис жалеет, что спас его. Или ему стыдно. Все это глупо и безнадежно, и не надо было его спасать, а раз уж спас, то не надо об этом жалеть. Он уже открыл рот, чтобы сказать это, но тут Макфрис заговорил сам:

— Все в порядке, — Баркович при звуке его голоса подпрыгнул, и Макфрис добавил:

— Не для тебя, убийца. Для тебя уже ничего не будет в порядке.

— Поцелуй меня в зад, — прорычал Баркович.

— Я, кажется, тебе подгадил, — сказал Гэррети тихо.

— Я сказал уже: мы в расчете. Больше я такого не сделаю. Хочу, чтобы ты это знал.

— Понимаю. Я...

— Не трогайте меня! — закричал кто-то. — Пожалуйста, не трогайте меня!

Это был рыжий парень в клетчатой рубашке. Он остановился посреди дороги и получил первое предупреждение. Потом он, шатаясь, побрел к вездеходу. Слезы прочерчивали тонкие дорожки на его запыленном лице.

Макфрис медленно покачал головой:

— Вся эта романтическая чушь... Знаешь, она бывает. Но только для некоторых и на короткое время. У меня так было. И я тоже думал, как ты.

Тебе все еще хочется узнать, откуда у меня этот шрам?

— Да, — сказал Гэррети.

— А зачем?

— Хочу помочь тебе.

Макфрис опустил глаза и посмотрел на свою левую ногу:

— Болит. Не могу пошевелить пальцами. И шея болит. Моя девушка сделалась стервой, Гэррети. Я пошел в ДЛИННЫЙ ПУТЬ —, как другие идут в Иностраннный легион. Как говорил великий поэт рок-н-ролла: «Я ей отдал сердце, она его стала топтать, а всем остальным наплевать».

Гэррети промолчал. 10.30. До Фрипорта было еще далеко.

— Ее звали Присцилла. Я был тогда еще глупее тебя. Я любил целовать ей кончики пальцев. Стихи читал. Китса — когда ветер дул в нужную сторону.

Видишь ли, ее старик держал коров, а запах навоза плохо сочетается с Китсом. Может, при другом ветре мне нужно было читать ей Суинберна? — Макфрис засмеялся.

— Ты скрываешь свои настоящие чувства.

— А, кому какое дело? Конечно, всем хочется помнить, как они шепчут слова любви в розовое ушко своей королевы, а не то, как, вернувшись домой, они гоняют шары под одеялом.

— Ты скрываешь свое, я — свое.

Макфрис, казалось, не слышал. Какое-то время они шли молча. Их ноги шаркали по дороге. Гэррети подумал, что скоро с ног сойдут ногти, а следом сползет и вся кожа, как змеиная шкура. Позади то и дело кашлял Скрамм.

Главным была дорога, а не весь этот бред о любви.

— Так вот, о шраме, — продолжил Макфрис. — Это было прошлым летом. Мы оба хотели уехать из дома, от родителей и от этого запаха коровьего дерьма, чтобы Великая Любовь цвела на свободе. Мы устроились на пижамную фабрику в Нью-Джерси. Как тебе это нравится, Гэррети?

Мы сняли разные квартиры в Ньюарке. Родители немного понервничали, но мы жили в разных квартирах и зарабатывали на жизнь, так что они скоро успокоились. Я жил еще с двумя парнями, а Прис — с тремя девушками. Мы уехали третьего июня на моей тачке, и в тот же день заехали в мотель и решили проблему девственности. Ей не очень хотелось трахаться, но она хотела доставить мне удовольствие. Все было очень романтично.

Потом мы приехали в Ньюарк. Там тоже пахло коровьим дерьмом, но нам хотелось верить, что это другое дерьмо. Я завез ее на ее квартиру, а сам поехал в свою. С понедельника мы начали работать. Все было не как в кино, Гэррети, — мой мастер

был сволочью, и во время ланча мы давили крыс, которые прятались под мешками с бельем. Но я не обращал на это внимания, потому что любил. Понимаешь?

Он сплюнул в пыль, отхлебнул из своей фляжки и крикнул, чтобы ему дали другую. Они карабкались на длинный пологий холм, и крик вышел на пределе дыхания.

— Прис работала на первом этаже, и вот туда можно было водить туристов. Пастельного цвета стены, современные машины, кондиционеры. Прис пришивала пуговицы с семи до трех. Только подумай, по всей стране мужчины носят пижамы с пуговицами, которые пришила Прис! Одна эта мысль могла согреть самое холодное сердце.

Я работал на пятом. Внизу сушили шерсть и по трубе с теплым воздухом подавали наверх, ко мне. Когда подъемник наполнялся, они звонили, я открывал заслонку, и там была спутанная шерсть всех цветов радуги. Я выгребал ее оттуда, укладывал в мешки по двести фунтов и подносил эти мешки к трепальной машине. Потом шерсть ткали, шили пижамы, и на первом этаже Прис и другие девушки пришивали к ним пуговицы, а ослы туристы смотрели на них через стекло... Как сейчас смотрят на нас. Тебе не надоело меня слушать?

— Шрам, — напомнил Гэррети.

— Я отвлекся? — Макфрис вытер лоб и расстегнул рубашку. Они были на холме. Во все стороны уходили волны леса, упираясь на горизонте в горы.

Милях в десяти среди зелени краснела пожарная вышка. Дорога вилась через все это, как серая змея.

— Сперва все было чудесно. Мы трахались с ней еще три раза, в машине, нюхая коровье дерьмо с ближайшего пастбища. Я никак не мог вычесать шерсть из моих волос, сколько ни расчесывал их; но это было неважно, потому что я любил ее. Я это знал, но никак не мог ей объяснить, — ни языком, ни членом.

Нам платили сдельно. Я был не очень хорошим укладчиком — набивал около двадцати трех мешков в день, а норма всегда была за тридцать. И другие парни из-за меня тоже отставали и теряли в зарплате. Они сказали, что им это не нравится. Понимаешь?

— Ага, — Гэррети потер ладонью шею, потом вытер руку о штаны, оставив на них темное пятно.

— А внизу Прис не сидела без дела. По вечерам она часами могла говорить о своих подружках, о том, кто как работает, и, конечно, она работала лучше всех. Не очень приятно соревноваться с любимой девушкой. В конце недели я принес домой чек на 64.40 и стал лечить свои мозоли. Она притащила девяносто и тут же отнесла их в банк.

Так шло и дальше. В конце концов я перестал трахаться с ней.

Приличней было бы сказать, что я перестал делить с ней ложе, но на ложе мы ни разу не были. И у меня, и у нее всегда была куча народу, а на мотель разоряться я больше не мог, поэтому нам приходилось делать это на заднем сиденье машины.

Ей это нравилось все меньше, и я знал это и начал потихоньку ненавидеть ее, хотя еще любил. Поэтому я предложил ей выйти за меня замуж, чтобы все решить. Она

стала вилять, но я настаивал на ответе.

— И она ответила «нет»?

— Конечно. «Пит, мы не можем. Что скажет моя мама? Пит, мы должны подождать». Пит то и Пит се, и всегда реальной причиной были деньги, те, что она зарабатывала на пуговицах.

— Тогда зачем ты ее упрашивал?

— Не знаю, — Макфрис яростно потер шрам. — Я чувствовал себя неудачником, потому что мне нечем было доказать ей, что я мужчина, кроме члена, который я совал ей между ног, а ей и этого особенно не хотелось. Сзади ударили выстрелы.

— Олсон? — спросил Макфрис.

— Нет. Он еще здесь.

— А-а.

— Шрам.

— Слушай, что ты пристал?

— Ты спас мне жизнь.

— Ну и иди к черту.

— Шрам.

— Я подрался, — сказал Макфрис после долгой паузы. — С Ральфом, парнем с упаковки. Он подбил мне оба глаза и сказал, чтобы я убирался, не то он мне и руки переломает. В тот вечер я сказал Прис, что еду домой, и предложил ей поехать со мной. Она сказала, что не может. Я сказал ей, что она превратилась в рабыню своих пуговиц, и еще много всякого. Я и не знал, что во мне накопилось столько яду. Я сказал, что она паршивая стерва, которая не видит ничего, кроме своей банковской книжки. Это было в ее квартире, и в первый раз мы остались одни — ее соседки ушли в кино. Я пытался затащить ее в постель, и она ударила меня в лицо ножом для разрезания писем. Ей прислали его какие-то друзья из Англии. Она ударила меня, как будто я хотел ее изнасиловать. Как будто я был больной и мог заразить ее. Понимаешь, Рэй?

— Да, — сказал Гэррети. Впереди у обочины стоял белый трейлер, и, когда они подошли ближе, лысый мужчина — видимо, владелец машины, начал снимать их кинокамерой. Пирсон, Абрахам и Йенсен одновременно сделали непристойный жест, и Гэррети эта синхронность очень рассмешила.

— Я плакал, — сказал Макфрис. — Плакал, как ребенок. Я упал на колени, целовал ее юбку и умолял простить меня. Кровь текла с моего лица на пол, и это было действительно неприятно, Гэррети. Она убежала в ванную, и ее вырвало. Она вернулась, принесла мне полотенце и сказала, что никогда больше не хочет меня видеть. Она тоже плакала и спрашивала, почему я так обидел ее. Понимаешь, Рэй, она разрезала мне лицо и спрашивала, почему я ее обидел.

— Да.

— Я так и ушел с полотенцем у лица. Мне наложили двенадцать швов, и вот конец истории про шрам. Ты доволен?

— Ты с тех пор ее не видел?

— Нет. И не хочу. Теперь она кажется мне очень далекой, очень маленькой. Она в самом деле была рассудительной. И жадной. Знаешь, все видится на расстоянии. Еще вчера утром она очень много значила для меня. А теперь она — ничто. Я рассказал тебе это все, и мне даже не больно. Так что, наверное, это не имеет отношения к тому, почему я здесь. А ты?

— Что?

— Почему ты здесь?

— Не знаю, — его голос был механическим, как у куклы. Урод д'Алесслио не видел мяча, который летел ему в лицо, и ему наложили швы. А раньше (или позже — у него уже все спуталось) он нечаянно ударил своего лучшего друга стволом ружья. Джимми. Может, у него тоже остался шрам, как у Макфриса.

— Не знаешь, — сказал Макфрис. — Умираешь и не знаешь, почему?

— Когда умрешь, это уже неважно.

— Может быть, но ты сам должен это знать, Рэй.

— Что?

— Про себя. Ты в самом деле не знаешь этого? В самом деле?

Глава 9

“Отлично, парень, вот тебе вопрос — прямо в десятку!”

Аллен Ладден

В час дня Гэррети опять подвел итоги.

Пройдено сто пятнадцать миль. Они были в 454 милях к северу от Олдтауна, в 125 милях от Огасты, столицы штата, в 150 от Фрипорта (или больше... Он боялся, что от Огасты до Фрипорта дальше, чем двадцать пять миль), а это уже две трети расстояния до границы Нью-Хэмпшира. Похоже было, что они дойдут.

За девяносто минут никому не выписали пропуск. Они шли по однообразным сосновым лесам, миля за милей, краем уха слушая приветствия. К тупой боли в ногах Гэррети добавились острые уколы в левой икре.

Потом, ближе к полудню, когда жара достигла пика, ружья заговорили опять. Парень по фамилии Тресслер, номер 92, получил солнечный удар, и его застрелили, когда он лежал без сознания. Другой участник вдруг упал в конвульсиях и бился на дороге, издавая непонятные звуки распухшим языком, пока его не нашла пуля. У Ааронсона, номер 1, обе ноги схватило судорогой, и он был застрелен на белой линии, когда стоял, как статуя, поднимая вверх напряженное лицо. А через пять минут еще один парень упал без сознания. «Так будет и со мной, — подумал Гэррети, обходя распластанное на асфальте тело. На лбу у парня, которого он не знал, блестели крупные бисеринки пота. — Так будет и со мной, я больше не могу, я не переживу

этого».

Ударили ружья, и мальчишки, сидевшие под тентом возле дороги, бешено зааплодировали.

— Хотя бы Майор появился, — сказал Бейкер. — Я хочу видеть Майора. — Что? — механически спросил Абрахам. Он сильно сдал в последние часы.

Глаза впали в глазницы. Лицо покрылось синеватой щетиной.

— Я наплюю ему в морду.

— Расслабься, — посоветовал Гэррети. С него уже сняли все три предупреждения.

— Сам расслабься, — буркнул Бейкер. — Погляжу я на тебя.

— Зря ты так про Майора. Он ведь тебя не заставлял.

— Заставлял? Он убивает меня, вот и все!

— Это не...

— Заткнись, — сказал коротко Бейкер, и Гэррети послушался. Он почесал шею и взглянул на раскаленное добела небо. Его тень уродливым карликом скорчилась у ног. — Прости, — сказал Бейкер. — Зря я кричал. Мои ноги...

— Ладно, — сказал Гэррети.

— Это со всеми происходит. Может, это хуже всего.

— Знаете, что я хочу сделать? — спросил Пирсон.

— Наплевать в морду Майору, — предположил Гэррети. — Все хотят наплевать в морду Майору. Как только он приедет, мы набросимся на него и...

— Да нет, — Пирсон шагнул, как человек в последней стадии опьянения.

Голова его едва не падала на плечо. — Майор тут ни при чем. Я хочу просто пойти в поле, лечь и закрыть глаза. Просто лежать среди пшеницы...

— В Мэне нет пшеницы, — уточнил Гэррети. — Это просто трава.

— Ну, в траву. И читать стихи сам себе.

Гэррети порылся в поясе, нашел печенье и стал грызть его, запивая водой.

— Чувствую себя решетом, — пожаловался он. — Пью воду, а через две минуты она выступает у меня на коже.

Ружья грянули снова, и еще одно тело безжизненно рухнуло на асфальт. — Сорок пять, — сказал Скрамм, подходя к ним. — Этак мы и до Портленда не дойдем.

— У тебя что-то с голосом, — заметил Пирсон с осторожным оптимизмом. — Похоже, я подхватил лихорадку, — жизнерадостно сказал Скрамм.

— Господи, как же ты идешь? — с благоговейным страхом спросил Абрахам.

— Как я иду? Посмотри на него! Хотел бы я знать, как он идет! он ткнул пальцем в сторону Олсона.

Олсон молчал уже два часа. Он не дотронулся до фляжки. Все с завистью глядели на его почти полный пояс. Глаза его, цвета темного обсидиана, смотрели прямо вперед. Губы высохли и растрескались, и из них высовывался язык, как дохлая змея из

пещеры. Язык Олсона был грязно-серым.

Как глубоко он зарылся? Гэррети вспомнил слова Стеббинса. На мили? На световые годы? Ответ был: слишком глубоко, чтобы увидеть это. И чтобы выбраться.

— Олсон! — тихо позвал он. — Олсон!

Олсон не отвечал. Двигались только его ноги.

— Хоть бы язык убрал, — нервно сказал Пирсон.

ДЛИННЫЙ ПУТЬ — продолжался.

Леса расходились, уступая место лугам, и опять сходились. По обочинам стояли восторженные зрители. Появлялось все больше плакатов с именем Гэррети. Но его это уже мало интересовало — он слишком устал. Скоро он устанет настолько, что не сможет говорить с другими. Лучше действительно уйти в себя, как малыш, завернувшийся в ковер. Так было бы проще.

Он облизал губы и отпил немного воды. Они прошли зеленый указатель, извещающий, что до Мэнского шоссе осталось сорок четыре мили.

— Вот оно, — сказал он неизвестно кому. — Сорок четыре мили до Олдтауна.

Никто не ответил, и Гэррети подошел к Макфрису и опять пошел рядом с ним. Тут начала кричать женщина. Движение на дороге было остановлено, и толпа окружала их с обеих сторон, крича и размахивая плакатами. Кричавшая женщина была грузной и краснолицей. Она пыталась перелезть через канат ограждения и кричала на полицейских, которые держали ее.

“Я знаю ее, — подумал Гэррети. — Откуда я ее знаю?”

Синяя косынка. Блестящие глаза навывкате. Платье цвета морской волны.

Все это было знакомо. Одной рукой женщина вцепилась в лицо полицейскому.

Брызнула кровь.

Проходя мимо, Гэррети узнал ее. Конечно, это была мать Перси.

Перси, который пытался убежать в лес и был застрелен с первым же шагом.

— Где мой сын? — кричала она. — Отдайте моего сына!

Толпа с энтузиазмом приветствовала ее. Маленький мальчик плюнул ей на ногу и поспешил прочь.

“Джен, — думал Гэррети, — Джен, я иду к тебе, и черт с ним со всем.

Клянусь, что я дойду”. Но Макфрис был прав. Джен плакала, она умоляла его изменить решение:

“Пожалуйста, Рэй, я не хочу тебя потерять, это просто убийство...” Они сидели на скамейке за эстрадой. Это было месяц назад, в апреле, и он обнимал ее за талию. Она надушилась духами, которые он подарил ей на день рождения. Этот запах, томный и таинственный, пьянил его. «Я должен идти, — говорил он. — Должен, ты просто не понимаешь».

“Рэй, это ты не понимаешь, что делаешь. Рэй, не делай этого, я люблю тебя”.

“Что ж, она была права. Конечно, я не понимал, что я делаю.

Но я и теперь не понимаю. Черт меня побери, я и теперь не понимаю. Вот и все".

— Гэррети!

Он тряхнул головой, пробуждаясь от своих мыслей. Рядом с ним шел Макфрис.

— Как ты?

— Нормально, — неуверенно ответил Гэррети. — Кажется, нормально.

— Баркович спятил, — с довольным, видом сообщил Макфрис. — Говорит сам с собой. И он хромает.

— Ты тоже хромаешь. И Пирсон.

— Да, правда. Но Баркович... Он все время трет ногу. Похоже, он растянул мускул.

— За что ты его так ненавидишь? Почему не Олсона? Не Колли Паркера? Не нас всех?

— Потому что Баркович знает, что делает.

— Хочешь сказать, он думает, что выиграет?

— Откуда ты взял?

— Ну... Он сволочь. Может быть, сволочам везет?

— Хорошие парни приходят к финишу раньше?

— Не знаю. Ничего не знаю.

Они проходили мимо маленькой сельской школы. Ученики стояли во дворе и махали им. Некоторые забрались на забор, и Гэррети вспомнил рабочих.

— Гэррети! — закричал один из них. — Рэй Гэррети! Гэ-рре-ти! Мальчишка прыгал, как заведенный, выкрикивая его имя, и Гэррети помахал ему. Когда школа вместе с мальчишкой скрылись из виду, он испытал облегчение.

Их догнал Пирсон:

— Я тут думаю...

— Побереги силы, — посоветовал Макфрис.

— И о чем ты думаешь? — спросил Гэррети. — Каково будет тому, кто дойдет вторым. — И каково же?

— Ну, — Пирсон прищурился, — представляете: пережить всех, кроме одного! Помоему, нужно установить приз для второго.

— Какой?

— Не знаю.

— Жизнь, — предположил Гэррети.

— Кто же за этим пойдет?

— Никто, пока Путь не начался. Но сейчас я был бы рад и этому. Черт с ним с призом. А ты?

Пирсон довольно долго думал.

— Не вижу в этом смысла, — сказал он наконец.

— Скажи ему, Пит.

— Что сказать? — пожал плечами Макфрис. — Он прав. Целый банан или вообще никакого банана.

— Вы спятили, — сказал Гэррети без энтузиазма. Он очень устал, и у него начинала болеть голова. Может, так начинается солнечный удар? Что ж, так лучше — просто упасть без сознания и проснуться уже мертвым.

— Конечно, — сказал Макфрис миролюбиво, — мы все спятили, иначе нас здесь бы не было. Мы все хотим умереть. Ты это еще не понял? Погляди на Олсона — это же просто череп на палке. Разве он не хочет умереть?

— Ну ее, эту чертову психологию, — подвел итог Пирсон. — Я все равно уверен, что никто из них не согласен прийти вторым.

ДЛИННЫЙ ПУТЬ — продолжался.

Солнце палило все сильнее. Ртутный столбик дополз до семидесяти девяти градусов (у одного парня был с собой термометр) и готовился перепрыгнуть на восемьдесят. "Восемьдесят, — подумал Гэррети. — Это еще не так жарко. В июле будет жарче градусов на десять. При такой температуре сидеть бы в тени во дворе и есть холодный куриный салат. Или плескаться в ближайшей речке.

Вода сверху нагрелась, а внизу у ног, она холодная, и там водятся пиявки, но это ерунда. Эта вода омывает тебе грудь, живот, волосы". — При одной мысли об этом по коже у Гэррети пробежали мурашки. Восемьдесят. Искупавшись, можно залечь в гамаке с какой-нибудь хорошей книжкой. Однажды они залезли в гамак вместе с Джен и качались, пока член не уперся ему в живот, как горячий камень. Она делала вид, что ничего не замечает. Восемьдесят. О Господи!

Чепуха какая-то.

— Мне за всю жизнь не было так жарко, — прогундосил Скрамм.

Его широкое лицо покраснелось, как сковородка. Он снял рубашку и вытирал ею пот, который тек с него ручьями.

— Лучше надень рубашку, — посоветовал Бейкер. — Сгоришь.

— Я уже сгорел, — хмыкнул Скрамм.

— Чертов штат, — сквозь зубы проговорил Колли Паркер. — В жизни такого не видел.

— Не нравится, сидел бы дома, — буркнул Гэррети и отхлебнул из фляжки.

Он не пил много, чтобы не получить спазм. Один раз с ним случилось такое.

Он помогал соседям, Элвеллам, ворошить сено. В сарае было очень жарко, и Гэррети выпил три стакана холодной воды.

После этого у него вдруг резко заболели живот, и спина, и голова, и он упал в сено, как тряпичная кукла. Мистер Элвелл держал его своими мозолистыми руками, пока он блевал. Потом он поднялся, слабый от боли и стыда, и его отослали домой — мальчика, прошедшего одно из первых испытаний на мужественность. Он шел, и солнце било его по обгоревшей шее, как десятифунтовый молот.

Он вздрогнул, и головная боль тут же нахлынула волной. Перед глазами заплясали черные пятна.

Он оглянулся на Олсона. Олсон шел, только язык его почернел.

Глаза невидяще смотрели вперед. Господи, только бы не стать таким, как Олсон. Что угодно, только не это.

— Мы не дойдем до Нью-Хэмпшира, — мрачно сказал Бейкер. — Ставлю что хотите.

— Два года назад они дошли, — возразил Абрахам. — Четверо из них, во всяком случае.

— Да, но тогда не было такой жары, — сказал Йенсен. — Когда холодно, можно идти быстрее и согреться. Но когда жарко, нельзя идти медленнее... И охладиться.

— Несправедливо, — сердито буркнул Колли Паркер. — Почему этот чертов Путь не проводят в Иллинойсе, где земля ровная?

— А мне нравится Мэн, — сказал Скрамм. — Что ты все ругаешься, Паркер?

— А что у тебя сопли текут? — огрызнулся Паркер. — У всех свои странности. Еще вопросы будут?

Гэррети взглянул на часы, но они остановились на 10.16. Он забыл их завести.

— Сколько времени? — спросил он.

— Счастливые часов не наблюдают, — сказал Пирсон, и все рассмеялись. — У меня часы остановились.

— Две минуты третьего — сказал Пирсон. — Солнце сядет еще не скоро. Солнце немилосердно палило сквозь редкие ветви, не дающие тени.

Пронесся слух, что ожидается дождь, и на горизонте виднелось что-то вроде облаков, но это могла быть всего лишь утешительная иллюзия.

Абрахам и Колли Паркер обсуждали дальноточность солдатских карабинов. Гэррети не хотелось участвовать в этом разговоре, и он пошел в стороне от всех, глядя по сторонам.

ДЛИННЫЙ ПУТЬ — был уже не так растянут. Впереди шли два высоких смуглых парня в одинаковых кожаных куртках. Прошел слух, что они голубые, любовники, но Гэррети это не очень заинтересовало. Какая разница, любовники они или нет?

За кожаными парнями шел Баркович, потом Макфрис. Он все так же глядел Барковичу в спину. Гэррети не показалось, что Баркович спятил. Он с болью подумал, что Макфрис выглядит более сумасшедшим.

За ними шли семь или восемь человек, образующих постоянно меняющуюся конфедерацию. Следом шла группа поменьше — Скрамм, Пирсон, Бейкер, Абрахам, Паркер и Йенсен. За ними шли еще какие-то незнакомые парни. Среди них затесались доходяги вроде Олсона и те, кто, как Стеббинс, предпочитал уединение. И почти у всех них на лицах застыло испуганное выражение, уже знакомое Гэррети.

Карабины дрогнули и нацелились на одного из отстающих, коротышку в зеленой шелковой рубашке. Тот полчаса назад получил третье предупреждение.

Коротышка бросил на них затравленный взгляд и поспешил вперед. Карабины еще какое-то время следили за ним, потом отстали.

Гэррети ощутил какой-то непонятный подъем духа. До Олдтауна и цивилизации оставалось не больше сорока миль. Там начнется шоссе, где можно идти по травяной полосе в центре, сняв обувь. Ощущать холодную росу. Господи, как здорово. Может, тогда у него появятся новые силы.

Облака на горизонте увеличились и явно обещали дождь.

Выстрелы настигли парня в зеленой рубашке, но Гэррети даже смерть не казалась теперь такой уж страшной. В конце концов она придет ко всем, даже к Майору. Так зачем бояться ее раньше времени? Он занес это в мысленную записную книжку, чтобы сказать Макфрису при следующей встрече.

Он стал готовиться к встрече с ближайшей красивой девушкой, но вместо красивой девушки появился маленький итальянец.

Это был карикатурный итальянец, в соломенной шляпе и с черными закрученными усами. Он стоял возле старого фургона и махал им, показывая неправдоподобно белые зубы.

Фургон был открыт, и внутри, на ложе из колотого льда, громоздились крупные зеленые арбузы, Желудок у Гэррети загудел, как мотор. Надпись на фургоне гласила:

«Дом Ланцо любит всех участников Длинного пути — бесплатные арбузы!» Несколько участников, включая Абрахама и Колли Паркера, невольно потянулись к обочине. Они получили предупреждения. Дом Ланцо, увидев их, рассмеялся звонким радостным смехом и, погрузив обе руки в лед, достал оттуда охапку розовых арбузных ломтей. Рот Гэррети наполнился слюной. «Ему же не позволят». И потом: «Боже, как это вкусно! Ну почему бы им немного не опоздать на этот раз? Интересно, где он взял арбузы в это время года?» Участники столпились возле Дома, который, лучась счастьем, раздавал им арбузы. Трое гвардейцев устремились к фургону, и Гэррети слышал, как Дом кричит:

— В чем дело? В чем дело? Это мои арбузы, ослы! Я хочу их раздать и раздам! Уберите руки вы, ублюдки!

Один из гвардейцев стал вырывать ломти арбуза из рук Дома, другой захлопнул дверцы фургона.

— Ублюдки! — закричал Гэррети из всех сил. Его крик разрезал горячий воздух, как стекло, и один из гвардейцев обернулся... Взгляд у него был почти пристыженный.

— Вонючие сукины дети! — орал Гэррети. — Будь прокляты ваши матери за то, что родили таких сукиных детей!

— Молодец, Гэррети! — крикнул еще кто-то. Это был Баркович, грозивший гвардейцам кулаками. — Ты им сказал!

Теперь уже они все орали, а гвардейцы — это не Эскадрон. Их лица были красными от стыда, но они все равно держали маленького итальянца. Тот от волнения забыл английские слова и осыпал их сочными ругательствами на родном языке. Толпа свистела. Какая-то женщина швырнула в одного из гвардейцев транзистором и сшибла

с него фуражку.

Каким-то образом Дом Ланцо вырвался и побежал. Толпа расступалась перед ним и снова смыкалась, не пуская гвардейцев. Один из них все же догнал итальянца и рванул его назад. Уже падая, Дом подбросил высоко вверх все свое розовое богатство.

— Дом Ланцо любит вас! — прокричал он. Толпа взорвалась аплодисментами. Ломти арбуза взлетели в воздух, и Гэррети счастливо рассмеялся, видя, как Абрахам поймал один из них.

Другие получали предупреждения, но умудрялись нагибаться и поднимать куски арбуза. Таких счастливых было пять или шесть, но все остальные кричали от радости или проклинали солдат, которые наблюдали за происходящим с теми же каменными лицами.

— Спасибо! — прокричал Абрахам. Его улыбающееся лицо было измазано розовым соком.

— Черт побери! — сказал Колли Паркер. — Черт побери! — он откусил от своего куска, потом разломил его пополам и отдал половину Гэррети, который от удивления опешил.

— На, жри! — крикнул Колли. — Не говори потом, что я жадный!

Гэррети засмеялся:

— Иди на фиг. Арбуз был холодный-холодный. Сладкий сок тек по подбородку, заливался в нос и — о Господи! — тек в глотку.

Он едва заставил себя оторваться.

— Пит! — позвал он и кинул Макфрису половину своего куска. Тот поймал арбуз на лету с реакцией опытного игрока в бейсбол и благодарно улыбнулся. Гэррети почувствовал, как безумная радость наполняет его, вливая свежую силу в его ноги и руки. Почти всем досталось по кусочку арбуза, пусть даже самому маленькому.

Стеббинс, как обычно, был исключением. Он одиноко шагал по дороге и не улыбался.

“Ну и хрен с ним”, — подумал Гэррети, но радость немного поутихла.

Его ноги снова налились тяжестью. Он знал, что Стеббинсу арбуз не нужен.

Не нужен, и все.

14.30. Они прошли 121 милю. Тучи приблизились и стали наливаться тьмой. Подул холодный ветерок. Люди по сторонам дороги принялись сворачивать одеяла и Укладывать провизию в корзинки. Температура сразу же упала, и Гэррети быстро застегнул рубашку.

— Одевайся скорее, — сказал он Скрамму.

— Ты что? — тот непонимающе уставился на него. — Я весь день не чувствовал себя так хорошо!

Они шли по вершине пологого плато и видели далеко впереди завесу дождя, опустившуюся над лесом. Над ними небо пожелтело. «Как перед смерчем», — подумал Гэррети. Что они будут делать, если смерч подхватит их всех и унесет в

страну Оз вместе с туфлями и ломтиками арбуза?

Он рассмеялся, но ветер тут же унес его смех.

— Макфрис!

Макфрис повернулся к нему. Ветер развеивал его одежду, и весь он, с его черными волосами и белым шрамом на загорелом лице, напоминал старого морского волка на капитанском мостике.

— Что?

— Интересно, в правилах есть что-нибудь о Божьей воле?

— Думаю, нет, — Макфрис начал застегивать куртку.

— Что если нас поразит молнией?

Макфрис откинул голову и рассмеялся:

— Что-что — умрем!

Гэррети фыркнул и отошел. Некоторые с опаской глядели на небо.

Мимо Гэррети пролетела бейсбольная кепка, и, оглянувшись, он увидел мальчика, с которого ее сорвало ветром. Скрамм поймал кепку и попытался кинуть обратно мальчику, но ветер закрутил ее гигантской дугой, как бумеранг, и забросил на дерево.

Грянул гром. Бело-пурпурный росчерк молнии пересек небо.

Успокаивающий шепот ветра в ветвях превратился в стук и треск десятка свихнувшихся духов. В грохоте и вое ветра почти потерялись звуки выстрелов. Гэррети повернул голову, снова уверенный, что это Олсон. Но Олсон все еще шел; болтающаяся на нем одежда демонстрировала, как быстро он похудел. Куртку он где-то потерял, и торчащие из рукавов рубашки руки казались тонкими, как карандаши.

С дороги тащили кого-то другого. Его незнакомое лицо выглядело маленьким, жалким и очень мертвым.

— Если ветер попутный, мы будем в Олдтауне уже в полпятого! — радостно сказал Баркович. Он натянул свою желтую шапочку, и лицо его горело безумной радостью. Гэррети вдруг понял — Макфрис был прав — Баркович спятил.

Через несколько минут ветер внезапно стих. Гром кашлянул пару раз где-то вдали. Опять вернулась жара, невыносимая после свежих порывов ветра.

— Э-гей! Рэймонд! Рэймонд Гэррети!

Гэррети рывком повернул голову. На один ужасный момент ему показалось, что его зовет мать, и он сразу вспомнил Перси. Но это была всего лишь пожилая леди, глядящая на него из-под журнала «Вог», которым она закрывалась от дождя.

— Старая кошелка, — пробормотал рядом Арт Бейкер.

— А, по-моему, очень милая женщина. Ты что, ее знаешь?

— Я знаю этот тип. Она похожа на мою тетю Хэтти. Та обожала ходить на похороны и с такой же улыбкой смотрела на плачущих родственников. Облизываясь, как кот на сливки.

— Может, это мать Майора, — сказал Гэррети, но Бейкера эта шутка не

развеселила. Он был бледен.

— У тети Хэтти было девять детей. И четверых она похоронила с такой же вот улыбкой. Некоторые любят смотреть на смерть. Я этого не понимаю, а ты? — Я тоже, — Бейкер портил ему настроение. — А она умерла?

— Нет. Она сейчас дома. Должно быть, сидит на крыльце в своем кресле.

Слушает новости про нас и улыбается, когда сообщают новые цифры, — Бейкер потер ладонью щеку. — Ты видел когда-нибудь, как кошка жрет собственных котят?

Гэррети не ответил. Новая вспышка молнии осветила небо. Следом пророкотал гром. Тучи неслись по небу, как безумные пираты по ночному эбеновому морю.

— Знаешь, — сказал внезапно Бейкер, — а я хотел стать гробовщиком.

Хорошая работа. Гробовщику найдется дело даже в кризис. Мой дядя был гробовщиком и много чего мне порассказал. Он говорил: «Люди думают, что им все равно, но это не так. Сначала они толкуют про простой сосновый ящик, а в конце концов покупают самый роскошный. Некоторые даже указывают в завещании номер модели».

— А зачем? — спросил Гэррети.

— У нас большая влажность, поэтому многие хотят, чтобы их хоронили над землей, в мавзолее. Но наверху крысы. Жирные луизианские крысы, которые разгрызают сосновый гроб, как орех.

Ветер рвал их одежду невидимыми пальцами. Гэррети хотелось, чтобы пошел дождь и отвлек их от этого дурацкого разговора.

— Да ну к черту, — сказал он. — Платить полторы тысячи за то, чтобы тебя после смерти не ели крысы!

— Не знаю, — глаза у Бейкера были полузакрыты. — Понимаешь, они едят мягкие части. Так и вижу, как они прогрызают дырку в моем гробу — шире, шире, — наконец влезают и сразу проглатывают мои глаза, как вишни. И тогда я становлюсь частью этих крыс. Разве не так?

— Не знаю, — выдавил из себя Гэррети.

— Нет уж, спасибо. Я хочу гроб, обшитый свинцом.

— Скоро он может тебе понадобиться.

— Это точно, — без улыбки согласился Бейкер.

Молния сверкнула снова, оставив в воздухе запах озона. Через мгновение с неба что-то посыпалось.

Это был град. В пять секунд землю засыпали градины размером с мелкую гальку. Некоторые вскрикнули от неожиданности, а Гэррети закрыл глаза рукой. Йенсен в панике пустился бежать, упал и остался лежать. Солдаты на вездеходе для верности выпалили раз десять в полускрытое завесой града тело. Прощай, Йенсен. Извини.

За градом пошел дождь, перемежающийся раскатами грома. С холма, на который они взбирались, текли потоки воды.

— Черт! — крикнул Паркер, едва не наткнувшись на Гэррети. Он был похож на

мокрую крысу. — Гэррети, это, без сомнения...

— Знаю-знаю — самый поганый из всех штатов. Накрой лучше чем-нибудь голову.

— Нечем, — Паркер сокрушенно пожал плечами и отошел, заливаемый дождем.

— Как тебе? — прокричал Гэррети Макфрису. Макфрис махнул рукой:

— Все к худшему. Теперь хочется, чтобы вышло солнце.

— Скоро выйдет, — успокоил Гэррети, но он ошибся. В четыре часа дождь все еще шел.

Глава 10

“Знаете, почему меня зовут Граф? Потому, что я занимаюсь графикой! Ха-ха-ха!”

Граф из «Сезам-стрит»

Когда они встретили второй вечер на дороге, заката не было. К половине пятого дождь превратился в противную морось, которая поливала почти до восьми. Потом все стихло, и в просветах туч показались яркие, холодно мерцающие звезды.

Гэррети плотнее закутался в промокшую одежду. Дневная жара казалась теперь благодатью. Он надеялся, что немного теплее станет от людей, которые все в большем количестве толпились вдоль дороги. Они жались друг к другу, чтобы согреться, и терпеливо ждали — должно быть, чьей-нибудь смерти. Им не очень повезло. После Йенсена выбыло только двое участников, оба просто упали в обморок. Теперь их осталась ровно половина.

Гэррети шел один. От холода ему не хотелось спать. Он сжал губы, чтобы они не дрожали. Олсон еще был здесь; кое-кто даже заключал пари, что он был пятидесятым, но эта честь досталась не ему, а некоему Роджеру Фенуму с несчастливым номером 13. Гэррети уже казалось, что Олсон будет идти вечно — если только не умрет от голода. Если он выиграет, в этом можно усмотреть высшую справедливость. Он представил заголовки в газетах: «Длинный путь выиграл мертвец».

Ноги у Гэррети онемели. Настоящая боль поселилась теперь не в ступнях, а в икрах, которые тупо ныли при каждом шаге. Иногда ноги пронизывала острая, как укол ножа, боль. Это заставило его вспомнить сказку, которую ему в детстве читала мать — о русалочке, которой дали ноги вместо хвоста, но каждый шаг по земле давался ей с такой болью, будто она шла по ножам. — Предупреждение! Предупреждение 47-му!

— Слышу, — сквозь зубы проговорил Гэррети и прибавил шагу.

Лес поредел. Север штата остался позади. Они прошли через два тихих провинциальных городка, мимо тротуаров, заполненных людьми, молчаливыми тенями в свете фонарей. Никто особо не веселился и не кричал, видимо, из-за дождя.

Гэррети опять сбавил скорость и лишь с большим трудом заставил себя идти

быстрее. Впереди Баркович сказал что-то и разразился своим неприятным смехом.

— Заткнись, убийца, — как всегда, ответил ему Макфрис. Баркович послал его к черту и замолчал.

Гэррети заметно отстал и опять оказался рядом со Стеббинсом. Чем-то Стеббинс поражал его, но ему не хотелось думать об этом. Сейчас было не время думать о таких вещах.

Впереди в темноте засветилась громадная арка из разноцветных лампочек.

Грянул марш, следом хор приветствий. Что-то закружилось в воздухе, и Гэррети сперва подумал, что это снег. Но это были конфетти. Они перешли на новую дорогу, и указатель известил, что до Олдтауна осталось только шестнадцать миль. Гэррети почувствовал волнение, почти гордость.

За Олдтауном он знал дорогу, как свои пять пальцев. — Ты, кажется, из этих мест?

Гэррети подпрыгнул. Стеббинс как будто читал его мысли.

— Не совсем. Я в жизни не был к северу от Гринбуша, — они миновали оркестр, трубы и кларнеты которого тускло отсвечивали в темноте.

— Но мы будем проходить через твой город?

— Рядом с ним.

Стеббинс хмыкнул. Гэррети взглянул на его ноги и с удивлением увидел, что Стеббинс сменил теннисные туфли на пару мягких мокасин. Туфли он сунул за пазуху, под рубашку.

— Я берегу туфли, — пояснил Стеббинс, — на всякий случай. Но, думаю, они мне не понадобятся.

— А-а.

Они прошли радиовышку, скелетом стоящую в голом поле. На ее верхушке мерно, как сердце, пульсировал красный огонек.

— Думаешь увидеть любимых людей?

— Думаю, — ответил Гэррети.

— А потом?

— Что потом? Пойду дальше. Если вы все к тому времени не выйдете из игры.

— Не думаю, — Стеббинс улыбнулся. — А ты уверен, что не выйдешь из игры раньше?

— Я ни в чем не уверен. Не был уверен, когда это началось, и еще меньше сейчас.

— Думаешь, у тебя есть шанс?

— Нет, не думаю, — сердито ответил Гэррети. — И зачем я говорю с тобой? Это все равно, что говорить с ветром.

Где-то далеко в ночи завывали полицейские сирены.

— Кто-то впереди прорвался через ограждение, — сказал Стеббинс.

Какие они тут неугомонные! Только подумай, сколько еще людей ждет тебя

впереди. — Тебя тоже.

— Меня тоже, — согласился Стеббинс, и они долгое время молчали.

— Удивительно, как сознание управляет телом, — сказал он наконец.

Средняя домохозяйка за день проходит шестнадцать миль, от холодильника до утюга и обратно, и к концу дня ног под собой не чувствует.

Коммивояжер может пройти двадцать, школьник, играющий в футбол, — от двадцати пяти до двадцати восьми... Это за весь день, с утра до вечера.

И все они устают. Устают, но не выматываются.

— Да.

— Но представь, что домохозяйке говорят: сегодня до ужина тебе надо пройти шестнадцать миль.

Гэррети кивнул:

— Вот тогда она вымотается.

Стеббинс промолчал. Гэррети показалось, что он недоволен его ответом. — Разве не так?

— А ты не думаешь, что она пройдет их до обеда, а потом будет валяться перед телевизором? Я именно так думаю. Гэррети, ты устал?

— Да. Я устал.

— А вымотался?

— Не думаю.

— Правильно. Вот он вымотался, — Стеббинс указал пальцем на Олсона.

— Он почти уже готов. Гэррети посмотрел на Олсона, словно ожидая, что тот от слов Стеббинса упадет.

— Но что его держит?

— Спроси своего дружка Бейкера. Мул не любит пахать, но любит морковь. Вот ему и подвешивают морковь перед носом. Мул без морковки выматывается быстрее. Понимаешь?

— Не очень.

Стеббинс улыбнулся.

— Ладно, посмотри на Олсона. Он уже не любит морковь, хотя он этого еще не знает. Смотри на него и учись.

Гэррети посмотрел на Стеббинса внимательней, не зная, издевается он или говорит серьезно. Стеббинс рассмеялся — звонко и весело, заставив многих идущих удивленно обернуться.

— Иди. Поговори с ним. А если он не захочет, просто посмотри.

Учиться никогда не поздно.

— Хочешь сказать, что это важный урок?

Стеббинс перестал смеяться:

— Это самый важный урок, какой может быть. Урок жизни и смерти.

Реши это уравнение, и ты выживешь.

Сказав это, Стеббинс, казалось, потерял к нему интерес и снова стал смотреть вниз. Гэррети отошел от него и направился к Олсону.

Он попытался разглядеть лицо Олсона и не мог. Кожа его пожелтела и высохла от обезвоживания. Глаза глубоко засели в глазницы. Волосы на голове торчали во все стороны слипшимися прядями.

Это был уже не человек, а робот. Тот Олсон, что сидел когда-то на траве и рассказывал про парня, которого застрелили прямо на старте, исчез.

Его больше не было.

— Олсон? — прошептал он.

Олсон шел. Это был ходячий дом с привидениями. От него так и разило смертью.

— Олсон, ты можешь говорить?

Олсон шел. Его лицо смотрело в темноту, и в безумных глазах что-то светилось, что-то там еще оставалось, но что?

Они взбирались на очередной холм. В легких Гэррети оставалось все меньше воздуха, и он тяжело дышал, как собака в жару. Рядом с дорогой текла река — серебряная змея в черноте ночи. Это Стилуютер, вспомнил он. В Олдтауне течет Стилуютер. Впереди рассыпались огоньки. Олдтаун. Они дошли до Олдтауна.

— Олсон! — позвал он. — Это Олдтаун! Мы дошли!

Олсон не отвечал. Теперь он понял, кого Олсон ему напоминает — «Летучий Голландец», несущийся вперед без экипажа.

Они быстро спустились с холма, свернули влево и перешли через мост. На другой стороне моста был знак: «Подъем. Грузовикам снизить скорость». Некоторые застонали.

Подъем возвышался перед ними, как гора, хотя он был совсем невысоким.

Но он был.

Гэррети сделал первый шаг. «На вершине буду задыхаться, как астматик, — подумал он, и следующей мыслью было, — если доберусь до вершины». В ногах — от бедер до ступней, — встала протестующая боль. Ноги говорили, что не могут больше всего этого выдержать.

“Но вы выдержите, — сказал им Гэррети. — Выдержите или сдохнете”.

“Нам плевать, — ответили ноги. — Можешь подышать”.

Мышцы, казалось, размякли, как мороженое на солнце. Они тряслись и прыгали, напоминая плохо управляемых марионеток.

Спереди и сзади сыпались предупреждения, и Гэррети понял, что скоро одно из них достанется и ему. Он уставился на Олсона, пытаясь попасть в такт его шагам. Они взойдут на этот проклятый холм вместе, а потом Олсон откроет ему секрет, о котором

говорил Стеббинс. Сколько еще? Сто футов?

Пятьдесят?

Прогрели первые выстрелы, следом — пронзительный крик, заглушенный новыми выстрелами. Гэррети ничего не видел в темноте, да его и не интересовало, кто это был. Осталась только боль, режущая боль в ногах и в легких.

Холм спрямился и пошел под уклон. Этот склон был более покатым, но мускулы Гэррети не переставали дрожать. «Мои ноги сейчас откажут, думал он. — Они не доведут меня до Фрипорта. Даже до Олдтауна. Я умираю».

Тут ночь разорвал рев множества глоток, дикий и ужасный, повторяющий одно и то же слово:

— Гэррети! Гэррети! Гэррети! Гэррети!

Это Бог-отец. Бог лишил его ног за то, что он хотел узнать секрет, узнать секрет... Как гром:

— Гэррети! Гэррети! Гэррети!

Это был не Бог. Это были ученики олдтаунской высшей школы, выкрикивающие хором его имя. Как только они увидели его бледное, измученное лицо, скандирование превратилось в бурю аплодисментов. Парни вопили и целовали своих девушек. Гэррети помахал им, улыбаясь, и опять повернулся к Олсону.

— Олсон, — прошептал он. — Олсон!

Веки Олсона чуть-чуть дрогнули. Искра жизни, как последний поворот стартера в старом автомобиле.

— Скажи мне, Олсон. Скажи мне, что делать. Школьники («Неужели я когда-то ходил в школу?») — с удивлением подумал Гэррети) прыгали теперь вокруг них, оглушая их криками.

Глаза Олсона с трудом поворачивались в глазницах, словно они заржавели и требовали смазки. Его губы издали какой-то звук.

— Ну, — прошептал Гэррети. — Ну, говори же! Говори, Олсон!

— А-а, — сказал Олсон. — А-а.

Гэррети подошел ближе и положил руку Олсону на плечо, вдыхая смесь пота, гноя и мочи.

— Попытайся, Олсон!

— Бу. Бо. Божий... Божий сад.

— Божий сад? Что ты говоришь?

— Он полон. Плодов. Я... Гэррети молчал. Он не мог говорить. Они поднимались на очередной холм, и он опять задыхался. Олсон, казалось, вообще не дышал.

— Я не хочу. Умирать, — закончил Олсон. Гэррети с ужасом смотрел на то, что было Одеоном.

— А? — существо рывком повернуло голову. — Га. Га. Гэррети?

— Да, это я.

— Который час?

Гэррети недавно, Бог знает зачем, завел свои часы.

— Без четверти девять.

— Нет. Не то.

— Олсон? — он осторожно потряс Олсона, и все его тело содрогнулось, как дерево на ветру. — Что с тобой, Олсон?

— Гэррети, — прошептал Олсон.

— Что?

— Который час?

— Черт! — Гэррети оглянулся на Стеббинса, но тот глядел в темноту.

Если он и смеялся, то этого не было видно.

— Гэррети.

— Что?

— Бо... Бог сохранит тебя.

Голова Олсона упала. Он сошел с дороги и пошел прямо на вездеход.

— Предупреждение! Предупреждение 70-му!

Олсон не останавливался. Толпа застыла в ожидании. Олсон уперся в броню и начал всем телом биться о вездеход.

— Олсон! — крикнул Абрахам. — Эй, ребята, это же Хэнк Олсон!

Солдаты наставили на Олсона ружья, и он схватил ближайшее из них за ствол, вырвал и швырнул в толпу. Зрители с криком шарахнулись в стороны, будто карабин мог начать стрелять сам по себе.

Потом другой карабин выстрелил. Гэррети ясно видел вспышку и красное пятно на рубашке Олсона, куда попала пуля.

Олсон потянулся и ухватился за ствол ружья, которое только что выстрелило в него.

— Давай, Олсон! — крикнул спереди Макфрис. — Давай! Покажи им всем! Пули из остальных двух карабинов отшвырнули Олсона от вездехода.

Он распластался на земле, широко раскинув руки, как распятый. Из его живота был вырван огромный кусок. Еще три пули ударили в него. Солдат, которого Олсон обезоружил, полез за новым карабином в люк.

Олсон сел, прижав руки к животу и глядя на солдат. Они тоже смотрели на него и молчали.

— Сволочи! — прорычал Макфрис. — Убийцы!

Олсон попытался встать. Новые пули бросили его на землю.

Сзади Гэррети услышал тихий звук. Он не оглянулся — он знал, что это смеется Стеббинс.

Олсон снова сел. Солдаты прицелились в него, но не стреляли. Их силуэты на броне, казалось, выражали любопытство.

Медленно, рефлекторно Олсон прижал руки к животу. Сквозь пальцы его медленно поползли синие змейки внутренностей. Он нагнулся, как будто собираясь запихнуть их обратно («Запихнуть их», — подумал Гэррети с ужасом и омерзением) и с усилием поднялся. Потом пошел, медленно-медленно, продолжая держаться за живот.

— О Господи! — Абрахам зажал руками рот. В его выпученных глазах метался ужас. — О Господи, Рэй, что за гадость! — его вырвало.

“Ну вот, старина Эйб не сберег свое печенье, — подумал Гэррети рассеянно. — Нарушил пункт 13”.

— Они не будут его достреливать, — сказал сзади Стеббинс. — Это послужит уроком остальным.

— Убирайся, — прошептал Гэррети. — Иначе я вышибу тебе мозги!

Стеббинс быстро отошел.

— Предупреждение! Предупреждение 88-му!

Смех Стеббинса замер вдали.

Олсон упал на колени. Раздался выстрел, и пуля ударила в асфальт рядом с ним. Он снова начал подниматься. “Они играют с ним, — подумал Гэррети.

— Им, должно быть, скучно, вот они и решили поиграть с Одеоном. Ведь он такой смешной, правда, парни?”

Гэррети плакал. Он подбежал к Олсону, опустился на колени рядом с ним, прижал к груди его растрепанную голову. Он рыдал в сухие, пропахшие потом и мочой волосы Олсона.

— Предупреждение! Предупреждение 47-му!

— Предупреждение! Предупреждение 61-му!

Макфрис тянул его вверх.

— Вставай, Рэй! Ты ему не поможешь! Вставай, ради Бога!

— Это ужасно! — прорыдал Гэррети. — Ужасно!

— Я знаю. Вставай скорее.

Гэррети встал. Они с Макфрисом пошли задом, глядя на Олсона.

Олсон поднялся на ноги и стоял прямо на белой линии, воздев обе руки к небу.

Толпа ахнула.

— Я делал не то! — крикнул Олсон дрожащим голосом и упал мертвым.

Солдаты еще дважды выстрелили в него и потащили прочь.

Они шли молча минут десять. От присутствия Макфриса Гэррети было чуточку легче.

— Знаешь, — сказал он наконец, — во всем этом есть смысл.

— Да?

— Я говорил с ним. Он был жив, пока они его не застрелили. Он был жив, Пит, — теперь это казалось ему самым важным. — Жив, понимаешь?

— Ну и что? — Макфрис устало вздохнул. — Он был только номером.

Номер 53. Мы стали чуть ближе к концу, вот и все.

— Нет. Ты так не думаешь.

— Не говори мне, что я думаю, а что нет! — бросил Макфрис. — И давай не будем об этом.

— До Олдтауна осталось миль тринадцать.

— Хорошо.

— Не знаешь, где Скрамм?

— Я не его доктор. Ищи сам, если хочешь.

— Что ты бесишься?

Макфрис дико расхохотался.

— Да, чего это я бешусь? Очевидно меня волнует новая ставка подоходного налога. И еще цены на зерно в Южной Дакоте. Олсон — у него вывалились кишки, и он шел с вывалившимися кишками! — вот от чего я бешусь, Гэррети! — он прервался, подавляя приступ тошноты, а потом сказал.

— Со Скраммом плохо.

— Да?

— Колли Паркер шупал его лоб и сказал, что у него жар. Он несет какую-то чушь — о своей жене, о хопи, о навахо... Трудно понять.

— Долго он еще сможет идти?

— Кто знает? Может, дольше нас всех. Он ведь здоровый, как буйвол.

О Господи, как я устал.

— А Баркович?

— Он прячется. Знает, что многие будут рады увидеть, как он получит пропуск. Он хочет пережить меня, вонючка. Но он очень плохо выглядит. — Как и все мы.

— Ага. Говоришь, до Олдтауна тринадцать миль? — Где-то так.

— Могу я сказать тебе кое-что, Гэррети?

— Конечно. Я унесу это с собой в могилу.

— Это точно, — кто-то в толпе пустил ракету, и Гэррети с Макфрисом подпрыгнули. Несколько женщин завизжали, кто-то выругался с набитым попкорном ртом.

— Все это так ужасно, — сказал Макфрис, — из-за того, что все так обычно. И Олсон был обычным, хотя и удивительным. Обычным и удивительным.

Он умер, как жучок под микроскопом.

— Ты говоришь, как Стеббинс, — заметил Гэррети.

— Жаль, что Присцилла не убила меня. Тогда все было бы не так...

— Обычно?

— Да. Тогда бы...

— Извини. Я подремлю немного, если получится.

Макфрис пожал плечами и отошел. Гэррети в первый раз пожалел, что обзавелся приятелями на Длинном пути. Оказывается от этого тоже могло быть тяжелее.

Кишечник распирало. Скоро придется облегчиться. При мысли о том, что это придется делать на глазах у публики, которая будет смеяться и тыкать в него пальцами, он мысленно скрипнул зубами. Потом они еще разберут его дерьмо на сувениры. Казалось немыслимым, что люди способны на это, но так и было.

Олсон с вываливающимися внутренностями... Макфрис и Присцилла на пижамной фабрике... Скрамм с его широким лицом, красным от жара... Голова Гэррети склонилась на грудь. Он задремал, продолжая идти. Его ноги мерно опускались на асфальт; оставшая подошва хлопала, как ставня заброшенного дома.

Я мыслю, следовательно, существую. Первый урок латыни.

Тарабарские фразы на мертвом языке. «Эне, Бене, Раба, Квинтер, Финтер, Жаба».

Я существую, следовательно... Взлетела ракета, сопровождаемая приветственными криками.

Мимо прогромыхал вездеход. Гэррети проснулся от металлического голоса, объявляющего ему предупреждение, и заснул опять.

“Отец, я не радовался, когда тебя не стало, но и не огорчился по-настоящему. Прости меня. Но я не поэтому здесь. Стеббинс неправ. Я здесь потому...”

Его разбудили выстрелы и знакомый стук упавшего тела. Толпа закричала — не то от ужаса, не то от восторга.

— Гэррети! — крикнула какая-то женщина. — Рэй Гэррети! Мы с тобой!

Мы все с тобой, Рэй!

Ее голос перекрыл остальные, и сотни голов повернулись в сторону земляка. Отдельные крики переросли в общий рев. Гэррети слушал свою фамилию, пока она не превратилась для него в набор бессмысленных звуков. Он помахал кричащим и опять провалился в сон.

Глава 11

“А ну вперед, жопы! Вы что, хотите жить вечно?”

Неизвестный сержант Первой мировой войны

Они прошли через Олдтаун около полуночи. Для Рэя Гэррети путь через город был сплошным полусонным кошмаром. Толпа вопила, не умолкая, пока крики не слились в единый нечленораздельный шум, нарастающий и утихающий, подобно рокоту

прилива. Юпитеры превратили ночь в день, осветив все зловещим оранжевым светом, в котором даже самое дружелюбное лицо напоминало маску из фильма ужасов. Из окон летели конфетти, газеты, длинные полоски туалетной бумаги.

Как ни странно, в Олдтауне никто не погиб. Постепенно они отделились от оранжевых огней и шума толпы к реке, где их встретил резкий запах бумажной фабрики — химикаты, горелое дерево, рак желудка. Горы опилок подымались выше городских зданий, а рядом, как египетские пирамиды, громоздились штабеля дров. Гэррети почудилось, что он уже не на земле, а в каком-то месте вечности, когда его вернул к действительности толчок под ребра. Это был Макфрис.

— Что такое?

— Выходим на магистраль. — Макфрис был возбужден. — Похоже, там собралось целое войско. Нас встретят салютом из четырехсот стволов. — Я слышал уже достаточно салютов из трех стволов, — проворчал Гэррети, отчаянно протирая глаза. — Ну их. Дай поспать.

— погоди. Когда они закончат, мы устроим им свой салют.

— Какой?

— Из сорока шести задниц.

Гэррети улыбнулся. Улыбка казалась чужой на его губах.

— Да ты что?

— Ну... Из сорока. Шестеро уже на пределе. Гэррети вспомнил Олсона, Летучего Голландца.

— Возьмите меня в долю, — сказал он.

— Тогда подходи поближе.

Они подошли к Бейкеру, Абрахаму, Пирсону и Скрамму. Двое кожаных парней по-прежнему маячили впереди.

— А Баркович? — спросил Гэррети.

— Согласен. Сказал, что это лучшая в мире идея после платных туалетов. Они шли уже по шоссе. Гэррети видел справа уступчатую набережную, а впереди — призрачный свет фонарей, на этот раз не оранжевых, а мертвенно-белых.

— Кэти! — вскрикнул внезапно Скрамм. — Я еще не сдался, Кэти! — он окинул всех безумными глазами, не узнавая. Его губы обметало, лицо пылало.

— Совсем плох, — почему-то как будто извиняясь сказал Бейкер. — Мы все время даем ему воду, а она выходит с потом. Его фляжка пуста, и другую ему придется просить самому. Это правило.

— Скрамм! — позвал Гэррети.

— Кто это? — глаза Скрамма беспокойно метнулись.

— Я, Гэррети.

— А-а. Ты видел Кэти?

— Нет. Я...

— Вот и они, — сказал Макфрис. Крики толпы снова стали громче, и из темноты выступил светящийся зеленым указатель: «Шоссе 95 Огаста Портленд Портсмут юг».

— Юг, — прошептал Абрахам. — Господи, помоги нам!

Они вышли на шоссе. Его поверхность под ногами казалась более гладкой, и Гэррети испытал знакомое волнение.

У въезда, оттеснив толпу, стояли солдаты цветной гвардии, подняв ружья. По сравнению с их алыми мундирами запыленный камуфляж солдат на вездеходе казался тряпьем.

Шум толпы внезапно стих. Единственными звуками остались стук их шагов и хриплое дыхание. Алые гвардейцы молчали. Потом из темноты раздался четкий голос Майора:

— Го-о-товсь!

Ружья взметнулись к небу стальной аркой. Все инстинктивно сжались. У них, как у собак Павлова, выработался рефлекс — выстрелы обозначают смерть.

— Пли!

Четыреста ружей выпалили, раздирая барабанные перепонки.

Гэррети сдержался, чтобы не заткнуть уши.

— Пли!

Снова грохот и резкий запах пороха. В какой книге он читал, что в воду стреляют чтобы тело утопленника всплыло на поверхность?

— Моя голова, — простонал Скрамм. — О Боже, моя голова.

— Пли!

Последний залп.

Макфрис тут же повернулся и пошел задом. Покраснев от усилия, он во всю мочь крикнул:

— Готовсь!

Сорок языков облизали пересохшие губы. Гэррети поглубже вдохнул и... — Пли!

Это было жалко. Жалкий звук, потонувший в ночи. Неудачная, глупая шутка. Каменные лица солдат не изменили выражения.

— Черт! — Макфрис скривился и побрел дальше, опустив голову.

Мимо быстро проехал джип Майора. Они успели заметить отблеск холодного света на его черных очках, и толпа опять сомкнулась вокруг. Правда, теперь она была дальше: шоссе имело четыре полосы — пять, если считать траву посередине.

Гэррети поспешил на середину и пошел по подстриженной траве, чувствуя, как роса через треснувшие туфли приятно холодит его ноги. Кто-то получил предупреждение. Шоссе тянулось вперед, гладкое и однообразное, омытое светом фонарей. Тени идущих выделялись на бетоне четко, как при летней луне.

Гэррети отхлебнул из фляжки, закрутил ее и опять погрузился в дремоту.

До Огасты еще восемьдесят миль. Так приятно идти по мокрой траве... Он споткнулся, едва не упал и резко пробудился. Какой идиот сажает сосны на средней полосе? Конечно, это дерево штата, но почему бы не посадить его где-нибудь подальше?

Почему они не думают о тех, кто идет... Конечно, они не думают.

Гэррети перешел на левую сторону, по которой шли остальные. На шоссе к ним присоединились еще два вездехода, чтобы охватить увеличившуюся площадь, на которой разместились теперь сорок шесть участников. Постепенно Гэррети опять задремал. Его сознание начало блуждать отдельно от тела, как камера с заряженной пленкой, то там, то тут щелкая затвором. Он думал об отце, стягивающем с ног зеленые резиновые сапоги. Он думал о Джимми Оуэнсе, которого он ударил стволом ружья. Да, это придумал Джимми — раздеться и трогать друг друга. Ружье мелькнуло в воздухе, брызнула кровь («Извини, Джим, тьфу ты, тут нужен бинт»)... Он повел Джимми в дом, и тот кричал... Кричал... Гэррети огляделся, весь в поту, несмотря на ночную прохладу. Кто-то кричал. Ружья были нацелены на маленькую, сжавшуюся в ужасе фигурку. Похож на Барковича. Грянули выстрелы, и фигурка, стукнувшись о бетон, как мешок с мокрым бельем, обратила к небу бледное лицо. Это был не Баркович, а кто-то незнакомый.

Он подумал о том, что может пережить их всех, и тут же устыдился этой мысли. К тому же она казалась невероятной. Боль в ногах могла стать в два, в три раза сильнее, а она и сейчас временами была невыносима. И хуже боли в ногах была сама смерть, запах разложения, засевший у него в ноздрях. Под эти мысли он снова задремал, и на этот раз ему привиделась Джен. Он на какое-то время совсем забыл о ней и теперь терпеливо выстраивал в полусне ее образ. Ее маленькие ноги — толстоватые, но очень привлекательные, с тонкими икрами и полными крестьянскими бедрами. Стройная талия, круглые, гордо вздернутые груди. Мягкие черты ее лица. Ее длинные светлые волосы.

“Волосы шлюхи”, — подумал он. Как-то он сказал ей это, просто вырвалось, и он думал, что она рассердится, но она промолчала. Он думал, что, может быть, ей это даже польстило... На этот раз его разбудила нарастающая тяжесть в кишечнике. На часах был час ночи. Он молча взмолился, чтобы Бог позволил ему не делать этого на глазах у толпы. “О Господи, сжался, я дам тебе половину всего, что имею, только даруй мне запор. О Го...”

Кишечник сдавило опять, на этот раз сильнее. Может быть, это свидетельствовало о сохраняющемся здоровье его тела, но его это не очень утешало. Он шел, пока не вышел на сравнительно малолюдный участок; там он, спеша, расстегнул ремень, спустил штаны и присел, прикрывая рукой гениталии. Мускулы ног протестующе взвыли, и вместе с болью он исторг содержимое прямой кишки.

— Предупреждение! Предупреждение 47-му!

— Джон! Эй, Джонни, посмотри на этого беднягу!

Он наполовину видел, наполовину воображал уставленные в него пальцы.

Замигали вспышки, и Гэррети отвернулся. Это было самым худшим из всего, что с ним случилось. Самым худшим.

— Я видела! — возбужденный девичий голос. — Я видела его штуку!

Бейкер прошел мимо, не глядя на него.

Потом, с кряхтением, он привстал и пошел, застегивая на ходу штаны, оставив часть себя дымиться позади в темноте под вождедеющими взглядами толпы: "Возьми это! заверни в свой плащ! дерьмо человека, которого через двадцать минут застрелили. Я говорил тебе, Бесси, что нам достанется нечто особенное!"

Он догнал Макфриса и пошел рядом с ним.

— Хорошо? — спросил Макфрис.

— Еще бы. Только вот я забыл кое-что дома.

— Что?

— Туалетную бумагу.

Макфрис усмехнулся:

— Моя бабка в таких случаях говорила: «Шевели задницей — само высохнет».

Гэррети взорвался смехом — здоровым, без всякой истерики. Ему и правда было легче. Как бы там ни повернулись дела, через это пройти ему больше не придется.

— Ну вот, у тебя получилось, — сказал Бейкер, сбавляя шаг. — Да что это вас так удивляет? — Гэррети не мог сдержать изумления. — А то, что это не так уж просто перед мордами у этих обезьян, — без улыбки сказал Бейкер. — Знаешь, я тут слышал кое-что. Правда, не очень-то поверил.

— Что?

— Помнишь Джо и Майка? Ребят в кожаных куртках? Так вот, они эти индейцы. Скрамм пытался об этом сказать, но никто его не понял. Говорят, что они братья.

— Не может быть! — воскликнул Гэррети.

— Я сходил вперед и посмотрел на них. И черт меня побери, если они не выглядят, как братья!

— Это запрещено, — сердито сказал Макфрис. — Их родные, должно быть, обили все пороги в Эскадроне.

— Ты знал когда-нибудь индейцев? — спросил Бейкер.

— Только деревянных, а что?

— У нас возле города была резервация семинолов. Это странные люди. Они не думают, как мы, об «ответственности» и всяких таких вещах. Они очень гордые. И бедные. С хопи я не знаком, но, думаю, они похожи на семинолов. И они знают, что такое смерть.

— Теперь мы все это знаем, — заметил Макфрис.

— Они из Нью-Мексико, — сказал Бейкер.

— Ну и черт с ними, — подвел итог Макфрис, и Гэррети был склонен согласиться с ним.

Разговоры скоро замерли из-за поразительного однообразия пути. На шоссе уже не

было резких подъемов и крутых спусков, и идущие дремали на ходу, забывая хоть на время о том страшном, что ждало их впереди. Маленькие группки разбивались на острова по одному, два, три человека.

Толпа не знала усталости. Она кричала что-то единым хриплым криком и махала нечитаемыми плакатами. Имя Гэррети повторялось постоянно, изредка всплывали имена Барковича, Пирсона, Уаймэна. Прочие упоминались редко и моментально уходили, как хлопья снега, проносящиеся перед телеэкраном. Ракеты взлетали и рассыпались искрами. Их свет выхватывал из толпы причудливые фрагменты. Женщина прижимала к объемистой груди клетку с большой нахохлившейся вороной. Ученики колледжа выстроили живую пирамиду.

Беззубый, с впалыми щеками старик в костюме дяди Сэма потрясал плакатом:

“Отберем Панамский канал у красных ниггеров!” Но в целом толпа была такой же скучной и однообразной, как дорога.

Гэррети опять задремал, и во сне низкий голос спрашивал его снова и снова: «Ты понял? Ты понял? Ты понял?» Он не знал, чей это голос — Стеббинса или Майора.

Глава 12

“Шел я по дороге, на дороге грязь.

Снял с ноги ботинок, а в ботинке кровь.

Кому водить?”

Детская считалка

Как-то они дошли до девяти утра.

Рэй Гэррети запрокинул голову и полил себе на лицо водой из фляжки.

Холодная вода немного отогнала сон.

Он вновь оглядел своих спутников. Макфрис уже порядочно оброс щетиной, черной, как его волосы. Колли Паркер осунулся, но выглядел еще крепким.

Бейкер казался призраком. Скрамм кашлял глубоким, громыхающим кашлем, знакомым Гэррети с детства — в пять лет он болел пневмонией.

Ночь прошла в сонном мельтешении дорожных знаков. Бангор.

Хэмпден.

Уинтерпорт. Солдаты убили только двоих.

Теперь день разгорался снова. Идущие шутили насчет своих бород... Но ни в коем случае насчет ног. Гэррети натер на правой ноге несколько маленьких мозолей, но толстый носок смягчал боль. Они только что миновали знак: «Огаста 48 Портленд 777».

— Это дальше, чем ты говорил, — сообщил Пирсон. Его волосы безжизненно свисали на измученное лицо.

— Я не дорожная карта, — сказал Гэррети.

— Но... Ты же отсюда.

— Плевать.

— Да, — в усталом голосе Пирсона сквозило смирение. — Господи, я никогда больше не сделаю этого.

— У тебя и не будет такой возможности.

— Точно, — голос Пирсона упал. — Я придумал кое-что. Когда я почувствую, что не могу больше, я выбегу прямо в толпу. Тогда они не посмеют стрелять.

— Они выпихнут тебя обратно, — сказал Гэррети. — Чтобы посмотреть, как тебя кончают. Вспомни Перси.

— Перси ни о чем не думал. Просто пытался убежать в лес. Рэй, ты не устал?

— Конечно, нет, — Гэррети гордо хлопнул себя по груди. — Я так, прогуливаюсь перед завтраком.

— А я плох, — пожаловался Пирсон, облизнув губы. — Даже думать тяжело.

А в ноги будто всадили по гарпуну, так...

— Скрамм умирает, — сообщил подошедший Макфрис.

— Что? — в унисон спросили Гэррети и Пирсон.

— У него пневмония.

Гэррети кивнул:

— Я этого и боялся.

— За пять футов слышно, как хрипят его легкие. Будто через них пропускают Гольфстрим. Если сегодня будет так же жарко, он просто сгорит. — Бедняга, — сказал Пирсон, но в его голосе ясно слышалось облегчение.

— Он ведь женат. Что его жена будет делать?

— А что она может сделать? — спросил Гэррети. Они шли совсем рядом с толпой, уже не замечая рук, тянущихся к ним, чтобы потрогать. Маленький мальчик хныкал, что хочет домой.

— Обращаюсь ко всем, — сказал Макфрис. — Думаю, тот, кто выиграет, должен будет что-то сделать для нее.

— А что?

— Сам решит. А если этот урод забудет, мы все будем являться к нему и душить по ночам.

— Ладно, — сказал Пирсон. — Чего уж.

— Рэй?

— Конечно. А с Барковичем ты говорил?

— Этот хер родную мать из воды не вытащит, если она будет тонуть?

— Все равно я поговорю с ним, — сказал Гэррети.

— Может, еще со Стеббинсом поговоришь? Ты ведь единственный, кому это удавалось.

— Я могу сказать, что он ответит.

— Что?

— Он спросит, почему он должен это делать. И я не буду знать, что ему ответить.

— Тогда пошли его к черту.

— Не могу, — Гэррети пошел по направлению к маленькой, согнувшейся фигуре Барковича. — Он, единственный, кто еще уверен, что выиграет. Баркович был в забытьи. С полужакрытыми глазами и щетиной на смуглых щеках он походил на потертого игрушечного медвежонка. Свою оранжевую шапку он или потерял или выбросил.

— Баркович!

Баркович встрепнулся:

— Что? Кто это? Гэррети?

— Да. Скрамм умирает.

— Кто? А, понял. Рад за него.

— У него пневмония. Похоже, он не доживет до конца дня.

Баркович внимательно оглядел Гэррети своими глазами пуговками. Да, он был очень похож на старого, забытого детьми игрушечного медвежонка.

— А тебе-то что, Гэррети?

— Ну, он ведь женат и... Глаза Барковича расширились, пока не стало казаться, что они вот-вот выпадут.

— Женат? Женат? Эта жопа с ушами...

— Тише ты, ублюдок! Он может услышать!

— Мне плевать! — Баркович повернулся к Скрамму и заорал изо всех оставшихся сил. — Что ты думал, идиот, когда впутался в это?! Что это игра в салочки?!

Скрамм непонимающе посмотрел на Барковича и помахал ему — должно быть решил, что это зритель. Абрахам, что шел рядом, показал Барковичу палец.

Баркович снова повернулся к Гэррети. Он улыбался.

— Гэррети, твоя рожа так и сияет добротой. Пустите шляпу по кругу для жены умирающего, так?

— Ладно, — сказал Гэррети зло. — Тебя исключаем.

Он повернулся, чтобы уходить, но Баркович ухватил его за рукав. — Подожди. Я же не сказал «нет». Разве я это сказал?

— Нет.

— Конечно, — на губах его снова появилась улыбка, но какая-то жалкая.

— Слушай, я вовсе не хотел ссориться с вами, парни. Со мной всегда так не хочу ни с кем ссориться, а так получается. Дома тоже всегда так было, то есть в школе. Я

ведь не такой уж плохой, просто часто встаю не с той ноги, что ли. А мне очень нужны друзья, плохо ведь одному, особенно в таком деле, правда? Гэррети, ты ведь знаешь. Тот Ранк — он сам виноват, он хотел побить меня. Почему-то все хотят меня побить. В школе мне даже приходилось носить с собой нож. А Ранка я не хотел... Не хотел, чтобы его... Вы увидели только конец и не видели, как он... — Баркович запутался и замолчал.

— Да, правда, — пробормотал Гэррети, чувствуя себя лицемером. Он слишком хорошо помнил инцидент с Ранком.

— Ну и что ты собираешься делать? Войдешь в долю?

— Конечно, — рука Барковича судорожно вцепилась в рукав Гэррети. — Я могу кормить ее хоть до конца жизни. Я просто хотел сказать... У человека должны быть друзья. Кому хочется умирать в злобе? Я не хочу... Не...

— Да, да, — Гэррети начал отходить, ощущая неловкость. Он по-прежнему ненавидел Барковича, но и немного жалел.

— Спасибо. — Почему-то проблеск человечности в Барковиче напугал его.

Он не мог сказать, почему.

Он слишком сильно отстал, получил предупреждение и, ускорив шаг, оказался рядом со Стеббинсом.

— О, Рэй Гэррети! — сказал Стеббинс. — С добрым утром. В чем дело? Гэррети вторично пустился в объяснения насчет Скрамма и его жены, и за это время еще один парень получил пропуск (на куртке у него было написано «Ангелы ада на колесах»). Закончив, он терпеливо ждал ответа Стеббинса.

— Почему бы и нет? — спросил Стеббинс, дружелюбно улыбаясь Гэррети.

Гэррети с каким-то суеверным ужасом почувствовал, что отчаяние добралось и до него.

— Звучит так, будто тебе нечего терять, — заметил он.

— Нам всем нечего терять, — улыбнулся Стеббинс. — Так легче уходить.

Но пойми меня правильно, Гэррети, — я не могу обещать. Сейчас этот бедняга еще кажется вам важным. Я даже скажу почему — вы пытаетесь зацепиться за будущее своим обещанием. Раньше, до Поворота, когда у нас были еще миллионеры, они основывали фонды и строили библиотеки. Они тоже пытались зацепиться за будущее. Некоторые делают это детьми, но никто из них, он широким жестом обвел участников, — не оставит ни одного ублюдка. То, что я говорю, не шокирует тебя?

— Нет, — пробормотал Гэррети.

— Ты и твой друг Макфрис выбиваетесь из этого балагана. Я не понимаю, почему вы здесь. Кстати, ты всерьез воспринял то, что я говорил тебе вечером? Насчет Олсона?

Гэррети кивнул.

— Ну и зря, — Стеббинс рассмеялся. — Не было у него никаких секретов. Я пошутил.

Гэррети чуть улыбнулся:

— Знаешь, я думаю, ты вечером сказал что-то лишнее и теперь боишься. — Думай, как знаешь, Гэррети.

— Можешь скрывать это, но ты боишься, Стеббинс. Тебе нравится думать, что все подстроено. Но вдруг это честная игра, тогда что?

— Что ж, иди и думай, что это честная игра. Не все ли равно, с какой уверенностью подышать?

— Опять врешь, — сказал Гэррети, но Стеббинс лишь коротко усмехнулся и опять уставился на свои ноги.

Гэррети побрел вперед, туда, где Макфрис, Пирсон, Абрахам и Бейкер собрались вокруг Скрамма, как встревоженные тренеры вокруг получившего травму боксера.

— Как он? — спросил Гэррети.

— Почему ты их спрашиваешь? — удивился Скрамм. Он уже не говорил, а шептал. Прежний болезненный румянец уступил место восковой бледности.

— Ладно, спрошу тебя.

— О, неплохо, — Скрамм закашлялся. Это был захлебывающийся, глухой кашель, будто идущий из-под воды. — Неплохо. Молодцы, что решили позаботиться о Кэти. Я уже не думаю, что смогу это сделать сам.

— Не говори много, — предупредил Пирсон, — ты выматываешься.

— Какая разница? Раньше или позже, — Скрамм печально оглядел их, потом медленно покачал головой. — Почему я заболел? Я ведь шел так хорошо. Даже когда устал. Почему Бог сотворил такое со мной?

— Не знаю, — сказал Абрахам.

Гэррети снова почувствовал страх перед великой тайной смерти и попытался его отогнать. Это чувство было особенно неприятным, когда умирал друг. — Который час? — спросил внезапно Скрамм, и Гэррети сразу вспомнил Олсона.

— Десять минут одиннадцатого, — ответил Бейкер.

— Прошли около двухсот миль, — добавил Макфрис.

— Ноги у меня не устали, — сказал Скрамм. — Это уже кое-что.

Невдалеке восторженно закричал ребенок:

— Эй, мама! Посмотри на вон того большого парня! Вот это лось! Гляди, гляди!

Гэррети взгляделся в толпу. Кричал мальчишка в рубашке с коротким рукавом, размахивающий недоеденным сэндвичем. Скрамм помахал ему.

— — Дети милые, — сообщил он. — Надеюсь, у Кэти будет мальчик. Мы оба хотели мальчика. Девочка тоже неплохо, но парень... Понимаете... Он продолжает фамилию. Хотя Скрамм — не такая уж знаменитая фамилия, он усмехнулся, а Гэррети вспомнил слова Стеббинса о попытке зацепиться за будущее.

К ним подошел толстощекий Уокер в голубом свитере и сообщил новость. У Майка, брата кожаного Джо, начались желудочные колики.

Скрамм потер лоб. Его грудь вздымалась и опадала в такт кашлю.

— Я знаю этих парней, — сказал он. — Приехали со мной вместе. Они хопи.

— Ты нам говорил.

— Разве? — удивился Скрамм. — Ну ладно. Похоже, они хотят составить мне компанию. Интересно... Не договорив, он ускорил шаг и пошел вперед. Уходя, он обернулся, и лицо его было спокойным.

— Не знаю, увидимся ли мы еще, — сказал он также спокойно. — Прощайте, ребята.

Макфрис отозвался первым:

— Прощай, — сказал он хрипло. — И желаю удачи.

— Да, удачи тебе, — повторил Пирсон и отвернулся.

Абрахам хотел что-то сказать и не мог. — Держись, — лицо Бейкера было суровым.

— Прощай, — прошептал Гэррети пересохшими губами. — Прощай, Скрамм, и хорошего отдыха.

— Отдыха? — Скрамм рассмеялся. — Может, настоящий ДЛИННЫЙ ПУТЬ — только начинается.

Он шел, пока не поравнялся с Майком и Джо. Майк шел, прижав руки к животу, но не сгибался.

Скрамм заговорил с ними.

— Что они хотят делать? — испуганным шепотом спросил Пирсон.

Никто ему не ответил. Совещание окончилось, и Скрамм пошел рядом с Майком и Джо. Даже на таком расстоянии Гэррети слышал его натужный кашель.

Солдаты внимательно разглядывали всех троих. Джо положил руку брату на плечо, и они поглядели друг на друга, но Гэррети не мог уловить никаких эмоций на их бронзовых лицах.

Через момент Майк и Скрамм сошлись и двинулись прямо на толпу, которая, увидев обреченность их лиц, с криками бросилась врассыпную, будто он были заразные.

Они получили предупреждения и, дойдя до перил ограждения, повернулись к вездеходу и выставили вперед средние пальцы.

— Я ебал вашу мать, и мне это понравилось! — проорал Скрамм солдатам. Майк крикнул что-то похожее на своем родном языке.

Идущие разразились криками одобрения, и Гэррети почувствовал, как на глаза ему наворачиваются слезы. Толпа замерла. Они получили во втором предупреждению и сели рядом на асфальт, тихо говоря друг с другом — каждый на своем языке.

Гэррети не оглянулся. Никто из них не оглянулся, даже когда все было кончено.

— Тому, кто выиграет, лучше сдержать слово, — сказал Макфрис. — Лучше пусть не обманывает. Никто ему не ответил.

Глава 13

“Джон Гринблум, ну-ка спускайся!”

Джонни Олсен

Два часа дня.

— Ты жульничаешь, скотина! — крикнул Абрахам.

— Я не жульничаю, — спокойно сказал Бейкер. — С тебя доллар сорок.

— Я жуликам не плачу, — Абрахам крепко сжал в кулаке десятицентовую монетку.

— А с теми, кто меня так называет, я не играю. Но для тебя, Эйб, сделаю исключение. Для хорошего человека ничего не жалко.

— Ладно, заткнись и кидай.

— Не говори со мной так, — Бейкер сделал круглые глаза. — А то я упаду в обморок прямо здесь.

Гэррети хихикнул.

Абрахам фыркнул, подбросил монету, поймал ее и зажал в кулаке. — Ну?

— Бросай сперва свою.

Бейкер подбросил монету и поймал ее.

— Орел, — сказал он.

— А я скажу: решка.

— Открывай.

Абрахам разжал кулак. На ладони у него лежала река Потомак в обрамлении лавровых листьев. — С тебя доллар пятьдесят, — бесстрастно заметил Бейкер.

— Ты меня что, за дурака держишь? — взвыл Абрахам. — Требую удвоить ставку или я больше не играю.

— Гэррети, как ты считаешь, это справедливо?

— Что? — Гэррети потерял нить беседы. У него опять болела левая нога. — Чтобы мы удвоили ставки.

— Почему нет? Он все равно слишком глуп, чтобы у тебя выиграть.

— А я думал, ты мне друг, — обиженно сказал Абрахам.

— Ладно, удваиваем, — согласился Бейкер, и в этот момент острейшая боль молнией пронзила левую ногу Гэррети. Она показалась ему сильнее, чем вся боль предыдущих тридцати часов. — Моя нога! — заорал он, не в силах сдержаться.

— О Господи, Гэррети, — успел сказать Бейкер, а потом они прошли мимо, а он остался стоять с левой ногой, превратившейся в исходящий болью камень.

— Предупреждение! Предупреждение 47-му!

Без паники. Хотя для паники у него были все причины. Он сел на асфальт, вытянув вперед ногу, и начал массировать ее. На ощупь нога была, как слоновая кость.

— Гэррети! — это был Макфрис. Его голос казался испуганным.

— Это судорога?

— Похоже. Иди. Все будет нормально.

Время. Время шло, хотя ужасно медленно. Макфрис повернулся, медленно поднял одну ногу, опустил, потом поднял вторую. Пошел прочь. Медленно прошел Баркович, чуть улыбаясь. Медленно по толпе стал распространяться шепот. "Второе предупреждение, сейчас я получу его. Иди, чертова нога, давай же! Я не хочу умирать, проклятье!"

— Предупреждение! Второе предупреждение 47-му!

Ощущение смерти, бесспорной и точной, как фотография, проникло в него и попыталось в нем закрепиться, парализовать его. Он изо всех сил сопротивлялся. Еще минута. Нет, пятьдесят секунд. Нет, сорок пять. Время уходит.

С отсутствующим выражением Гэррети мял пальцами непослушные мышцы и мысленно говорил с ними. Пальцы начали болеть, но он не замечал этого.

Мимо прошел Стеббинс, что-то пробормотав. Потом он остался один на дороге.

Все ушли. Остался только он, Гэррети, среди смятых бумажек и пачек из-под сигарет. Нет, не только. Невдалеке стоял молодой светловолосый солдат со стальным хронометром в одной руке и карабином в другой. На его лице не было ни капли жалости.

— Предупреждение! Третье предупреждение 47-му!

Мускулы не отпускало. Ему предстоит умереть.

Он отпустил ногу и спокойно смотрел на солдата. Интересно, кто выиграет? И переживет ли Макфрис Барковича?

Он еще подумал — на что похоже ощущение пули в голове?

Просто ли это внезапная темнота, или мысли гаснут постепенно, уносятся прочь?

Уходили последние секунды.

Судорога прошла. Кровь вернулась в мышцы, наполняя их уколами сотен крошечных иголок. Солдат убрал хронометр, его губы беззвучно шевелились, когда он отсчитывал последние секунды.

“Но я не встану, — подумал Гэррети. — Так хорошо сидеть. Сидеть, и пусть телефон звонит, черт с ним”.

Он опустил голову. Солдат медленно, ужасно медленно, поднял карабин и прижал указательный палец к спуску. Левая рука его так же медленно, нежно, обняла ствол.

“Вот оно, — подумал Гэррети. — Это смерть. Сейчас я умру”.

Он вдруг начал слышать все, даже самые тихие звуки. Или ему это казалось? Щелкнул затвор, как сломанная ветка. Воздух со свистом проходил между его зубов,

как ветер в туннеле. Боевым барабаном стучало сердце. И где-то далеко раздавалось пение... Он конвульсивно вскочил на ноги и бросился бежать, не чуя под собою ног. Солдат растерянно поглядел ему вслед, перевел взгляд на хронометр и снял палец с крючка.

Гэррети перешел на шаг. Перед глазами у него плясали белые вспышки, и ему на миг показалось, что сейчас он упадет в обморок. Ноги, разъяренные тем, что их лишили заслуженного отдыха, с новой силой начали болеть, но он терпел. Главное, мышцы левой ноги работали.

Он посмотрел на часы. 14.17. Еще целый час его будут отделять от смерти всего две секунды.

— С возвращением в мир живых, — сказал Стеббинс.

— Спасибо, — Гэррети едва мог шевелить губами. Внезапно его охватило раздражение. Его бы пристрелили, а они бы продолжали идти, как ни в чем не бывало. Только строчка в бюллетене: «Гэррети Рэймонд, № 61. Выбыл на 218-й миле». Да заголовок в местной газете:

“Гэррети мертв. Уроженец Мэна пал шестьдесят первым”. — Надеюсь, я выиграю, — прошептал Гэррети.

— Да?

Гэррети вспомнил лицо солдата. На нем было не больше эмоций, чем на блюде с картошкой.

— Хотя у меня было уже три судороги. Обычно с таким долго не идут.

— Посмотрим. — Стеббинс опять опустил голову. Гэррети прибавил шагу и поравнялся с Макфрисом.

— Я уж думал, с тобой все, — сказал тот, обернувшись.

— Я тоже.

— Что так близко?

— Две секунды.

Макфрис присвистнул.

— Я бы не смог подняться. Как нога?

— Получше. Послушай, я не могу говорить. Хочу пройти немного вперед. — Гаркнессу это не помогло.

— Я просто хочу проверить, могу ли я идти.

— Ладно. Компания тебе нужна?

— Если тебе не жалко энергии.

Макфрис рассмеялся:

— Мне не жалко времени, мой милый, если тебе не жалко денег. — Тогда пошли.

Они быстро прошли вперед и заняли место между вторым из идущих, угрюмым, долговязым Хэрлдом Квинсом, и Джо, пережившим своего брата.

Вблизи лицо Джо казалось еще более бронзовым. Замки на его кожаной куртке звякали, как далекая музыка.

— Привет, Джо, — сказал Макфрис.

— Привет, — отозвался Джо. Лицо его оставалось безучастным.

Они прошли мимо, и впереди теперь была только дорога, с обеих сторон окаймленная людской стеной.

— Вперед, только вперед, — сказал Макфрис. — Христианские воины идут на врага.

— Который час?

— Два двадцать. Слушай, Рэй, если ты...

— Всего? — Гэррети почувствовал, как паника жаркой волной захлестывает его внутренности. Он не сможет пройти час на такой скорости.

— ...если ты будешь думать о времени, ты спишишь, побежишь в толпу, (.-(пристрелят тебя, как бешеную собаку. Забудь о Нем. — Не могу, — все вокруг него медленно закружилось. — Олсон... Скрамм... Они умерли. Дэвидсон умер. Я тоже могу умереть, Пит. Теперь я в это верю.

— Подумай о своей девушке, о Джен. Или о своей матери. Или ни о чем не думай. Просто иди.

Гэррети попытался восстановить контроль над собой, и ему это немного удалось. Но его ноги уже не слушались беспрекословно команд мозга.

— Он долго не протянет — отчетливо выговорила какая-то женщина в переднем ряду.

— Это твои сиськи долго не протянут! — крикнул ей Гэррети, и толпа захохотала.

— Ублюдки, — прошептал Гэррети. — Ублюдки. Который час, Пит?

— Что ты сделал, когда получил подтверждение? — тихо спросил Макфрис.

— Когда узнал, что тебя возьмут?

Гэррети вздохнул и потер лоб, а потом отпустил мысли в прошлое, подальше от этого ужасного момента.

— Я был дома один. Мать работала. Это было днем в пятницу.

Письмо лежало в ящике, и на нем был штемпель Уилмингтона, штат Делавэр, так что я знал, что оно оттуда. Я перечитал его два раза. Не могу сказать, что я был очень рад, но доволен. И горд. Тогда ноги у меня еще не болели, и мне не казалось, что с каждым шагом мне в спину вгоняют ржавые грабли. Я был горд и ни хрена не понимал.

На миг он замолчал, вспоминая тот день.

— Отказываться было уже поздно — слишком много людей смотрело на меня, так же, как и сейчас. 15-го апреля для меня устроили торжественный ужин в городском центре — там собрались все мои друзья, и после ужина все стали требовать: «Речь! Речь!» Я промямлил что-то вроде того, что сделаю все, что смогу, и они хлопали, как сумасшедшие. Я чувствовал себя каким-то Неизвестным солдатом. Понимаешь?

— Понимаю, — Макфрис усмехнулся, но глаза его были серьезны.

Сзади прогремели выстрелы. Гэррети конвульсивно подскочил, едва не оцепенев. На этот раз по инерции он продолжал идти. А кто будет следующий? — Черт возьми, — сказал Макфрис. — Это был Джо.

— Который час? — спросил Гэррети и тут же вспомнил, что у него есть свои часы. 14.38. О Господи!

— И никто не пытался тебя отговорить? — спросил Макфрис. Они шли далеко впереди остальных, ярдов на сто от Хэролда Квинса.

— Сперва нет. Мать, и Джен, и доктор Паттерсон — это друг моей матери, — сначала они гордились, потому что ведь немногие проходят тесты, а ты знаешь, сколько народу подает заявления. И все равно остаются тысячи, а потом они разыгрывают двести фамилий — сто участников и сто запасных.

— Ага, тянут их из этого дурацкого барабана, — голос Макфриса чуть дрогнул.

— Точно. Майор вытаскивает двести фамилий, но ты до последней минуты не знаешь, участник ты или в запасе.

— И не сообщают ничего, кроме даты отправления, — сказал Макфрис, как будто с этой даты прошли годы, а не меньше четырех дней.

Кто-то в толпе запустил флотилию воздушных шаров, и они взмыли в воздух — красные, голубые, желтые. Южный ветер подхватил их и медленно понес прочь.

— Мы смотрели ящик, когда Майор вытаскивал шарики, — сказал Гэррети. — Я был номером 73. Я так и упал со стула, не мог в это поверить.

— Не мог поверить, что это ты. Такие вещи всегда случаются с другими.

— Вот-вот. Тогда все и началось. Джен умоляла меня отказаться.

Она просто взбесилась. Плакала, говорила, что я сошел с ума и все такое.

Я делал все, что она просила, но этого я сделать не мог. Я сказал, что буду чувствовать себя трусом, а она отвечала: «Это лучше, чем чувствовать себя мертвым». В конце концов она поняла и смирилась... Ну, так мне кажется.

Тогда в дело вступил доктор Паттерсон. Он диагностик, и у него хорошая логика. Он сказал:

“Послушай, Рэй. Твой шанс выжить — пятьдесят к одному, считая запасных. Не убивай свою мать”. Я долго сдерживался, но в конце концов просто послал его. Сказал, что у него довольно велики шансы жениться на моей матери, но он их почему-то никак не использует.

Гэррети взъерошил волосы рукой. Наконец-то он забыл о своих двух секундах.

— Он здорово разозлился. Сказал, что я бесчувственный, как... Как тиковое бревно, вот как он сказал. Должно быть, у них это семейная поговорка. Тогда я заговорил с ним по своей логике.

— И как это?

— Сказал, что, если он не уйдет, я его ударю.

— А твоя мать?

— Она на эту тему почти не говорила. Думаю, ей могло казаться, что я выиграю. Этот приз — все, что ты хочешь до конца жизни, загипнотизировал ее. У меня был брат, Джефф. Он умер от пневмонии, когда ему было шесть лет.

Похоже, она как-то надеялась, что я попрошу вернуть его, если... Невероятно, но мне так кажется. Кроме того, она боялась. Ты же знаешь, тех, кто отговаривает участвовать в Длинном пути, тоже могут забрать. Потом мне позвонили, и так я стал участником.

— А я нет.

— Что?

— До тридцать первого двенадцать участников отказались. Я был запасным. Узнал, что иду, в одиннадцать вечера четыре дня назад.

— О Господи! Тебя это не... Не огорчило?

Макфрис только пожал плечами.

Гэррети поглядел на часы. 15.02. Все нормально. Даже тень его, удлинившаяся к вечеру, казалось, двигалась теперь более уверенно. Нога была в порядке.

— Ты все еще думаешь, что сможешь просто сесть? — спросил он Макфриса.

— Смотри, мы уже пережили большинство. Шестьдесят одного.

— Это не имеет значения. В один прекрасный миг мне просто надоест.

Одно время я рисовал маслом. Очень любил это дело. А как-то раз проснулся утром, и все. Как отрезало.

— Выжить — это не то. Это не хобби.

— Как сказать? Вспомни про альпинистов, подводников или хотя бы про дебила-рабочего, для которого единственное удовольствие — подраться по субботам. Для них всех выживание превращается в хобби. В часть игры. Гэррети промолчал.

— Лучше поднажми. Мы теряем скорость, — сказал Макфрис. — Мой отец грозил посадить меня в подвал и не кормить, пока я не откажусь от этой затеи.

— И почему он не сделал этого?

— Не успел. Меньше чем через час после того, как мне позвонили, раздался звонок в дверь, и там стояли два громадных солдата, таких уродливых, что от их вида часы могли остановиться. Отец только взглянул на них и сказал мне: «Пит, иди наверх и собери свой скаутский рюкзак». Вот этот, — он указал пальцем на рюкзачок за спиной. — И только моя сестренка Катрина — ей четыре года — поняла. Она сказала: «Пит идет искать приключений». А потом они собрались и улетели всей Семьей на остров Прескью. Они вернуться, только когда все кончится. Так или иначе.

Гэррети взглянул на часы. 15.20.

— Спасибо.

— Что, опять спас тебе жизнь? — Макфрис улыбнулся.

— Именно.

— И ты думаешь, мне это приятно?

— Не знаю. Время — странная штука. Даже если идешь нормально и без предупреждений, тебя отделяют от ограды кладбища всего две минуты. Это очень мало.

Словно в подтверждение прогрохотали ружья. Уокер закричал, закудахтал, как внезапно схваченная фермером курица. Толпа издала низкий, продолжительный, вздох.

— Да, это мало, — согласился Макфрис. Они шли. Тени становились длиннее. Толпа мгновенно, как по волшебству, оделась в куртки и плащи.

Откуда-то подымался дымок трубки, напомнивший Гэррети об отце. На дорогу выбежала вырвавшаяся у кого-то болонка и, таякая, побежала за Пирсоном.

Выстрел отбросил ее на обочину, и она лежала там, вздрагивая и жалобно визжа. Никто ее не подбирали. Из толпы выбился на дорогу плачущий ребенок, и на один жуткий момент Гэррети показалось, что сейчас и его постигнет судьба болонки. Но солдат просто отвел ребенка за ограждение.

В 18.00 солнце скатилось к кромке горизонта. Воздух похолодел.

Зрители поднимали воротники и потирали руки.

Колли Паркер, как обычно, ругал мэскую погоду. «Без четверти девять будем в Огасте, — думал Гэррети. — А оттуда до Фрипорта рукой подать». При этой мысли ему стало легче, хотя велика ли радость — две минуты видеть ее, если он вообще разглядит ее в этой толпе.

Вдруг ему показалось, что их там вообще не будет. Только парни из его класса да престарелые леди из Женского комитета — те самые, что два дня перед отправлением поили его чаем. Это было давным-давно.

— Давай сбавим шаг, — предложил Макфрис. — Подойдем к Бейкеру и войдем в Огасту, как три мушкетера. Что скажешь?

— Ладно, — Гэррети эта мысль понравилась. Они отстали, оставив впереди угрюмого Хэролда Квинса. В полутьме они отыскивали своих по голосу Абрахама: — Неужели вы решили наконец навестить нас?

— Го-осподи, это и правда он, — Макфрис взгляделся в лицо Абрахама, поросшее трехдневной щетиной. — Как похож!

— Давным-давно, — начал Абрахам чужим голосом, будто в его семнадцатилетнее тело вселился дух, — наши предки основали здесь... Ах, черт, забыл, как дальше! Мы учили это в восьмом классе по истории.

— Лицо отца-основателя и интеллект сифилитичного осла, печально констатировал Макфрис. — Абрахам, как ты дошел до жизни такой? Вместо ответа ударили выстрелы. Знакомый стук тела об асфальт. — Это был Галлант, — сказал Бейкер. — Он весь день еле шел.

— Помните тест на сочинение? — спросил вдруг Абрахам.

Все кивнули. Сочинение на тему: «Почему я решил принять участие в Длинном пути?» — было стандартной частью процесса отбора.

Гэррети почувствовал, как по его щиколотке течет что-то теплое. Что это — кровь,

пот, гной или все вместе? Вроде не болело, только носок промок.

— Ну так вот, — продолжал Абрахам, — Я сдавал этот тест без всякой подготовки. Просто я шел в кино и проходил мимо здания, где проходил отбор.

Вы скажете, что с меня должны были потребовать карточку — это верно, как раз в тот день я случайно захватил ее с собой. Если бы ее у меня не оказалось, я бы пошел в кино и не подышал сегодня здесь в такой веселой компании.

С этим все молча согласились.

— Я ответил на вопросы и вижу — в конце три чистых страницы и надпись:

“Ответьте, пожалуйста, на этот вопрос как можно объективнее, используя не более 1500 слов”. Вот черт, подумал я. Остальные вопросы были легкие.

— Ага, — хмыкнул Бейкер. — Часто ли у вас бывает понос, и употребляете ли вы наркотики.

— Вот-вот. Я сидел над этим чертовым сочинением почти до конца, пока не вышел какой-то хмырь и не показал, что через пять минут нужно сдавать.

Тогда я взял и написал: «Я хочу принять участие в Длинном пути потому, что я бесполезен для общества, и мир без меня станет лучше. А если я вдруг выиграю, то повешу в каждой комнате своего особняка по Ван-Гогу и заведу шесть десятков первоклассных шлюх». Потом я еще подумал и приписал:

“Обязуюсь платить им пенсию по старости”. Думаю, это их и добило. Через месяц мне сообщили, что я принят.

— И ты был доволен? — спросил Колли Паркер.

— Трудно сказать. Все казалось, что это несерьезно. А потом было уже поздно. Одним прекрасным утром я проснулся Его Величеством Участником. Я смеялся и всем говорил, что откручу Майору яйца. Я ведь не знал тогда, что это он открутит мои, — Абрахам криво улыбнулся.

Среди участников прошел шепот, и Гэррети осмотрелся.

Светящийся указатель сообщал: «Огаста 10».

— Ты и умрешь, смеясь? — спросил Колли Паркер. Абрахам долго смотрел на него.

— Отцы-основатели не смеются, — ответил он наконец.

Глава 14

“И помните — если вы воспользуетесь руками или любой другой частью тела или произнесете хотя бы слово, вы потеряете шанс выиграть десять тысяч долларов Желаю удачи”.

Дик Кларк

Огаста оказалась совсем не похожей на Олдтаун. Это был современный город безумного веселья, город, полный наркоманов, маньяков и просто сумасшедших.

Они слышали Огасту задолго до того, как достигли ее. Гэррети снова и снова вспомнил про океанский прибой. Шум толпы был слышен за пять миль.

Иллюминация окрасила небо апокалиптическим пастельным цветом.

Могло показаться, что город горит.

Они сбились ближе друг к другу, как коровы в грозу. Этот рев Толпы таил для них угрозу — Гэррети так и видел этого алчущего бога Великой Толпы, раскинувшего вокруг Огасты свои багровые щупальца и грозящего по жрать их всех живьем.

Сам город был растерзан и пережеван этим всемогущим божеством.

Огасты не было. Не было тучных теток, красивых девушек, пухлощеких детей с облаками сладкой ваты. Не было маленьких итальянцев, разбрасывающих ломти арбуза. Только Толпа — без лица, без тела, без мысли. Только Голос Толпы и Глаза Толпы. Толпа была одновременно Богом и Маммоной. Она требовала страха и поклонения. Требовала жертв. Они шли по щиколотку в конфетти. Они теряли и находили друг друга в отблесках репортерских вспышек. Гэррети поймал какой-то листок — и увидел самого себя глядящего с обложки пособия по боди-билдингу. Поймал другой и увидел Джона Траволту.

Наконец, на вершине холма, откуда в обе стороны открывался вид на беснующуюся толпу, их встретил Майор, похожий на галлюцинацию в своем джипе, в свете ослепительных красно-белых прожекторов. И участники показали, что струны их эмоций не порваны, а только расстроены, как гитара в руках неумелого игрока. Они — все тридцать семь оставшихся, — хрипло кричали, не слыша собственных голосов. Они кричали и кричали, и толпа, не услышав, а скорее, угадав их намерения, забилась от восторга, принимая это их жертвоприношение. Гэррети почувствовал острую боль в груди и все равно не мог замолчать, хотя и понимал, что он на грани помешательства.

Спас их всех участник по фамилии Миллиген, который упал на колени, зажав уши. Потом он начал тереться носом об асфальт, как мягким мелом о классную доску. Гэррети подумал, что парень сотрет себе весь нос, но его милосердно пристрелили. После этого они перестали кричать.

— Ну что, твоя девушка уже близко? — спросил Паркер. Он не выбился из сил, но как-то смягчился и теперь казался Гэррети вполне неплохим парнем. — Миль пятьдесят. Или чуть больше.

— Счастливый ты, Гэррети.

— Я? — он был удивлен. Или Паркер над ним смеется?

— Ты увидишь свою девушку и свою мать. А мы — никого, кроме этих свиней, — он указал на толпу, которая приняла этот жест за приветствие и разразилась рукоплесканиями. — Я скучаю по дому. И мне страшно.

Эй, свиньи! — внезапно закричал он толпе, которая заплодировала еще громче. — И я боюсь. Мы все далеко от дома. Что с того, что я их увижу? Я ведь даже не смогу до них дотронуться.

— Правило...

— Я знаю правила. Разрешен телесный контакт в пределах дороги. Но это не то.

— Тебе легко говорить. Ты их хотя бы увидишь.

— Может, от этого будет только хуже, — вставил Макфрис, идущий чуть позади. Они проходили мимо большого желтого светофора, и Гэррети, не отрываясь, смотрел в его испуганно мигающий глаз.

— Вы спятили, — сказал Паркер и, уменьшив скорость, отстал от них.

— Он, похоже, думает, что мы с тобой влюбились, — сказал Макфрис.

— Что?

— Неплохой парень, — Макфрис задумчиво посмотрел на Гэррети. — Может, он и не совсем неправ. Может, поэтому я и спасаю тебя.

— С моей-то рожей? Я думал, извращенцам нравятся нежные мальчики, — он испытывал неловкость. Внезапно Макфрис спросил:

— А ты позволишь мне тебе подروحить?

— Что за... — начал Гэррети, но Макфрис перебил:

— Ладно брось. Ты ведь даже не знаешь, шучу я или нет.

У Гэррети пересохло в горле. Конечно, в сравнении со смертью все это было пустяком. Но он не хотел, чтобы Макфрис касался его — так.

— Ну, раз ты спас мне жизнь...

— Это значит «да»?

— Делай, что хочешь! — рявкнул Гэррети, и задремавший Пирсон испуганно вскинул голову. — Что хочешь! Макфрис рассмеялся:

— Молодец, Рэй! Так держать! — и отошел, оставив его в полном недоумении.

— Ему все мало, — сказал Пирсон.

— Что?

— Почти двести пятьдесят миль. Мои ноги будто налиты отравленным свинцом. А этому чертову Макфрису все мало. Он, как голодающий, который еще пьет слабительное.

— Думаешь, он хочет боли?

— А ты как думаешь? Он мог бы повесить на шею табличку «Сделай мне больно».

— Не знаю, — Гэррети хотел еще что-нибудь сказать, но Пирсон уже отключился. Гэррети вдруг заметил, что он потерял туфли — его спортивные носки белели в темноте.

Они прошли указатель «Льюистон 32» и, через милю светящийся щит, возвещавший «Гэррети 47».

Гэррети хотел подремать, но не смог. По спине его будто пропускали ток высокого напряжения. Тупая боль в ногах давно сменилась острой, и с каждой минутой она становилась острее. Он не чувствовал голода, но заставил себя поест. Некоторые из идущих напоминали ходячие скелеты. Гэррети не хотел быть таким... Хотя, конечно,

он тоже таким был. Он провел рукой по ксилофону своих ребер.

— Что-то я давно не видел Барковича, — сказал он, чтобы вывести Пирсона из оцепенения, которое слишком напоминало ему Олсона.

— Говорят, в Огасте у него онемела нога. Гэррети обернулся и стал высматривать Барковича в темноте. Тот плелся в хвосте, уставив глаза в одну точку, и монотонно беседовал сам с собой.

— Привет, — Гэррети сбавил шаг и подошел к нему. Баркович споткнулся и получил предупреждение... Уже третье.

— Вот! — крикнул он злобно. — Видел? Теперь ты и твои вонючие дружки довольны?

— Вид у тебя не очень, — заметил Гэррети.

— Это все входит в план, понятно? Помнишь, что я тебе говорил? Вы мне не верили. Олсон не верил. И Дэвидсон тоже, — его голос понизился до слюнявого шепота. — Гэррети, я сплясал на их могилах!

— Нога болит? — тихо спросил Гэррети.

— Осталось всего тридцать пять. Они все подохнут этой ночью, вот увидишь. Утром на дороге не будет и десятка, Гэррети. И они тоже все подохнут.

Гэррети вдруг понял, что Барковичу конец. Он почувствовал себя очень сильным, ему захотелось побежать к Макфрису, не обращая внимания на режущую боль в ногах, и сказать ему, что он победил.

— Что ты попросишь? — спросил он. — Когда выиграешь?

Баркович самодовольно усмехнулся, как будто ждал этого вопроса.

Его лицо в колеблющемся свете казалось перекошенным и измятым.

— Пластиковые ноги, — прошептал он. — Пла-а-асти-ковые ноги. А эти отрежу, суну в стиральную машину и буду крутить и крутить и...

— Я думал, ты попросишь себе друзей, — Гэррети охватило безумное чувство триумфа.

— Друзей?

— У тебя ведь их нет. Все будут рады, когда ты умрешь, Гэри. Никто не пожалеет о тебе. Может быть, я подойду и плюну на твои мозги, когда они растекутся по дороге... Может, мы все так сделаем, — безумие переполняло его. Он будто снова бил Джимми стволом ружья... Текла кровь... Джимми кричал... Его переполняло дикое, животное чувство справедливости.

— Почему ты ненавидишь меня? Я не хочу умирать. Тебе нужно, чтобы я извинился? Я извинюсь!.. Я извинюсь... Я...

— Мы плюнем на твои мозги! — упрямо повторил Гэррети.

Баркович уставился на него невидящими глазами.

— Извини, — пробормотал Гэррети и поспешил прочь. Сзади ударили, упали два тела, и одним из них наверняка был Баркович. Теперь это была его вина, он стал убийцей.

Потом он услышал смех Барковича, высокий и безумный.

— Гэррети! Гэээрретиини! Я спляшу на твоей могиле! Я спляшууу...

— Заткнись! — крикнул Абрахам. Баркович замолчал, потом начал рыдать. — Нехороший мальчик Эйб, — сказал Колли Паркер. — Заставил нашего крошку плакать. Он пожалуется мамочке.

Баркович не умолкал. От его рыданий у Гэррети мороз прошел по коже.

— Наш ябеда пожалуется мамочке? — оглянулся Квинс. — Ай-яйяй, Баркович, как не стыдно!

“Оставьте его в покое! — прокричал про себя Гэррети, — Вы не знаете, как ему больно!” Но он лицемерил — он хотел, чтобы Баркович умер.

Предвкушал эту смерть.

А Стеббинс там, сзади, должно быть, смеялся над ними всеми.

Он поспешил к Макфрису, который шел, задумчиво глядя на толпу.

— Поможешь мне решить задачу? — спросил Макфрис.

— Какую?

— Кто из нас в клетке — мы или они?

— Все мы в клетке у Майора, — Гэррети засмеялся.

— Говорят, Баркович доходит?

— Думаю, да.

— Я не хочу больше его видеть. Обидно — так ожидать чего-то, а под конец разочаровываться. Может, это и есть настоящая правда жизни?

— Не знаю.

— Это все равно, что всю жизнь тренироваться в прыжках с шестом, а потом попасть на олимпиаду и подумать: “А чего это я приперся сюда с этой дурацкой палкой?”

— Ага, — Гэррети что-то беспокоило. Он задумался. Потом спросил Макфриса и подошедшего к ним Бейкера. — Вы видели Олсона перед тем, как он получил пропуск? Его волосы? — А что с ними такое?

— Они поседели.

— Да нет, не может быть, — голос Макфриса звучал испуганно. — Это была пыль.

— Поседели, — настаивал Гэррети. — Будто он провел на этой дороге всю жизнь. И знаете, когда я это увидел, я подумал... Может, это и есть бессмертие? — он замолчал, ощущая, как легкий ветерок из темноты обдувает его лицо.

— Я иду, я шел, я буду идти, — прогнусавил Макфрис. — Переведите на латынь.

Они шли. В толпе мелькали огоньки сигарет, фонарики, вспышки фотоаппаратов — земные созвездия, тянущиеся вдоль дороги в вечность.

— Фу ты, — Гэррети вздрогнул. — С ума можно сойти.

— Это точно, — Пирсон нервно засмеялся. Они поднимались на длинный пологий

холм. Дорога будто стала тверже, и Гэррети казалось, что он чувствует под подошвами каждый камешек. Ветер ворошил на их пути бумажный мусор, и иногда им приходилось пробираться через кучи конфетных оберток, пакетиков из-под попкорна и сигаретных пачек.

— Что там впереди? — спросил Макфрис. Гэррети закрыл глаза, припоминая:

— Маленькие городки, я не помню. Будет еще Льюистон, второй город штата, больше Огасти. Мы пройдем прямо по главной улице — раньше она называлась Лисбон-стрит, а теперь Коттер-авеню. Реджи Коттер единственным из Мэна выиграл ДЛИННЫЙ ПУТЬ —.

— Он умер? — спросил Бейкер.

— Да. У него было кровоизлияние в глаз, и он пришел к финишу полуслепым. Он умер через неделю или около того, — словно оправдываясь, Гэррети закончил. — Это было уже давно.

Все молчали. Конфетные обертки потрескивали у них под ногами, как отзвук далекого лесного пожара. Из толпы вылетела ракета и унеслась куда-то в сторону Льюистона, в край Обюшонов и Лавескью, в край надписей: «Здесь еще говорят по-французски».

— А за Льюистоном?

— Мы свернем с шоссе 196 на 121-е, к Фрипорту, где я увижу свою девушку и маму. Потом мы выйдем на дорогу № 1, и на ней-то все и кончится. Они услышали выстрел.

— Это Баркович или Квинс, — сказал Пирсон. — Не знаю... Один из них еще идет... Баркович рассмеялся в темноте все тем же безумным смехом:

— Нет еще, сволочи! Я еще здесь! Я здееее... Он кричал все громче и пронзительней. Потом его руки внезапно взметнулись вверх, и он начал раздирать собственное горло.

— О Боже, — простонал Пирсон, и его стошнило.

Они бежали от него, а он продолжал идти, осыпая их проклятиями, задрав к небу лицо, утратившее всякое человеческое подобие.

Потом крики смолкли. Баркович упал, и его застрелили, живого или мертвого.

Гэррети повернулся и пошел вперед. На лицах тех, кто шел вокруг него, он видел отражение собственного ужаса. В судьбе Барковича все увидели прообраз того, что случится с ними всеми на этой пыльной и кровавой дороге.

— Мне плохо, — ровным голосом сказал Пирсон. — Плохо. Не надо.

Мне плохо. О Боже!

Макфрис глядел прямо вперед.

— Хотел бы я сойти с ума, — сказал он сквозь зубы. Только Бейкер молчал. И это было странно, потому что Гэррети вдруг почуял благоухание луизианской жимолости, слышал кваканье лягушек и тяжелое гудение цикад. И еще он видел, как тетка Бейкера качается взад-вперед в своем кресле, улыбаясь и слушая лягушек, цикад и далекие голоса из старенького приемника.

Качается и качается, улыбающаяся и довольная, как кот, почуявший сметану.

Глава 15

“Мне нет дела, выигрываете вы или проигрываете — до тех пор, пока вы выигрываете”

Вине Ломбарды

День возвращался, крадучись сквозь густую белую завесу тумана.

Гэррети шел один. Он не считал, сколько погибло этой ночью. Может быть, пятеро. Его ноги страдали мигренью, которая усиливалась с каждым новым шагом. По спине разливался жидкий огонь.

И все же в нем не гасло воодушевление: до Фрипорта оставалось всего тринадцать миль. Сейчас они были в Портервилле, и толпа едва видела их сквозь туман, но продолжала ритмично скандировать их имена, как было с самого Льюистона.

— Гэррети? — это был Макфрис, череп, покрытый волосами. Его глаза лихорадочно мерцали. — Доброе утро. Еще один день.

— Да. Много выбыло ночью.

— Шестеро после Барковича, — Макфрис достал из пояса тубик с ветчиной и начал выдавливать ее в рот трясущимися пальцами. — В том числе Пирсон. — Да?

— Нас осталось мало, Гэррети. Всего двадцать шесть.

— Не так уж мало.

— Нас мало. Мушкетеров. Ты, я, Бейкер, Абрахам, Колли Паркер и Стеббинс, если ты его считаешь. Почему бы не посчитать Стеббинса? Итак, шестеро мушкетеров и двадцать оруженосцев. — Ты еще думаешь, что я выиграю?

— Почему это весной тут такой туман?

— Слышишь?

— Нет, не думаю. Выиграет Стеббинс. Он несокрушим, как алмаз.

Говорят, в Вегасе на него ставят девять к одному — с тех пор, как выбыл Скрамм. Он ведь почти не изменился с начала пути.

Гэррети кивнул. Он достал тубик с мясной пастой и начал есть, пока не появился долго хранимый сырой гамбургер Макфриса.

— А тебе не кажется странным? — спросил Макфрис, рыгнув. — Снова появиться дома после всего этого?

Гэррети снова почувствовал воодушевление.

— Нет, — сказал он. — Мне это кажется совершенно естественным.

Они спускались с длинного холма, и Макфрис вгляделся в белое облако внизу.

— Черт, там туман еще гуще!

— Это уже не туман. Это дождь.

Дождь падал медленно, явно не собираясь прекращаться.

— А где Бейкер?

— Где-то сзади, — сказал Макфрис.

Гэррети, не говоря ни слова — слова теперь были роскошью, — отстал. В тумане он не нашел Бейкера и вновь оказался рядом со Стеббинсом. Макфрис назвал его алмазом, но и в этом алмазе появились маленькие трещинки. Сейчас они шли вдоль полноводного течения реки Андроскоггин. На другом берегу возвышались в тумане постройки Портервиллской текстильной фабрики, похожие на башни средневекового замка.

Стеббинс не поднял глаз, но Гэррети знал, что он заметил его присутствие. Оставалось ждать, когда он пожелает вступить в разговор.

Дорога изогнулась, и они перешли реку по мосту. Внизу бурлила вода, одетая хлопьями желтой пены.

— Ну?

— Побереги дыхание, — сказал Гэррети. — Тебе оно еще пригодится.

Они прошли мост, и толпа опять сомкнулась вокруг них. Река осталась слева, а справа возвышался почти отвесный холм. Зрители забирались на деревья, на кусты, друг на друга и хором выкрикивали имя Гэррети. Он вдруг увидел девушку из Брикьярд-Хилл по имени Кэролайн. Она уже была замужем, имела ребенка. Она могла бы в свое время дать ему, но он был мал и глуп. Впереди Паркер еле слышно выругался. Они опять взбирались на холм, но это был последний холм перед Фрипортом. Все как-то сгрудилось на вершине (у Кэролайн была отличная грудь, и она всегда носила облегающие свитера), потом начали спускаться.

— Ну? — повторил Стеббинс, отдышавшись. Выстрелы. Упал парень по имени Чарли Филд.

— Ничего, — сказал Гэррети. — Я просто искал Бейкера, а набрел на тебя. Макфрис думает, что ты выиграешь.

— Твой Макфрис — идиот, — сказал Стеббинс. — Ты правда думаешь, что разглядишь свою девушку в такой толпе?

— Она будет впереди. У нее есть пропуск.

— Полицейские слишком заняты, чтобы следить, у кого есть пропуск, а у кого нет.

— Это неправда, — Гэррети сердился, потому что Стеббинс вторил его собственным опасениям. — Зачем ты так говоришь?

— Ты действительно хочешь видеть свою мать?

— Что?

— Ты не хотел в детстве жениться на ней, когда вырастешь? Многие дети хотят этого.

— Ты что, спятил?

— Почему ты думал, что можешь выиграть, Гэррети? У тебя второсортный

интеллект, второсортная физическая подготовка и наверняка второсортное либидо. Я уверен, что ты не спал со своей девушкой.

— Заткни свой поганый рот!

— Так ты девственник? Может, ты тяготеешь к мужчинам? Не бойся ты говоришь с Папой Стеббинсом.

— Я переживу тебя, даже если придется идти до Вирджинии! — крикнул Гэррети в гнев. Он не помнил, чтобы так злился на кого-нибудь за свою жизнь.

— Ладно, ладно, — успокаивающе сказал Стеббинс. — Понимаю.

— Мать твою!

— О, интересное слово! Почему это ты его вспомнил?

Гэррети на миг показалось, что сейчас он бросится на Стеббинса или упадет в обморок от гнева, но он не сделал ни того, ни другого.

— Даже если придется идти до Вирджинии, — повторил он, стиснув зубы. Стеббинс сонно улыбнулся:

— Я чувствую, что могу идти хоть до самой Флориды, Гэррети.

Гэррети отшатнулся от него и пошел искать Бейкера. Гнев по-прежнему кипел в нем, смешиваясь с бессильным чувством стыда. Стеббинс, похоже, хотел вывести его из себя, и ему это удалось.

Бейкер шел рядом с парнем, которого Гэррети не знал. Голова его была опущена, губы беззвучно шевелились.

— Бейкер!

Бейкер поднял голову, мелко трясаясь, как собачонка:

— А, Гэррети.

— Да.

— Мне снился сон. Ужасно реальный. Который час?

— Без двадцати семь.

— Дождь, похоже, будет идти весь день?

— По...аай! — Гэррети качнулся, на миг потеряв равновесие. — Проклятая подметка отлетает.

— Оторви их к черту, — посоветовал Бейкер. — Ногти врастут в них, и будет еще хуже.

Гэррети скинул один туфель и пнул его в направлении толпы. К нему сразу же потянулись жаждающие руки; завязалась потасовка. Другой туфель не хотел слезать — нога в нем распухла. Гэррети нагнулся, получил предупреждение, но все же стащил туфель с ноги. Он хотел тоже кинуть его в толпу, но пожалел силы и оставил просто лежать на дороге. Вдруг на него нахлынула волна отчаяния. Он шел и тупо думал: «Я остался без обуви. Я остался без обуви».

Дорога под ногами была холодной. Сквозь остатки носков Гэррети ощущал каждый камешек. Он подошел к Бейкеру, который тоже шел без обуви.

— Я почти готов, — сказал спокойно Бейкер.

— Я тоже.

— Знаешь, я вспоминаю все хорошее, что со мной было. Один раз я впервые пригласил девушку на танец, и какой-то пьяный хер попытался ее у меня увести. Я вывел его наружу и набил морду — смог потому, что он был такой пьяный. И та девушка на меня так смотрела, что я был на седьмом небе от счастья. Вспоминаю мой первый велосипед. И как в первый раз читал «Женщину в белом» Уилки Коллинза... Это моя любимая книга. Вспоминаю, как сидел с удочкой над прудом, и как лежал во дворе с книжкой комиксов. Гэррети, я думаю об этом, как будто я уже старик.

На них брызнул серебристый утренний дождик. Толпа приутихла, но не уменьшилась — шеренгами вдоль дороги тянулись выжидающие лица под плащами и зонтиками. Бесконечный ряд серых лиц, похожих, как близнецы.

— Надеюсь, уже не будет темно, — сказал Бейкер. — Ненавижу идти в темноте, не зная, кто я и что я здесь делаю. Надеюсь, все кончится до темноты.

Гэррети начал говорить, но его прервали выстрелы. Бейкер скривился: — Вот чего я боюсь. Этого звука. Зачем мы делаем это, Гэррети? Мы все сошли с ума.

— Не знаю. Не знаю.

— Мы все в ловушке.

Длинный путь продолжался. Они проходили знакомые Гэррети места — заброшенные фермерские дома, птичники, засеянные поля. Он помнил, казалось, каждый дом. Ноги словно наполнились новой силой. Ему хотелось лететь. Но, может быть, Стеббинс прав — их там не будет? К этому лучше подготовиться. Пронесся слух, что у одного из участников аппендицит.

Гэррети не обратил на это внимание — он думал только о Фрипорте и о Джен. Стрелки на его часах жили какой-то своей дьявольской жизнью. Они не хотели двигаться. Но в любом случае до Фрипорта оставалось не больше пяти миль.

Небо немного прояснилось, но оставалось облачным. Дорога под дождем превратилась в черное зеркало, и Гэррети почти видел в ней искаженное отражение собственного лица. Он прижал руку ко лбу — лоб пылал. Джен, о Джен... Знала бы ты... Парень с болью в боку, Клиngerман, начал кричать. Гэррети вспомнил тот Длинный путь, который он видел — как раз во Фрипорте, — и участника, который монотонно твердил: «не могу, не могу, не могу». «Клиngerман, заткнись!» — взмолился он про себя.

Но Клиngerман все шел, продолжая стонать и вскрикивать, прижав руки к боку, а часы Гэррети продолжали идти. 8.15. «Где ты, Джен? Я не знаю уже, что ты для меня, но я еще жив и хочу, чтобы ты была там. Очень хочу». 8.30.

— Мы уже близко к этому чертову городу? — спросил Паркер.

— А тебе-то что? — спросил Макфрис. — Нас-то там никто не ждет.

— Меня ждут девушки повсюду, — сказал Паркер. — Только посмотрят, так и сразу писают в штанишки, — его лицо осунулось и вытянулось, оставив от прежнего Паркера только тень.

8.45.

— Помедленнее, приятель, — сказал Макфрис. — Оставь силы до вечера. — Не могу, — отозвался Гэррети. — Стеббинс сказал, что ее там не будет, я должен убедиться, что она там. Я должен...

— Не бери в голову. Стеббинс, чтобы выиграть, напоит собственную мамашу лизолом. Она будет там.

— Но...

— Никаких «но», Рэй. Успокойся и жди.

— Иди ты со своими погаными утешениями! — выкрикнул Гэррети и потер горячий лоб ладонью — Извини... Это так вырвалось. Стеббинс еще сказал, что на самом деле я хочу увидеть только свою мать.

— А ты не хочешь?

— Черт, конечно, хочу! Что ты думаешь... Не знаю. Когда-то у меня был друг, и мы с ним... Сняли одежду... И тогда она...

— Гэррети — Макфрис положил руку ему на плечо. Клиngerман все стонал, и какой-то толстяк из толпы спросил, не нужен ли ему «Алка-Зельцер». Шутка вызвала общий смех. — Ты теряешь контроль. Успокойся. Ты...

— Не тронь мою спину! — заорал Гэррети и, сунув в рот кулак, больно, до крови, укусил его. Потом добавил. — И вообще не тронь меня.

— Ладно, — Макфрис отошел.

Было девять часов — уже в четвертый раз. Их оставалось двадцать четыре, и они входили во Фрипорт. Впереди был кинотеатр, где они с Джен часто бывали. Свернув направо, они оказались на дороге № 1 — последней своей дороге. Дождь не переставал, но толпа все так же стояла вокруг. Кто-то включил пожарную сирену, и ее вой сливался со стонами Клиngerмана. Волнение наполнило вены Гэррети. Он слышал, как гулко бухает его сердце. Снова кричали его имя (Рэй — Рэй — иди скорей!